

АЛЕКСАНДР ПЕЛЕВИН

ПОКРОВ-17

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

18+

Содержит
нецензурную
брань

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

АЛЕКСАНДР ПЕЛЕВИН

ГОКРОВ-17

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

Москва • 2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6
КТК 610
П 24

Пелевин А.

П 24 Покров-17 : [роман]. — М. : ИД «Городец», 2021. — 304 с. — (Книжная полка Вадима Левентала).

Загадочные события, разворачивающиеся в закрытом городе Покров-17 Калужской области в октябре 1993 года, каким-то образом связаны с боями, проходившими здесь в декабре 1941-го. И лично с главным героем романа, столичным писателем и журналистом, которого редакция отправляет в Покров-17 с ответственным заданием.

Новый захватывающий триллер от автора «Калиновой ямы» и «Четверо», финалиста премии «Национальный бестселлер», неподражаемого Александра Пелевина.

ISBN 978-5-907220-84-3

© А. Пелевин, 2021
© ИД «Городец», 2021
© П. Лосев, оформление, 2021

Не теряйте надежды и совести, не впадайте в грех уныния, не складывайте оружия, не опускайте рук. Хватит заживо гнить в своих уютных капканах. Покиньте свои пыльные, затхлые закоулки — выйдите на свет безбожный, вдохните полной грудью. Родина ждет вас — безнадежно-молодых, отчаянных и непокорных. Требуйте и достигайте невозможного! Наступите на горло своей тоске, апатии, лени. Казните свой страх. Действуйте так, чтобы Смерть бежала от вас в ужасе. Мир держится — пока еще держится! — на каждом из нас — живом и непобедимом. И пусть нас мало — нас и всегда было немного — но именно мы двигали и движем историю, гоним ее вперед по сияющей спирали. Туда, где времени не было, нет и не будет. В вечность. Так не позорьте же себя и свое будущее. Встаньте!

Егор Летов

ПРОЛОГ

4 октября 1993 года

*Закрытое административно-территориальное образование
Покров-17, Калужская область*

Шел солдат, упал солдат
В желтую траву,
В бесконечный звездопад,
В сказку наяву.

И тогда пришел за ним,
Бел и шестикрыл,
Многоокий серафим
И заговорил.

Говорит: «Ты будешь сном,
Будешь тишиной,
Будешь ночью, будешь днем,
Небом и луной,

И глаза твои чисты,
И лицо черно.
Я принес тебе цветы —
Так заведено.

Спи, солдат, как спят в ночи
Горы и холмы,
Спи спокойно и молчи,
Стань таким, как мы.

Спи, солдат, как спит река,
Спи, как тень и прах,
Спи, как лодка рыбака
Дремлет на волнах,

Уподобившись нулю,
Станешь нам, как брат».

«Я не сплю, не сплю, не сплю», —
Говорит солдат.

Эти стихи я перечитываю, когда еду в автобусе до Покрова-17.

Строго говоря, так называется и город, и закрытая территория вокруг него. То есть я еду из Покрова-17 в Покров-17.

Это ржавый трясущийся УАЗ-«буханка». За рулем небритый сорокалетний мужик в потасканном камуфляже, на его коленях укороченный автомат Калашникова. Водитель нервничает и покусывает нижнюю губу, потому что хочет курить, но отвлекаться от дороги нельзя.

Кроме меня и водителя в автобусе еще трое. Они тоже в камуфляже и с автоматами, в черных вязаных шапках. У них уставшие лица. Они не смотрят на меня. Я не смотрю на них.

У меня тоже автомат. Я научился им пользоваться. Это оказалось очень просто.

По радио, прорываясь через скрипучие помехи, играет Анжелика Варум. Ах, как хочется вернуться, ах, как хочется ворваться в городок...

Водителю, видимо, не нравится эта песня, и он поворачивает ручку приемника. Гнусавый диктор говорит, что возле Дома Советов возобновилась стрельба. Прямо сейчас танки ведут прицельный огонь по верхним этажам здания. Внутри продолжается пожар. Слышны автоматные очереди. Счет раненых идет на десятки.

Водитель хмурится и выключает радио. Теперь ему хочется курить еще больше.

Кажется, в Москве все идет к концу. Здесь, в этой отрезанной от внешнего мира зоне, на этой потерянной территории, огражденной блокпостами и колючей проволокой, скоро все тоже кончится.

По окну автобуса стекают капли дождя, за стеклом серое небо и грязно-желтое поле. Впереди город. Я укутываюсь в шарф, потому что из окна дует прямо в шею. На распоротой кожаной обшивке сиденья прямо передо мной нарисованы черным фломастером серп, молот и звезда.

Я надвигаю на лоб шапку, чтобы никто не видел, во что я превращаюсь. Это не самое приятное зрелище. Хотя всем, конечно, плевать, потому что все уже давно это знают. Даже мне наплевать. Просто я не хочу лишний раз думать об этом.

Мои глаза скрывают темные очки, чтобы никто не видел, что с ними происходит. На мне грязная солдатская куртка с длинными рукавами, в которых можно прятать кисти рук. Я потолстел, хотя почти не ем. Мне удалось сохранить рассудок, но можно ли назвать это рассудком?

Я закрываю глаза и вспоминаю, как выходили из утреннего тумана черные тени с красными нимбами, как приближались ко мне, не переставляя ног, будто картонные силуэты, влекомые ветром. Они обступают меня со всех сторон. У них нет лиц, но я знаю, что они смотрят на меня.

Я знаю, что со мной происходит, и делаю только то, что теперь имеет смысл.

За эти дни я узнал о Покрове-17 почти все, что хотел. Почти все. Теперь надо узнать самое главное.

Поэтому я еду из Покрова-17 в Покров-17 и перечитываю стихи в блокноте.

Я понял одну важную вещь о моей книге. Всегда казалось, что в этой героической сказке о великой войне нет ни слова правды. Это не так.

Эта книга — самое правдивое, что я когда-либо писал.

Кажется, благодаря ей начинаю понимать, кто я на самом деле.

Я еду из Покрова-17 в Покров-17, чтобы добраться до Объекта и поставить точку.

Я знаю, как победить смерть.

Меня зовут Андрей Тихонов.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

21 сентября 1993 года

*Закрытое административно-территориальное образование
Покров-17, Калужская область*

Я совершенно ничего не понимал. Сначала даже не мог вспомнить, кто я и как меня зовут. Будто только что вышел из большого коматозного сна.

Болела голова, в глазах двоилось и темнело.

Я сидел за рулем моих стареньких «Жигулей». Машина стояла с включенными фарами на обочине шоссе, а вдалеке на краю темно-синего неба пробивалась голубая полоска рассвета — или нет, или это закат? Часы показывали 7:30. Для вечера слишком темно. Значит, рассвет.

Ровно гудел мотор. Из-за опущенного стекла пахло бензином и мокрой травой.

А потом я увидел, что рядом со мной в машине сидит мертвец в милицейском кителе с погонами майора.

Несколько секунд я смотрел на него.

Покойник сидел в кресле с запрокинутой головой и раскрытым ртом, из его груди торчала рукоять финского ножа. По кителю растекалось пятно черной крови. Из-под сбитой набекрень синей фуражки торчала прядь светлых волос.

У меня задрожали колени, к горлу подступила тошнота. Я смотрел в его лицо — бледное, с посиневшими губами и мутно-белесым взглядом.

Закрыл глаза, глубоко вдохнул, снова посмотрел на мертвеца, выдохнул и опустил лицо на руль, закрывшись руками.

Все выглядело реальным — и я, оказавшийся за рулем своей машины на обочине какого-то шоссе черт знает где, и рассвет впереди, и мертвец в синем кителе, и нож в его груди. Запах бензина и мокрой травы.

Как я здесь оказался?

Как, мать вашу, я здесь оказался?

Я же не спал, совершенно точно не спал и вроде не терял сознания — или терял?

Происходящее осознавалось медленно, голова соображала с трудом, будто в ней тяжело скрипели ржавые шестеренки.

Открытый бардачок, в нем фотоаппарат, пачка «Мальборо», зажигалка, кассеты — группа «На-На», «ДДТ», Иосиф Кобзон, а еще «Русское поле экспериментов» «Гражданской обороны» — пустая коробка, видимо, кассета в магнитофоне, кажется, я слушал ее по дороге — да, точно.

В свете фар посреди густой утренней синевы клубился туман, воздух был сырым и холодным.

Я посмотрел в зеркало.

Да, и это я, я узнал себя. Меня зовут Андрей Васильевич Тихонов. Я журналист и писатель. Я приехал сюда... Да черт, зачем я приехал сюда?!

Вот мое лицо, оно мне не нравится: одутловатое, с морщинами на лбу и вокруг губ, рыхлый подбородок, старые очки, из-за которых глаза кажутся маленькими черными угольками, редкие темные волосы с проседью. Куда ты полез, дед, ну куда ты полез...

Я еще раз глубоко вдохнул и снова выдохнул.

Я решил, что надо прийти в себя и разобраться. Я приехал сюда из Калуги. Где бы я сейчас ни был, сюда я точно приехал

из Калуги, я выехал оттуда днем. Куда? Куда я ехал? Что это за человек?

В конце концов все вопросы упирались в три основных: «что я здесь делаю», «как я здесь оказался» и «откуда здесь мертвец». На эти вопросы я ответить не мог.

Было страшно.

Чирикали первые утренние птицы и стрекотали насекомые. Полоска рассвета на горизонте посветлела до голубовато-белесого.

Я снова взглянул на мертвого майора, и шок от его вида сменился омерзением вместе с ненавистью и брезгливостью.

Я отстегнул ремень безопасности, потянулся через тело к двери с другой стороны, стараясь делать это осторожно, лишь бы не коснуться мертвеца — он отвратителен, он сама мерзость, мне показалось, что я сам заражусь смертью и умру, если прикоснусь к нему.

Я открыл дверцу нараспашку, а потом попытался вытолкнуть мертвеца ногой из машины. Труп оказался слишком тяжелым. Я оперся рукой о спинку своего сиденья, прислонился спиной к двери и толкнул мертвеца обеими ногами — одной в бок, другой в бедро. Труп покачнулся и вывалился из машины наполовину. Я пнул его еще раз и еще, и тело незнакомца рухнуло на обочину.

Какая мерзость.

Тело свело брезгливой судорогой, я вздрогнул, поморщился и захлопнул дверцу.

Кем бы он ни был, одной проблемой теперь точно меньше. Лучше не думать об этом.

Нет, не меньше. Ни хрена не меньше. У меня в машине сидел покойник. Сраный мертвец, майор милиции с ножом в груди. Мертвый, абсолютно мертвый, весь в крови. Господи, откуда?

Стало холоднее. Я запахнул серый пиджак, накинутый на свитер, поежился, снова огляделся, дрожащей рукой достал из

бардачка пачку сигарет, чиркнул зажигалкой, закурил, выдохнул дым прямо в лобовое стекло и сказал вслух первое слово после того, как пришел в себя.

— Говнище, — сказал я.

Это было все, что я мог сказать.

Услышав собственный голос, неровный и хриплый, я почувствовал себя лучше и немного спокойнее, насколько вообще можно быть спокойным в такой ситуации.

— Говнище, — повторил я громче и четче.

Надо ехать. Черт знает куда, лишь бы подальше от этого трупа на обочине — а там, может, и появятся какие-нибудь мысли о том, как я тут оказался и что делать дальше.

Я побарабанил пальцами по рулю, взглянул направо, будто проверяя, не встал ли вдруг мертвец на ноги, надавил на педаль газа, тронул и вырулил с обочины на трассу.

Дорога постепенно приводила мысли в порядок. Линия рассвета впереди окрасилась багровыми прожилками, воздух становился светлее и прозрачнее. На темных лугах по сторонам дороги лежал туман.

Надо было дышать. Я дышал ровно, глубоко, размеренно, насыщая мозг этим сырьим предрассветным воздухом, и боль в голове уходила, а мозг начинал лучше соображать.

Я вспоминал, зачем сюда приехал.

Я должен был собрать для статьи информацию о ЗАТО «Покров-17». Закрытая территория с 1981 года, около сотни квадратных километров, и никто не знает, что там — ведь туда никто никогда еще не попадал, и никто оттуда не выбирался. Только раз в неделю, говорят местные, через блокпост проезжают военные грузовики с продуктами. Наверное, с продуктами.

Кто там живет и что там происходит, тоже никто не знает. О других закрытых городах есть хотя бы более или менее достоверные слухи. Где-то ядерное оружие, где-то химическое, какие-то уже рассекретили или разворовали, какие-то только собираются, а здесь — ничего. Глухо. Не принимать же во вни-

мание безумные теории всяких фриков вроде Юрия Куропаткина и его газеты «Голос Галактики».

Мысли прояснялись.

Итак.

Днем 19 сентября я выехал из Калуги по направлению к этой территории. Но я не собирался отправляться в сам Покров-17, да и как туда попасть — это место закрыто блокпостами и обнесено колючей проволокой, вышки, прожекторы, военные, собаки... Нужно было подъехать на максимально безопасное расстояние, чтобы не заинтересовались солдаты, сделать несколько заметок и фотографий, поговорить с жителями окрестных сел.

Даже в какой-то мере хорошо, что в стране полный бардак. Может, хоть теперь что-нибудь удастся выяснить.

Вспомнился главный редактор, Пискарев, с его вечно скептическим выражением лица, с черными усами, острым носом и модными полутемными очками в толстой оправе. В тот вечер он ходил кругами по редакции, спрятав руки в карманы новеньского турецкого пиджака, и рассказывал, что нужно от материала.

— Андрей Васильевич, вы поедете в неприятное место, — говорил он. — Но и оплата, как я сказал, будет в тройном размере. Вам надо будет рассказать читателю о том, чего он вообще никогда не знал. Все знают сейчас и про Чернобыль, и про кучу всяких ЗАТО с ядерным оружием, а про Покров-17 мы сами узнали буквально пару месяцев назад. Как такое возможно? С восемьдесят первого года держать такой режим секретности... Я когда узнал — не поверил. Сейчас же все в полной жопе, хочешь — атомную подлодку купи со всеми секретами, были бы деньги, а тут...

— Вы правы, — говорил я. — Скажу честно, не особо рассчитываю узнать, что именно там происходит, потому что с таким режимом...

— Нет-нет, — замахал руками Пискарев. — Даже не пытайтесь пробираться внутрь, вы нам нужны живым и на свободе.

Поговорите с местными, которые живут рядом, не приближайтесь к периметру. Нам нужен хороший материал, но не такой ценой. Не рискуйте, умоляю, голову же потом с меня снимут. Вы еще можете туда вставить несколько слов о войне — у вас же в книге как раз про эти места?

— Да, там был поселок Недельное и были жестокие бои, но с тех пор это место, видимо, сильно изменилось. Даже город построили. Построили и через пятнадцать лет закрыли...

— Умоляю, Андрей Васильевич, вы нам еще очень нужны, не рискуйте, ради бога.

Я не собирался рисковать.

Еще бы.

Сейчас бы в пятьдесят два года рисковать ради газетной статьи. Я уже рисковал, когда оказался на первомайских беспорядках в Москве. Видел, как человеку разбили голову, а потом тот лежал в крови и не двигался. Потом меня утащила толпа, чуть не затоптали бегущие люди, я впервые испытал настоящий страх за свою жизнь. Этого хватило*.

Через четыре дня после разговора с Пискаревым я выехал на машине от Москвы до Калуги. Эти «Жигули» я купил два года назад, потратив все сбережения и добавив гонорар за книгу. Так далеко на машине я еще не выбирался.

Гостиница в Калуге, отвратительный завтрак, остывшая яичница, прогулка до музея Циолковского, постоять и покурить с красивым видом на реку, потом снова гостиница, поспать пару часов, перекусить, снова сесть в машину.

По радио рассказывали, что в Москве творится какая-то чертовщина. Хасбулатов, Верховный совет... Я очень хотел спать и не понимал, что происходит. Радио пришлось выключить — клонило в сон.

---

* 1 мая 1993 года в Москве милиция разогнала праздничное шествие коммунистов.

Что было дальше? После того, как я выехал из Калуги и вы-
рулил через Малоярославец на дорогу к Покрову-17?

Что было дальше?

Я не помнил. И до сих пор этого не помню.

Каждый раз, когда я вспоминал мертвеца, по спине пробегала дрожь и шею сводило судорогой; я старался прогнать эти мысли, но не мог, перед глазами стояло его мертвое лицо, его опустевший взгляд и нож, торчащий из груди.

Спустя десять минут поездки по трассе я увидел на обочине голосующего человека.

Отлично. Теперь будет хотя бы понятно, что это за место.

Я сбавил скорость и увидел в свете фар невысокого лысого мужчину в камуфляжной куртке с сизым воротником.

Ура. Хотя бы не мертвец.

Впервые за все это время я улыбнулся собственной дурацкой шутке, сбавил скорость и затормозил.

Мужчина в куртке тоже заулыбался и ускоренным шагом двинулся к машине. Его улыбка мне не очень понравилась.

Я разблокировал дверцу.

Мужчина резко распахнул ее, просунул голову в салон и наставил мне в лицо обрез двустволки.

— Гони в Светлое, дед. Быстро.

Человек криво улыбался, обнажив зуб с золотой коронкой, его лицо было одутловатым и с недельной щетиной. Обрез смотрел черным дулом прямо в мои глаза.

Говнище.

Странно, но я даже не чувствовал страха, а слова пришли на язык сами собой.

— Я не дед, — сказал я. — Мне пятьдесят два.

— А выглядишь как дед, — продолжил мужчина с обрезом, не переставая криво улыбаться. — Давай, гони в Светлое.

Он говорил с ярким южнорусским «гэканьем» — я раньше думал, что так говорят только на Украине, но оказалось, что

звук «г» так произносят почти по всей южной России, вплоть до Калужской и Брянской областей.

Он забрался на сиденье и захлопнул дверцу, не отводя ствол. Теперь он упирался мне в бок.

Лучше делать то, что говорит этот человек с обрезом. Ни разу в жизни на меня не наставляли оружие. Непонятно, что обычно делают в таких ситуациях. Наверное, то, что скажут. Логично.

— Хорошо, — я развел руками. — Но я даже не знаю, где это твое Светлое.

— Ты нездешний, что ли, а? — с подозрением спросил мужчина.

Я покачал головой.

— Да не заливай, — мужчина вдруг оживился, его глаза не здорово заблестели. — А выглядишь как здешний. Что заливаешь тут? Машина у тебя... Вот уж не думал, да. Повезло мне с тобой. Так откуда ты, а? Из «Прорыва»? Из ментов? Нет, если б из ментов, я бы тебя запомнил, значит, из «Прорыва»?

Он говорил быстро и оживленно, будто очень давно ни с кем не общался и теперь наконец прорвало. Голос его звучал неприятно. Нужно было вести себя максимально осторожно: незнакомец явно на взводе. Обрез, видимо, тоже.

— Тем не менее я не отсюда, — терпеливо повторил я.

— А откуда? И как сюда попал? Сюда же хрен попадешь, ты чо, ты чо, а? — он придвигнулся поближе. — Ты чо врешь мне, а? А машина откуда? Тут «Жигулей» вообще не бывало, все тачки по пальцам можно пересчитать. Погодь, да у тебя рукав в крови... Что, мочканул кого? Мочканул уже? Ну ты, дед, даешь, а...

Я покосился на рукав пиджака: он действительно испачкался в крови.

— Слушай, — сказал я. — Убери свой обрез, он заставляет меня нервничать, а когда я нервничаю, я плохо веду машину. Ты мог бы просто по-человечески попросить подбросить тебя до своего Светлого. Может, и мочканул. Какое твое дело?

Опять странно. Я никогда не переходил с незнакомцами на «ты», даже если те вели себя по-хамски. Мужчина в камуфляжной куртке хрюкнул, но обрез не убрал. Он выглядел и разговаривал как типичный зэк. Я видел таких, когда в восемьдесят седьмом писал серию заметок об исправительно-трудовой колонии в Саратовской области.

— Короче, — сказал он. — Если не знаешь, где Светлое, я покажу. Это прямо пятнадцать километров, потом на дорожку свернуть... Мне надо там поговорить с одним человечком, ага, прямо очень вот надо... Ствол не уберу. Раз ты кого-то уже мочканул, то и меня можешь мочкануть, а? Можешь? Можешь, вижу, что можешь...

— Ладно, давай поедем в твое Светлое. Только скажи мне...

Я на секунду замолчал, пытаясь сформулировать вопрос так, чтобы он не казался слишком идиотским.

— Мы вообще где?

Не получилось.

— Ты как тут оказался, дед? — незнакомец быстро огляделся вокруг и снова недоверчиво уставился на меня. — По тебе же видно, что здешний, ну очень похож, да...

— Если бы я сам знал, — я вздохнул. — Послушай, я не дед. Я писатель. Андрей Васильевич Тихонов. Читал?

Незнакомец покачал головой.

Черт с ним.

Я надавил на газ, осторожно тронулся с места и продолжил заговаривать зубы.

— Я написал книжку о боях за поселок Недельное во время Великой Отечественной, он был тут до появления Покрова-17, этот поселок, потом черт знает, что с ним стало, но суть не в этом. «На Калужский большак», так называется книжка. А сейчас я пишу статью для газеты про Покров-17. Я хотел добраться до этих мест, расспросить местных...

— Ты в Покрове-17, — сказал незнакомец. — Как пропуск раздобыл, а?

— Я не раздобыл пропуск, — ответил я. — Не знаю, как сюда попал. Просто пришел в сознание тут, на обочине.

— Заливаешь мне тут... Раз пропуск раздобыл, значит, знаешь, как отсюда выбраться. А я как раз и хочу отсюда выбраться. А ты? Ты хочешь отсюда выбраться?

— Не знаю, — сказал я.

— Дурак, дед. Отсюда все хотят выбраться. Только никто не может. Ты, это... — он, кажется, немного расслабился. — Ты говоришь, книжку про войну написал. Воевал?

— Нет, — мне стало забавно, и я улыбнулся, глядя перед собой на трассу. — Как я мог воевать, мне же пятьдесят два года, я в сорок первом только родился.

— А выглядишь, как будто воевал.

Как же он надоел.

Я не умел общаться с такими людьми. Вернее было бы сказать — не любил.

Когда мы проехали еще десять километров по трассе, впереди на горизонте показался алый край солнца, лучи рассвета вспыхнули бликом на лобовом стекле. Я поморщился, но от солнца стало легче и спокойнее.

Незнакомец по-прежнему не убирал обрез. Он выглядел уставшим, но напряженным. Судя по красным глазам, он не спал всю ночь.

— Раз уж так, — сказал я. — Скажи хотя бы, как тебя зовут и откуда ты вообще.

— Допустим, Леша, — ответил незнакомец. — Обычно меня звали Блестящий. Из-за лысины, ага.

— Что-то подсказывает, что ты каким-то образом связан с не очень законными делами. Даже не знаю что. Кличка? Внешний вид? Твой обрез?

Блестящий ухмыльнулся и не стал отвечать.

Мой козырь сейчас — разговорить человека с обрезом, попробовать если не расположить его к себе, то хотя бы вывести на нейтральное отношение. Успокоить, в конце концов.

— Ты лучше расскажи мне про это место. Что здесь вообще?
Тут разве не один городок?

— Городок... — протянул Блестящий. — Зона-то большая.
Тут три деревеньки, Светлое, Железное и Колодец. Есть желез-
нодорожная станция, но туда лучше не соваться. Ну и в самом
центре... Небольшой городок, да, это и есть Покров-17. Там ин-
ститут какой-то, где ученые работают, менты и солдаты туда-
сюда мотаются, там почти все дома пустые, ну, знаешь, панель-
ки пятиэтажные. А ты что, на экскурсию приехал? Какого хрена
я тебе тут все рассказываю?

— А от тебя убудет? — я не переставал удивляться своей
наглости.

Блестящий снова хрипло хохотнул.

— Да и правда, хрена ты турист такой, не могу... Ну про
Черный Покров и объект хоть знаешь?

— Что?

Блестящий снова хищно заулыбался, сверкнул золотым зу-
бом, прищурился.

— Да ты гонишь, дед... Как сирены выли, не помнишь?

— Нет. Что это вообще?

— Значит, увидишь еще. Ну, как увидишь... — он усмехнулся.

Казалось, Блестящий стал относиться ко мне чуть теплее.
Значит, сработало. Я ненавидел конфликтовать с людьми. Все-
гда лучше втереться в доверие, расположить, уболтать. Даже
если на тебя наставили обрез.

— А чем вы тут тогда занимаетесь? — спросил я.

— Челноки мы, дед. В Химки ездим. Деревянными членами
торгуем.

— Что?

Блестящий расхохотался, брызнул слюной, кашлянул.

— Да шучу, боже ж ты мой. Выживаем. Как можем. Я вот
с обрезом выживаю. Лучше, чем без обреза.

— Слушай, убери его уже, я нервничаю, — сказал я.

— Хер тебе. Вот там видишь поворот? Нам туда.

Что ж, не сработало.

Когда машина подъезжала к повороту, Блестящий покосился взглядом на открытый бардачок.

— О, что за музыка у тебя? Русское поле... чего? Экспериментов? Народные песни что ли слушаешь? «На-На» не слышал. Поставь что-нибудь, нам еще минут десять ехать.

Народные песни. Ага.

Я вдавил кнопку проигрывателя. Раздался хриплый, протяжный голос вперемешку с потрескиваниями и шипением:

Набить до отказа собой могилу —
Это значит наследовать землю.
Что же такое наследовать землю?
Это значит исчерпать терпение,
Что и требовалось доказать...

— Вырубай, башка щас лопнет, — сказал Блестящий. — Что ты только слушаешь... Батя у меня таким голосом орал, когда пьяный был.

Я выключил проигрыватель. Ну конечно, подумал я, ничего удивительного.

О «Гражданской обороне» я узнал в 92-м году, когда пришел на встречу со студентами факультета журналистики МГУ. Один наглый долговязый парень вместо того, чтобы поддержать разговор о книгах или о журналистике, спросил, слушали ли я современный российский рок. Я тогда засмеялся. Я вообще редко слушал музыку.

А долговязый не унимался и продолжал говорить: послушайте, мол, «Гражданскую оборону», я уверен, что вам должно понравиться. Я потом совершенно позабыл об этом, а потом, гуляя по Арбату, наткнулся на надпись черным фломастером на стене: «Гражданская оборона», где буквы «а» были стилизованы под символ анархии. Вспомнил, спустя пару дней ради любопытства раздобыл у знакомых самопальную кассету с криво

напечатанным черно-белым вкладышем, поставил дома в магнитофон — и ошелел.

— Время сейчас такое говно, — продолжал Блестящий. — Вроде и посвободнее, караулы ослабили, на армию совсем болт положили, а грузовики с продуктами ходят реже, и жратвы стало меньше, черт его знает, дед, что будет... Нас тут все забыли нахер. Горбачев забыл, а Ельцин с Гайдаром своим и Чубайсом и подавно забыли. Ты писатель, да, так пиши, пиши! Про всё напиши! Как нас тут забыли, как мы тут живем как звери, как боимся... Ты же не знаешь, да, точно, ты же не знаешь! Ха!

Он наклонился — из его рта воняло — и понизил голос до хриплого шепота:

— Тут жесть происходит, понимаешь? Тут страшно. Тут Черный Покров. Тут мертвые святые ходят тенями. И твари эти, и люди как чудовища, и чудовища как люди...

Пока Блестящий говорил это, лицо его выглядело совсем иначе, будто у испуганного ребенка.

— Что за... О чем ты? — ошарашенно спросил я.

— Весело тебе тут будет, дедуль, — Блестящий снова криво улыбнулся и замолчал.

Мы свернули с трассы и выехали с асфальта на грунтовую дорогу, проходящую через сосновый лес. Машину затрясло сильнее. Вскоре за очередным поворотом кончился лес, и за ржавой перекошенной табличкой с надписью «Светлое» показалась деревня.

Мы проехали несколько покосившихся домиков с крышами из дырявого рубероида, с длинными покосившимися заборами и разросшимися палисадниками, со штабелями гнилых досок, накрытых брезентом. Людей на улице не было.

— Уже почти, — сказал Блестящий. — Вот у этого дома останови.

Я подвел машину к дому, на который он указал.

— Выходи, — скомандовал Блестящий.

Пришлось открыть дверь и выйти из машины.

— Отдай ключи, — сказал Блестящий.

— Зачем?

— Чтобы ты не сбежал. Думаешь, я тут найду хоть еще одного придурка с машиной? Гони давай, таксист.

Я отдал Блестящему ключи, тот сунул их в карман, захлопнул дверцу, хитро посмотрел на меня, ухмыльнулся, снова ткнул мне в лицо обрезом.

— Жди, я недолго. Поговорю с человечком и вернусь.

Я кивнул.

Блестящий пошел к дому в выцветших досках цвета гнилого персика. Медленно, осторожно, сначала заглянул в одно окно с почерневшим наличником, потом в другое. Потом встал у калитки, просунул руку, вытащил крючок с другой стороны. Прошел во двор, поднялся на крыльцо, неуверенно дернул дверь — она оказалась открыта. Потянул дверь на себя и боком протиснулся внутрь.

Я вспомнил, что оставил сигареты в машине. Протиснул руку в открытое окно, нашарил в бардачке пачку, вытащил, зажал в зубах сигарету, закурил.

В доме грохнул выстрел.

Я вздрогнул.

Раздался еще один выстрел. Вдалеке залаяли собаки.

Я крепко скжал пальцами сигарету и затянулся, не отводя взгляд от крыльца.

Дверь резко распахнулась, но на крыльце вышел не Блестящий.

Это был высокий небритый мужик в растянутой белой майке и синих тренировочных штанах. В руке он держал пистолет Макарова.

Он вскинул пистолет и навел на меня ствол.

— Так, ты, урод! Ты еще кто? — резко и нервно крикнул он, не сходя с крыльца.

Я не понимал, что отвечать, но на всякий случай бросил сигарету и поднял руки.

— Я, ну... Я писатель. У меня нет оружия, не надо стрелять.

— Писатель? Ты что тут забыл? Это его машина? — человек с пистолетом кивнул в сторону дверного проема.

Он выглядел так, будто его разбудили с тяжелого похмелья. Опухшее красное лицо, всклокоченные волосы, явно не знавшие мытья как минимум несколько недель, нервные, дерганые движения, сиплый голос.

— Это моя машина, — сказал я. — У него в кармане мои ключи. Мне бы их забрать, и я бы просто уехал отсюда. Я вообще не знаю, кто он.

— Почему вы вместе? — вскрикнул человек, медленно сходя с крыльца и не отводя пистолет.

— Мы не то чтобы вместе... Он тоже угрожал мне оружием и заставил приехать сюда.

— Ты мне не заливай, урод, — незнакомец медленно приблизился, продолжая держать меня на мушке. — Ты откуда вообще? Из «Прорыва»? Из ментов?

— Я не отсюда.

— А похож на местного. Ладно. Был бы из ментов, я б тебя помнил.

Кажется, где-то я уже слышал это.

Подойдя ближе, незнакомец внимательно осмотрел меня с ног до головы, потом осмотрел машину, потом снова меня.

Потом опустил пистолет.

— Ладно, — повторил он. — Мне срать, кто ты такой и откуда. Помоги закопать этого.

С этими словами он опять кивнул в сторону дома.

— А меня не застрелишь? — спросил я.

— Не будешь выпендриваться — не застрелю. Пойдем.

Мы поднялись по крыльцу и прошли через сени в избу, слабо освещенную керосиновой лампой. Под ногами скрипели доски.

Классическая деревенская картина — замазанная глиной стена печки, гобелен с оленями на стене, иконы в углу, кровать на пружинах с драным матрасом. Из кухни воняло чем-то пережаренным.

И этот спертый запах затхлой одежды, пыли и старых обоев.

Блестящий лежал на полу посреди комнаты, нелепо раскинув руки, с открытыми остекленевшими глазами. Полы его камуфляжной куртки разметало в стороны, по футболке на животе растекалось черное пятно, еще одно, чуть поменьше — на груди.

Второй мертвец за час.

— Разбудил меня, пидор, — сказал незнакомец. — Водки выпьешь?

Кажется, без водки тут никак. Я кивнул, не переставая смотреть на труп Блестящего. Снова стало отвратительно, как тогда, с мертвцем в машине.

— Щас все организуем, папаш, водочка что надо... — сказал незнакомец, спокойно перешагнув через труп.

От него несло нечищеными зубами и перегаром.

— Вы с ним, кажется, не поладили.

— О да-а-а, — протянул он. — Этот дохлый мужик много говна натворил на своем веку. Вредный мужик. Хорошо, что дохлый.

Он подошел к буфету, вытащил бутылку водки, разлил по стаканам.

— Держи, — он протянул стакан прямо через тело Блестящего.

Я залпом выпил, поморщился, крякнул. Водка обожгла нутро.

Незнакомец тоже выпил, поставил стакан.

— Тебя как зовут-то? — спросил он.

— Андрей. Я писатель и журналист. Я тут, чтобы собрать...

— Да насрать всем, для чего ты тут. Сейчас ты тут, чтобы помочь мне избавиться от этого, — он опять кивнул на труп. — Закопаем и дело с концом. Меня Корень зовут, рад, как говорится, знакомству. А это еще...

Корень посмотрел в сторону раскрытоого окна; я взглянул туда же.

На подоконнике, свесив короткие пухлые ножки, сидел маленький толстый человечек, ростом меньше метра, совершенно голый, лысый, круглопузый, с непропорционально большим приплюснутым носом и маленькими глазками, заплывшими жиром. Его лицо выглядело до невозможного уродливым.

А потом я увидел, что его ступни больше похожи на мягкие розовые копытца.

Человечек приоткрыл слюнявый рот и с удивлением разглядывал труп Блестящего.

— Пш-ш-шел отсюда! — рявкнул Корень до того, как я успел хоть что-то сообразить.

Человечек вздрогнул, пробормотал что-то неразборчивое, неуклюже соскочил с подоконника наружу, плюхнулся в заросший лопухами палисадник и пустился наутек.

— Вечно лезут, когда не надо... Что вылупился? Давай копать, — он хлопнул в ладоши, явно повеселев после водки, и указал пальцем в сторону сеней. — Там лопата, возьми.

Я оглянулся — в углу сеней стояла лопата, испачканная в наезде.

Я взял лопату, а Корень подхватил труп Блестящего под лодыжки, приподнял их, напрягся и с кряхтением поволок тело к выходу.

— Может, помочь? — неуверенно предложил я.

— Ну тебя... — прокряхтел Корень. — Писатель. Лопату неси, потом копать будешь.

И остановился, потому что снаружи раздался бодрый и звонкий голос.

— Добр-р-ое утро!

Корень бросил тело Блестящего, нахмурился, осторожно выглянул в окно и смаочно выругался.

— Да твою мать...

Корень сплюнул на пол, отобрал у меня лопату, швырнул ее в сторону, снова выругался, потом наклонился ко мне и быстро зашептал:

— Так. Я буду говорить, а ты будешь мне поддакивать и во всем соглашаться. И оба будем в шоколаде. Понял? Это бешеный человек.

Я кивнул.

Корень притворно улыбнулся, вытащил из кармана пистолет, проверил обойму, снова сунул в карман и открыл дверь.

— Стой за мной и не высовывайся особо, — прошептал он напоследок, а затем вышел на крыльце. — Здра-а-австуйте, товарищ капитан! Давно не видел!

У моей машины, опершись рукой о капот, стоял высокий мужчина в темном парадном кителе с воротником-стойкой и капитанскими погонами, но без положенной к нему фуражки на голове, в ослепительно белых штанах. У него были нестриженные смолянисто-черные волосы с вы ющейся челкой, крепкие скулы и большие глаза.

Пока Корень не видел, я опустился на корточки перед телом Блестящего, нашарил в его кармане ключи от машины, положил к себе.

Капитан улыбнулся во все зубы, зачесал пятерней волосы назад и пошел к крыльцу.

— А вы, дорогой, охоту затеяли? Уток стреляете? Или по грибы? Как думаете, можно ли стрелять в грибы? С одной стороны, конечно же, технически можно, ведь технически можно все, но смысл в этом, смысл? Понимаете?

Он говорил мягко и быстро, слегка картавил и не переставал улыбаться. В его речи не было «гэканья», к которому я уже успел привыкнуть за этот час. Видимо, не местный. Несмотря

на легкую сутулость, в нем ощущалась внутренняя стать, точно у белогвардейского офицера из старого кино.

— А вы опять про ваши грибы, товарищ капитан, — улыбнулся в ответ Корень.

— Постоянство — путь к вечности. А что такое вечность? Вечность противостоит силам хаоса. Не для того ли мы здесь? А что это за товарищ интеллигентного вида из-за двери выглядывает? И откуда у вас такая роскошная машина? В наших краях таких, сами знаете...

Корень нервно метнулся взглядом в мою сторону и продолжил, уже не улыбаясь:

— Это мой старый друг... Андрей. Ему жить негде, вот и... А машину, ну, в городке нашел, в гараже стояла. Чуть починил, и вот на ходу, как новенькая.

— Конечно, конечно, — еще быстрее заговорил капитан. — Мы же тут все друзья, у нас нет другого выхода. Кстати, о друзьях! Я тут недавно слышал, что еще один ваш, эмм, друг собирался вас навестить. Совершенно, понимаете, неожиданно. Прямо даже очень внезапно, я бы сказал.

Капитан тоже перестал улыбаться. Он остановился прямо перед нижней ступенькой крыльца, сложил руки за спиной и выжидающе смотрел на Корня.

Я заметил, что Корень прячет руку в кармане, в который положил пистолет, и его запястье напряжено.

— Да? И кто же? — спросил он капитана.

— А это я у вас хотел спросить. Он же к вам поехал. Кажется, вместе с вашим другом. Как на охоту сходили? — он опять улыбнулся.

— Ничего не знаю.

— А я знаю.

Лицо капитана резко стало серьезным.

Корень выхватил из кармана ствол. Выстрелить он не успел.

Раздался оглушающий хлопок. Корня откинуло назад, он пошатнулся и вцепился рукой в перила крыльца, едва не упав.

Капитан держал в руке пистолет, со ствola поднимался легкий дымок.

Корень, тяжело дыша и стиснув зубы от боли, снова попытался прицелиться в капитана. Его рука дрожала.

Снова грохнул выстрел. Корень резко скорчился, захрипел, упал на колени и рухнул ничком под мои ноги.

Третий труп за час.

Капитан вновь улыбнулся во все зубы.

— Пал Вавилон великий с его бесконечным днем! Я родился в семье морского офицера. Меня учили метко стрелять даже в шторм.

Он посмотрел на меня и таким же спокойным голосом продолжил:

— Добро пожаловать, Андрей Васильевич, извините за это все. Два... или сколько там, три убийства за час? Многовато. То ли еще будет, но не хочу вас пугать. Вы не бойтесь, спускайтесь. Его убил, а вас не убью.

У меня дрожали руки. Я поправил очки на носу. Было холодно и страшно, ноги казались ватными. Я спустился по ступенькам крыльца, неуклюже пытаясь не наступать на труп.

— Слушайте... — я встал перед капитаном, оглянувшись на тело, снял и протер рукавом очки, снова нацепил их на нос. — Что тут вообще происходит?

Капитан убрал пистолет в кобуру и пожал плечами.

— А черт его знает, Андрей Васильевич. Видите — людей с самого утра убивают. Шучу. То есть нет, не шучу, конечно, убивают... Давайте сядем в машинку и доедем до города.

— З-зачем? — мой голос дрогнул.

— Я должен вам тут все показать и рассказать. Вы же наш гость, понимаете? Вам надо освоиться. Вы же писатель? От вас идет мощная творческая энергия, хоть и не люблю это слово.

Капитан слегка наклонил голову, а потом указал рукой на мою машину.

— Поедем. Я за рулем.

Я старался не думать, почему этот человек все знает. Мы сели в машину — он на водительское кресло, а я туда, где еще утром сидел труп. Меня передернуло. Захотелось встать и уйти. Вместо этого я пристегнулся.

— Что ж, поедем в город, все покажу, со всеми познакомлю. Будете тут как дома, — продолжил он.

Он надавил педаль газа и стал выруливать на дорогу.

— Я тут не то чтобы дома, товарищ капитан, я хотел бы еще и вернуться.

— Зовите меня просто Капитан, — ответил он. — Если будете писать книгу — с большой буквы.

И снова улыбнулся.

Мы выехали на пыльную деревенскую дорогу. Солнце поднялось из-за горизонта и потеряло ярко-багровый блеск, вдали зажелтели прожилками тучи. Начинался день. В небе низко висели тяжелые облака, и казалось, еще немного и прольет дождь. Мы проехали через деревню — на улице по-прежнему ни одного человека, но, наверное, все спали — и вырулили на развилке направо, в сторону широкой дороги.

— Раз вы хотите все мне рассказать, — медленно заговорил я, — так расскажите. Что такое Покров-17? Что здесь находится?

Капитан покачал головой, поправил прядь на лбу, скептически хмыкнул.

— Вам, наверное, многое рассказали. Про Черный Покров? Про всяких, ну... тварей? Про мертвых святых? Про Объект?

— Я ничего не понимаю. Какой еще Объект, какой покров?

— Насчет Объекта врать не буду, я сам не знаю, что там. Почти никто не знает. Только в институте. И то не все. А Черный Покров и мертвых святых сами увидите. Тварей, к сожалению, тоже. И людей как чудовищ, и чудовищ как людей. Вы же понимаете, — он смягчил голос, — что вы отсюда не выберетесь? Вас

просто не выпустят на КПП. Нельзя. Даже за взятку. Да и откуда вы деньги возьмете, тут денег как таковых нет.

— Как это — не выпустят? — не поверил я. — Вы местный шутник?

— Я никогда не шучу. Все, что я говорю — чистая правда.

Я тяжело вздохнул и отвернулся.

Это все бред, фантазия, преувеличение. Капитан явно любит приврать для красного словца.

— Я бы очень отсюда хотел выбраться, — мой голос задрожал. — Слушайте, вы-то кто такой, зачем вы все это... Я-то вам зачем? Я арестован?

Капитан снова хмыкнул.

— Что вы, почему сразу арестован, просто, понимаете... Хорошо, расскажу по порядку. Вы, наверное, гадаете, почему я о вас все знаю? Это не я. Мне позвонили из института, рассказали о вас, попросили встретить и привезти на место. Вы нужны институту. Зачем? Я не знаю. Меня просто попросили вас встретить. Можно сказать, что мое призвание здесь — собирать вместе хороших и разных людей.

— И убивать, — сказал я.

Капитан невозмутимо кивнул.

— И убивать. А что поделать? Слушайте, в стране хаос, и в Покрове-17 тоже начинается хаос, а я не хочу хаоса. Я его не люблю. Есть люди, которые помогут вам, и вы поможете им сделать хорошие вещи. Насколько это возможно в наши дни, конечно. Вы человек умный, писатель, у вас нестандартное мышление, тут такие нужны. Очень нужны. А вы отсюда нет, не выберетесь, нет, отсюда никого не выпускают.

Я снова отвернулся и посмотрел в окно.

Да бред все это, думал я. Полный бред.

Утреннее солнце заползло под тучи и просвечивало белесой кляксой, небо становилось серым, облака постепенно стягивались в сплошную серую массу.

— Не против, если включу радио? — спросил Капитан.

Я кивнул. Ком застрял в горле. Стало тошно.

Капитан включил радио, стал крутить ручку. Из динамика зашипели помехи. Затем послышался сухой голос диктора:

— ...подтверждает, что Борис Ельцин уже сегодня намерен выступить с заявлением о распуске Верховного Совета. Также, по данным источника, министр обороны Павел Грачев планирует провести экстренное заседание коллегии военного ведомства...

Капитан недовольно хмыкнул, снова повернул ручку, и голос ведущего потонул в скрипце и скрежете. И спустя несколько секунд я услышал другой голос: звонкий, с протяжными нотками, с какой-то парадоксальной смесью интеллигентской манерности и жесткости рабочего парня с окраин.

— ...эти чертовы блокпосты и эту чертову колючую проволоку. Даже отсюда мы видим, как предатели рвут на части нашу некогда красивую и сильную Родину. Пока мы сидим тут взаперти, как подопытные крысы для института, пока мы блуждаем во тьме — в самом прямом смысле во тьме! — мир снаружи гибнет, а с ним гибнем и мы. Прорыв необходим. Прорыв — наш единственный шанс выжить. Вы чувствуете, что Покров-17 медленно убивает вас. Вы не можете это не чувствовать. Это железный факт. Приходите к нам. У нас есть...

Капитан выключил радио.

— Старик, — сказал он. — Опять вещает тут. Знаете Старики? А, точно, откуда же. Это командир группировки «Прорыв», наверняка уже слышали о ней. На самом деле он хороший человек, я его знаю. Очень необычный человек, но хороший. Только вы никому не говорите, что он хороший. Ладно, давайте лучше музыку послушаем!

Капитан вытащил из магнитофона мою кассету, достал из бардачка другую наугад, вставил, вдавил кнопку. Щелкнула магнитола, внутри с потрескиванием зашуршала пленка. Это были «ДДТ».

— Что такое осень — это небо... — раздался в динамике хриплый голос.

— О-о-о! — присвистнул Капитан. — Как верно я угадал, а? Эта песня идеально подходит ко всему, что здесь происходит! Плачущее небо под ногами...

— В лужах разлетаются птицы с облаками... — пел Шевчук.

— Осень, я давно с тобою не был, — подпевал Капитан. Ему явно стало еще веселее.

— Осень, в небе жгут кор-р-рабли! — продолжал он, неумелым хрипом пытаясь копировать голос Шевчука. — Осень, мне бы пр-р-очь от Земли-и-и! Там, где в мор-ре тонет печа-а-ль, осень — темная да-а-аль!

Я не смотрел на капитана. Хотелось молчать и глядеть в окно.

— Приуныли вы, Андрей Васильевич, — продолжил Капитан. — Понимаю. Что такое осень? Это камни... Не унывайте! Что вас держит там? У вас нет жены и детей, родители умерли. Осень вновь напомнила душе о самом главном... Бросьте эту печаль. Как писал Алистер Кроули, каждый человек одинок навсегда.

— Осень, я опять лишен покоя... — продолжал хрипеть голос в динамике.

Капитан стал раздражать меня. Я повернулся к нему и тихо сказал:

— Вы всегда так много говорите?

— О-о-осень, в не-е-ебе... Что? Да. Всегда. А с кем тут говорить? С кем? С этими вот? — он кивнул назад. — Лучше уж в монастырь, дать обет молчания! Там, где в мор-р-е... Стоп.

Он нахмурился, выключил магнитофон и снизил скорость.

— Чувствуете? — тихо спросил он.

— Что?

— А, ну да... Сейчас. Буквально через пару секунд...

Да что еще такое, черт возьми.

Я ничего не чувствовал, но стало не по себе. Быстрыми движениями снял очки, протер их рукавом и снова нацепил на нос.

Капитан осторожно припарковался у обочины и затормозил.

Вдалеке взревели сирены.

Громко, длинно, протяжно, с железным скрежетом и электрическим завыванием. Звук усиливался и приближался, будто пролетая прямо над нами.

Господи.

По спине пробежал холодок. Я никогда не слышал ничего подобного. Только в рассказах о войне.

— Что это? — пробормотал я.

Сердце забилось сильнее, в висках запульсировало, дрогнули пальцы.

Звук сирен нарастал с каждой секундой, он бил по ушам и впивался на высоких нотах в барабанные перепонки.

— Готовьтесь, — сказал Капитан. — Сейчас будет темно.

Мне захотелось спрятаться куда-нибудь — хоть куда, лишь бы отсюда подальше, зарыться в землю, перестать существовать для всего этого мира.

Ревели сирены и темнели облака, становясь плотнее, ниже и тяжелее, и небо сначала стало темно-серым, а потом, наливвшись густыми сумерками, соединилось в своей темноте с облачками.

Я потянул ноздрями воздух и почувствовал слабый запах дегтя.

Сирены стихали, а мир вокруг с каждой секундой становился темнее, будто очень быстро наступала ночь.

Но это была не ночь.

Темная пелена стущалась вокруг, тяжелела и уплотнялась, проникая под самую землю, в деревья, в кусты, в придорожный песок, заполняя лобовое стекло автомобиля, точно сам воздух вокруг становился этой чернотой.

Я посмотрел на свои руки и увидел, как пляшут на них расплывчатые черные кляксы, растекаясь по коже и становясь темнее, и еще темнее, и еще, казалось бы, куда еще темнее, но вот — в лобовом стекле машины уже ничего не видно, ни дороги, ни деревьев, ни облаков, и все это напоминало ночное

беззвездное небо, но оно было везде, вверху, внизу, сзади, спереди, справа и слева.

Я посмотрел на Капитана и увидел, что его лицо темнеет. Тот повернулся, вздохнул и что-то сказал, но звуки исчезали, и я мог только видеть, как шевелятся губы.

Умолкли сирены, стихло все вокруг, исчез шум моторов.

Я попытался посмотреть на свои руки, но увидел только мутные белесые пятна. Потом исчезли и они.

Пропали все звуки.

Наступила чернота.

Исчезли все цвета, пропали источники света, будто весь мир затопило густыми чернилами и воздух вокруг стал непроплывным слепым.

Я закрыл глаза.

Разницы не было.

* * *

ИЗ МАТЕРИАЛОВ К ПОСОБИЮ ПО ЭКСПЕРИМЕНТАМ

В УСЛОВИЯХ АБСОЛЮТНОГО ПОГЛОЩЕНИЯ

СВЕТОВОГО ПОТОКА

*Научно-исследовательский институт аномальных
световых явлений ЗАТО «Покров-17»*

Абсолютное поглощение светового потока (АПСП) — временное, хаотично возникающее явление, при котором все видимые объекты в обозримом пространстве полностью поглощают фотоны, в результате чего их наблюдение становится невозможным. АПСП наблюдается исключительно в пределах закрытого административно-территориального образования «Покров-17» с 5 апреля 1981 года; другие примеры возникновения АПСП неизвестны.

ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ЯВЛЕНИЕ АПСП:

1. В отличие от обычной ночной темноты, при возникновении АПСП полностью отсутствует адаптация глаза. Сетчатка и колбочки никак не реагируют на наступление темноты, сколько бы она ни длилась. Наступившая темнота, таким образом, абсолютна и не позволяет что-либо увидеть. Полностью отсутствует стимуляция палочек и колбочек внутри глаза, в результате чего клетки фоторецепторов не посылают в мозг никакой реакции.

2. В зоне воздействия АПСП перестают функционировать осветительные приборы, а открытый огонь прекращает быть источником освещения. Тепловая энергия не преобразуется в световую. Причины этого неизвестны.

3. АПСП начинается и заканчивается постепенно, скорость развития явления варьируется. Согласно сообщениям очевидцев, испытуемых и сотрудников НИИ аномальных световых явлений, АПСП начинается как легкое погружение в сумерки и заканчивается абсолютной темнотой.

4. АПСП — временное явление. Его продолжительность варьируется. Средняя статистическая продолжительность АПСП — 17 минут 30 секунд. Самое долгое АПСП было зафиксировано 13 ноября 1985 года и длилось 1 час 34 минуты и 13 секунд. Самое короткое АПСП было зафиксировано 25 июня 1987 года и длилось 4 минуты и 5 секунд.

5. АПСП — хаотическое явление. Оно возникает бессистемно, не имеет четкого графика, не зависит от времени суток и погодных условий. Частота возникновения АПСП варьируется. Наибольшей частоты явление достигло 12 февраля 1983 года — 5 эпизодов за одни сутки. С 12 апреля по 1 мая 1987 года был зафиксирован самый продолжительный период отсутствия АПСП. Чаще всего (в 75 % случаев) следующий эпизод возникает не раньше, чем через 30 часов после предыдущего.

6. АПСП также воздействует на слуховую систему, полностью либо частично лишая возможности слышать и распознавать звуки. Причины такого воздействия не изучены.

7. АПСП в ряде случаев может вызывать приступ паники, тахикардию, дрожание конечностей. Установлено: развитие сердечно-сосудистых заболеваний, нарушения в работе нервной системы, бессонница часто связаны с длительным пребыванием в условиях АПСП. Какие-либо критические нарушения в работе организма, вызванные воздействием АПСП, не выявлены. Эпизодов, при которых воздействие АПСП привело бы к смертельному исходу, не зафиксировано.

8. При возникновении эпизода АПСП иногда ощущается стойкий запах смолы или дегтя.

9. АПСП служит источником для возникновения скоплений вещества Кайдановского.

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ АПСП

Причины явления остаются предметом дискуссии. Теория о массовой галлюцинации опровергнута. Волновая природа не доказана. Версии об электромагнитном либо радиоактивном излучении не подтвердились. Подлинная природа явления, несмотря на длительное изучение, до сих пор не выяснена. Большинство исследований показывают связь АПСП с Объектом-1 как с непосредственным источником явления, но природа этого взаимодействия не установлена.

СВЯЗЬ АПСП С ОБЪЕКТОМ-1

ОБЪЕКТ-1 — кодовое обозначение объекта, предположительно являющегося источником АПСП. Объект-1 расположен под железобетонным укрытием. Доступ внутрь возможен исключительно в составе экспедиционной группы, оборудованной средствами индивидуальной защиты. Подробное описание Объекта-1 и Объекта-1Б см. в приложении 2 (СТРОГО

СЕКРЕТНО! ИНФОРМАЦИЯ ДОСТУПНА ТОЛЬКО ДЛЯ РУКОВОДЯЩЕГО СОСТАВА ИНСТИТУТА).

ИСТОРИЯ ВОЗНИКОВЕНИЯ АПСП НА ТЕРРИТОРИИ ЗАТО «ПОКРОВ-17»

5 апреля 1981 года в 11:23 впервые зафиксирован эпизод АПСП. Явление вызвало сильную панику среди жителей города Недельное Малоярославецкого района Калужской области и близлежащих деревень Светлое, Железное, Колодец. По решению Калужского облисполкома во избежание дальнейшей паники днем 5 апреля в городе отключена телефонная связь, радио- и телевещание, введены части Внутренних войск МВД СССР. На въездах в город установлен особый пропускной режим. Сформирована правительственная комиссия для установления причин ЧП.

6 апреля в 7:45 эпизод АПСП повторился. Паника в городе усилилась. Правительственная комиссия прибыла на место.

8 апреля в 15:20 эпизод АПСП повторился. Комиссии удалось установить границы распространения АПСП. Любопытно, что сторонние наблюдатели за пределами закрытой зоны не замечали потемнения или каких-либо других аномальных явлений.

10 апреля по распоряжению Калужского облисполкома жители города Недельное и близлежащих деревень эвакуированы. Вокруг зоны АПСП введен особый охранный режим. В город направлена исследовательская группа для подробного изучения феномена. Эпизоды АПСП возникали регулярно с периодичностью в два-три дня.

С мая по июнь 1981 года вокруг территории установлены защитные ограждения.

13 июня 1981 года членам исследовательской группы удалось установить, что наиболее интенсивное проявление признаков АПСП наблюдается вблизи Объекта-1.

20 июня 1981 года в здании администрации города Недельное организован Научно-исследовательский институт аномальных световых явлений.

16 июля 1981 года указом Верховного Совета СССР город Недельное переименован в Покров-17 и вместе с прилегающей территорией и близлежащими населенными пунктами Светлое, Железное, Колодец определен как закрытое административно-территориальное образование «Покров-17» с особым режимом охраны. Администрация города Недельное ликвидирована, функции управления возложены на руководство НИИ аномальных световых явлений.

*Зав. архивом НИИ аномальных
световых явлений
Старший научный сотрудник
ГОНЧАРОВ И. И.
25.07.1988*

ГЛАВА ВТОРАЯ

Из книги Андрея Тихонова «На Калужский большак»

21 декабря 1941 года, деревня Пожарки

Бойцы взвода лейтенанта Старцева ввалились в хату, взмокшие, краснолицые, стаскивая на ходу винтовки с плеч. Внутри было так же холодно, как и снаружи, но хотя бы не было ветра и мокрого снега, впивающегося в лицо.

— Эх, ну и прогулочка!

— Всего-то ничего прошли, тю!

— Что ж хату не натопил-то никто, холодина задрала уже!

— А ты что разнылся, костерок сейчас сварганим да и погреемся...

— Жратву-то когда давать будут?

Красноармеец Селиванов зашел в хату последним, пропустив сержанта Громова, и ему впервые за последние три часа стало повеселее — хоть какой-то отдых после долгого перехода по бездорожью.

— Будет жратва, — сказал сержант, которого Селиванов пропустил вперед. — Оружие в пирамиду сложите, сколько раз говорил не разбрасывать. И дров надо набрать...

Бойцы сложили винтовки в пирамиду, расселись, расстегнули ватники и шинели, запыхтели, точно выдыхая скопившуюся усталость.

Селиванов присел у подоконника, расстегнул воротник и почувствовал рукой, как размазались по коже комочки грязи.

— Помыться бы... — сказал он, глядя перед собой.

Рядовой Пантелейев, низкорослый, с плоским лицом и живыми глазами, расселся на досках рядом с Селивановым, распахнув полы шинели, развязал сидор, достал кусок хлеба.

— Это да, баньку бы натопить, — сказал он и оторвал зубами мокрый от холода мякиш.

— Насчет помыться — это уж не сейчас, ребят, — сказал сержант Громов. — Не забывайте, немца наши только утром сегодня отсюда выбили. В жаркое mestечко пришли. В Недельном будет еще жарче.

Этим утром передовые подразделения 238-й стрелковой дивизии заняли деревню Пожарки, от которой оставалось всего пять километров до Недельного. К деревне медленно стягивались остальные части, но многие застревали в снегу и задерживались по дороге. Стрелковому батальону 837-го полка повезло — удалось добраться почти к трем часам дня. Отдыхать, по всей видимости, предстояло недолго.

Селиванов достал из вещмешка потертый блокнот с огрызком карандаша, послюнявил, сложил на коленке, начал что-то записывать.

— Эй, Селиванов, — крикнул из другого угла хаты круглоголовый и краснощекий Денисенко. — Опять поэму писать уселся? Почитай нам!

— Не поэму, — улыбнулся Селиванов. — Просто записки. Что тут читать, сами все знаете, что было, то и записываю.

До войны Селиванов работал корреспондентом в ленинградской газете. Иногда писал стихи. Однажды послал свои юношеские рифмы Луговскому и очень гордился коротким отзывом: «Юноша, вы молодец. Больше читайте».

Когда в июле пришла повестка, ему было двадцать лет.

Сержант Громов оправил под ремнем шинель, которая была ему велика, осмотрел хату, снял шапку-ушанку, пригладил рукой вспотевшие волосы и вдруг нахмурился.

— Так, ребята, а куда Игнатюк делся? Всех вижу, его не вижу.

— По бабам пошел! — крикнул Пантелеев, дожевывая кусок хлеба.

По хате прошлись смешки.

— Ну тебя... — сказал Громов. — Какие бабы тут, что несешь?

— А Игнатюк даже в лесу в три часа ночи бабу себе найдет, — сказал Денисенко.

Бойцы захохотали.

— Тьфу, — Громов сплюнул и натянул на голову ушанку. — Игнатюка найти надо, если опять не явится на построение, с меня лейтенант три шкуры сдерет, сами знаете.

— А вот и он! — крикнул кто-то.

Все обернулись в сторону дверей. У прохода стоял Игнатюк — запыхавшийся, с улыбкой на красном лице. Он был не один. Рядом с ним стоял, радостно размахивая хвостом, всклокоченный рыжий пес.

— Друга вам привел, — как бы извиняясь, сказал Игнатюк. — Уцепился за мной, как хвост, я ему — иди давай отсюда, а он ни в какую. И смотрит глазищами своими, ну как тут удержаться? Покормим хоть?

Пес вбежал в хату, обнюхал Громова, потом Селиванова, потом Пантелеева, затем сел посреди хаты и тряхнул мордой.

— Ты какой хороший! — красноармеец Максимов соскочил с печи, наклонился к собаке, почесал за ухом.

— Что, Игнатюк, нашел себе бабу? — ехидно протянул Пантелеев.

— Да ты совсем с глазду съехал? — обиделся Игнатюк. — И вообще, это кобель. Вон, болтается у него...

— Пантелеев, твои шуточки уже слишком, — строго сказал Громов. — Игнатюк, у тебя своего пайка не было, чтоб собаку накормить? Ладно, ладно... Хороший барбос.

Наклонился, погладил по голове — пес доверчиво заскулил и снова мотнул ушами — улыбнулся, спросил ласково:

— Что ж с хозяевами-то твоими...

Пес снова заскулил и улегся на доски.

Пантелейев вытащил из сидора замотанный в бумагу кусок сала, отрезал финкой кусок, подозвал свистом пса, и тот, вскочив с досок, засеменил к нему лапами.

Съел прямо с руки, проглотил, пристально посмотрел в глаза Пантелейеву, ожидая следующего куска.

— Теперь барбос твой друг, — засмеялся Игнатюк. — Вот сам и корми.

Селиванов смотрел на собаку и улыбался. Он любил собак. В Ленинграде у его семьи был пес по имени Альберт. Почему «был»? И сейчас есть...

«Но далеко», — подумал Селиванов, вздохнул, почухал пса за ухом, снова улыбнулся.

Кухня приехала только спустя час. А после обеда, ближе к закату, уже улегся ветер, и бойцы развели во дворе костер. Стали греться, снимать рукавицы, держать ладони у огня, почти не чувствуя раскаленного пламени. Позвали к костру ребят из второго отделения — у тех отсырели дрова.

Воздух становился густым и темным, еловый лес на окраине скрылся в сумерках, и голубоватый непритоптанный снег скрипел под солдатскими валенками.

С ними у костра сидел и пес — поближе к огню, сытый, довольный.

На костер пришел и комвзвода лейтенант Старцев, высокий, смуглый, в плотном белом полуушубке. Подошел к остальным, присел на корточки, протянул руки к языкам пламени.

— А третье отделение где? — спросил он у Громова.

— А вон, — тот показал пальцем в сторону крайней хаты. — Дровишек натащили, сейчас тоже обогреются.

— Хорошо... — сказал Старцев. — Ночь, бойцы, может оказаться тяжелой. Тут теперь командный пункт дивизии. Вон там, самая большая изба, видите? Там сейчас полковник Коротков и комиссар дивизии Груданов. Всем командирам и политработникам приказано явиться вечером. Может, уже сразу ночью на Недельное пойдем.

— Прямо ночью? — спросил Пантелейев, растирая снегом обожженные костром руки.

— Полковник хочет внезапности. Там же фрицы еще ни в чем не разобрались, технику отводят на Калугу, хороший шанс, говорят. Я еще толком не знаю ничего. У Короткова поймем. Но вы на всякий случай отдыхайте, набирайтесь сил.

— Так точно, товарищ лейтенант, — сказал Громов.

Сумерки легли на деревню, искры от костра уходили в беззвездное черное небо, и Селиванов, грея руки у костра, думал — может, эти искры и станут звездами, ведь не может же быть такого, чтобы в небе совсем не было звезд. Он больше не хотел ни о чем думать. Ни о том, что его, красноармейца Василия Селиванова 1921 года рождения, может быть, этой ночью убьют, ведь если думать об этом каждый раз перед боем, можно рехнуться. Ни о том, что далеко-далеко, в Ленинграде, сейчас злая, голодная зима, и как там его мама с папой, и как там его Альберт.

Подумав о Ленинграде, Селиванов крепко скжал зубы и нахмурился.

— Такая наша работа... — вздохнул сидящий рядом Пантелейев, точно услышав его мысли, и в этот раз он решил обойтись без шуток. — Что приуныл, Вась?

— Да мои в Ленинграде, — сказал Селиванов.

Пантелейев похлопал его по плечу.

— Не ссы, братух. Хорошо все будет. Привезем еще в Ленинград Гитлера в клетке, а за ним поливальные машины пустим, чтобы улицу отмывать.

Селиванов улыбнулся.

— Так и сделаем, — сказал он.

Пантелейев подмигнул, поправил на голове ушанку и протянул руки к костру.

По всей деревне горели маленькие костры, у которых сгрудились бойцы, и был вечер, и было темно и морозно, а возле самой большой избы, где окна завесили плащ-палатками, стояла штабная «эмка», на которой прибыл полковник Коротков.

В штабе дивизии обсуждали дальнейшее наступление на Недельное. Это село в пяти километрах от Пожарок нужно было взять обязательно — немцы превратили его в крупную базу снабжения, и здесь же работали службы тыла 13-го армейского корпуса. Овладев Недельным, дивизия сможет перехватить дорогу на Калугу.

Селиванов думал об этом и о том, что говорил лейтенант, и ему было совсем не страшно.

Отец, прошедший империалистическую войну, рассказывал, что у каждого человека на фронте однажды наступает момент истины, после которого не страшна смерть. Это момент, когда солдат вступает в прямую схватку со смертью и видит ее лицо. Но он не рассказал, когда именно это происходит. Может быть, в первом бою, когда над тобой впервые в жизни свистят пули? Селиванов не успел об этом спросить.

В черное и беззвездное небо уходили бесследно искры от солдатских костров.

Местных в селе не было.

* * *

21 сентября 1993 года

*Закрытое административно-территориальное образование
«Покров-17», Калужская область*

Не было ничего. Абсолютная темнота. Даже нет, не так — это не просто отсутствие света, это полное отсутствие *всего*.

Сколько это продолжалось? Пять минут? Десять? Пятнадцать?

Мысли в голове тянулись как резина, казалось, будто я даже не чувствую собственного сознания, будто не чувствую себя самого.

Но в темной пелене вновь появились мои пальцы, кисти рук, вокруг смутными кляксами стали проступать серые про-

блески неба, и вот появилось лицо Капитана, широко раскрывшего глаза и тоже глядящего по сторонам.

Вокруг возвращались звуки — гул мотора, тиканье часов, скрипящие радиопомехи в динамике.

Посветлело небо.

Капитан облегченно выдохнул и посмотрел на часы.

— Прошло пятнадцать минут. Казалось, что меньше, да? Вот и Черный Покров. Как вам?

У меня тряслись пальцы.

Капитан выглядел серьезнее, чем пятнадцать минут назад, он перестал хитро щуриться и улыбаться уголками губ. Теперь он нервно барабанил пальцами по рулю и беспокойно посматривал по сторонам.

Потом он надавил на педаль газа, вырулил с обочины.

Мы медленно поехали по дороге. Я молчал. Капитан тоже.

Я вспомнил слова Старика по радио: «в самом прямом смысле во тьме». Так вот о чем он...

— Этот институт, — сказал я после долгого молчания. — Вы говорили, что мне там помогут. Там хотя бы знают, что вообще случилось и почему я тут оказался?

— Знают. Это я ничего не знаю. А они все знают.

Капитан снова легко улыбнулся.

Вдруг вытаращил глаза, резко вдавил тормоз, вывернул руль в сторону обочины.

Прямо перед нами дорогу перебегали маленькие человечки. Я вспомнил, что видел похожих в доме Корня. Их было пять — разных размеров, разного вида, и все они гнались через дорогу со всех сил, быстро семеня ножками. Один, самый крупный, бежал впереди всех, придерживая руками свое необъятное пузо.

Другой — с огромным красным клювом вместо носа и с рыхлыми мешками под глазами. Третий — с обвисшей грудью и впалым животом, а на руках его вместо кистей торчали копыта. Еще один одноглазый, с жиidenькой бородкой и заячьими

ушами, и еще один, самый маленький, около полуметра ростом, был вовсе похож скорее на шуструю безволосую обезьянку с головой коня.

Когда машина затормозила, они испуганно взвизгнули и отпрянули в сторону. Один из них, тот, что с бородкой, от неожиданности упал на спину и замахал руками, не в силах подняться; его быстро подняли другие и погнали пинками дальше.

— Тррр-тррр-тррр! — закричал отвратительным голосом тот, что держал в руке пузо.

Другой, с клювом, повернулся к нам задом, наклонился и громко испортил воздух.

Капитан стиснул зубы от отвращения.

Я смотрел, широко раскрыв глаза.

Капитан раздраженно надавил рукой на клаксон; человечки тут же испуганно рванули дальше в поле, трусливо оглядываясь.

Капитан выругался и поехал дальше.

— Это... Это что было? — спросил я, продолжая смотреть вслед убегающим человечкам.

Один из уродцев подпрыгнул на месте, найдя что-то в траве, и позвал остальных.

— Это ширлики, — сказал Капитан. — Их так называют. Тут был один художник... Хороший художник. Он увидел их и так прозвал. И прижилось. Ну а как еще называть? Вы их не боитесь, они обычно первыми не нападают. Но держитесь подальше. Укусят — мало не покажется.

Я обернулся и увидел, что один из них достал из травы кусок чего-то черного, похожего издали на уголь.

— Что, смотреть на них интересно? — слегка раздраженно спросил Капитан. — Ну да, вы новенький, вам все интересно, а я бы век их не видел. Отвратительные тупые карлики. Животные. Бегают по лесам, по полям, на дороги выбегают, иногда заходят в деревни, воруют тушенку и колбасу. Хорошо, что они в город редко заходят. Но заходят.

— Я видел одного такого, — сказал я, вновь повернувшись вперед, потому что ширликов было уже не разглядеть. — А что они ищут в поле?

— Вещество Кайдановского. Его называют так ученые. По фамилии человека, который первым описал его свойства. А местные называют его угольком. Черный Покров каждый раз оставляет на земле вот эти маленькие угольки. Следы черноты. Они выпадают, как снег или дождь. Сделаны из непонятного легкого пористого минерала, как пемза или что-то вроде того. И ширлики их едят. Просто обожают их жрать. Бывает, иногда давятся и умирают. А еще этими угольками тут ширяются наркоманы. Топят на костре — они быстро плавятся — и колют в вену. Идиоты. И повторю: не злите ширликов и не позволяйте себя укусить.

Он посмотрел на меня и виновато улыбнулся, видимо заметив выражение моего лица.

— Простите уж. Слишком много новой информации на вас навалилось. Понимаю, — сказал он.

Мы продолжили ехать молча. Небо затянулось серыми облаками, воздух ощущался сырым и прохладным. Ровно гудел мотор, машину трясло на разбитой дороге, я смотрел в окно и время от времени замечал на полях небольшие группы ширликов, ковыряющихся в траве; иногда они дрались за найденные угольки.

Я вспомнил, как выезжал вчера из Калуги: тогда я думал, что смогу вернуться в гостиницу уже ночью, а потом в Москву. Да, в Москву.

— Слушайте, — медленно проговорил я, не отрывая взгляда от окна. — Я не хотел здесь оказаться.

Капитан скорчил ехидную мину, пожал плечами:

— Я тоже.

— Невозможно, чтобы отсюда нельзя было выбраться, — продолжал я. — Должен же быть какой-то способ! Это же не тюрьма!

В самом деле, что за бред, это же не тюрьма, не остров и не ад.

— Это хуже тюрьмы, Андрей Васильевич. Из тюрьмы можно выбраться, когда подходит твой срок. Здесь срока нет.

— А вы как тут оказались? Вы же тоже не всегда здесь были?

— Так же, как и вы. Почти, — уклончиво ответил Капитан. — Милейший, я понимаю, вы не можете поверить, что вы теперь здесь навсегда. Я тоже не мог поверить. Думаете, мне здесь весело?

Он замолчал. Дорога уходила в сосновый лес.

— А знаете, — продолжил Капитан. — Вы совсем раскисли. Хотите, историю расскажу? Про грибы. Хотя нет, это уже скучно. А может, про оккультные практики иезуитов? Недавно мне удалось пообщаться с египетским богом Анубисом. Очень интеллигентно побеседовали. Думаете, опять шучу? Нет. Чистая правда...

Я молча покачал головой.

Капитан снова пожал плечами и замолчал.

Когда кончился лес, мы проехали железнодорожный переход, и я наконец увидел город.

* * *

Город утопал в зелени, в разросшихся по тротуарам кустах, в деревьях, пробивших корнями бетонные плиты, в высокой траве на детских площадках и автобусных остановках, будто все эти пятиэтажные панельки, ларьки, телефонные будки в один момент выросли посреди леса. Трава прорастала через разбитый асфальт дороги, зеленела на обшарпанных балконах и крышах домов.

Было очень странно видеть здесь людей. Пока мы ехали, я заметил троих. Бабка в грязном платке и коричневом пальто сидела на скамейке у дома, опервшись подбородком о палку; какой-то маргинального вида мужчина в потертой куртке

шарил в траве на газоне, будто что-то искал; и еще один мужчина, толстый, в майке и потасканных трениках, я заметил его в открытом окне хрущевки на третьем этаже, смотрел на мою машину с испугом и удивлением.

Люди здесь выглядели чужеродными элементами, будто не должно быть их тут, будто вместо них тут должны жить чудовища.

Мы медленно ехали по улице, и машину трясло, а мимо проносились одни и те же однообразные дома, облупившиеся бело-серые фасады, окна с темнотой за тусклыми стеклами, заваленные мусором парадные с заколоченными дверями, ржавеющие оставы брошенных автомобилей, пустые витрины магазинов.

И вывески на первых этажах — парикмахерская, булочная, книги, столовая.

Проехав немного по главному широкому проспекту, Капитан вдруг свернул налево.

— Как-то резко свернули, — заметил я.

— На этом отрезке проспекта иногда устраивают засады боевики «Прорыва», — ответил он и обеспокоенно осмотрелся. — Сюда даже милиция не суется.

— Вы же говорили, что Старик хороший человек.

— Старик хороший. И умный. А пуля — дура. Люди здесь нервные. Сначала стреляют, потом здороваются.

— Как давно отсюда ушли люди? — спросил я.

— В восемьдесят первом, — ответил Капитан, глядя на дорогу перед собой. — Когда впервые появился Черный Покров. Люди подумали, что на СССР напали американцы, другие решили, что это наши испытывают какое-то новое оружие. Все случилось быстро. Пришли солдаты, вывезли всех, оцепили территорию, поставили блокпосты. Все делалось в спешке, вывезли не всех, остались деревенские, остались мародеры, бандиты, одним словом — неблагонадежные элементы, которым этот беспорядок был на руку. Потом тут стали работать ученыe под

защитой армии. Стало ясно, что Черный Покров приходит от того, что сейчас зовут Объектом. Над ним построили защитное укрытие, а здание администрации переоборудовали под институт, чтобы изучать всю эту непонятную чертовщину. Сюда свезли ученых, всяких академиков, испытателей, навезли им оборудования, стали работать и изучать. Ученые тоже были не в восторге, что их сюда поселили. Но смирились и живут. Тут все смирились и живут. Человек привыкает ко всему. Как писал Карлос Кастанеда...

— И что выяснили? Что происходит?

— Понятия не имею. Но что-то очень важное. Как видите, эту территорию охраняют получше, чем атомные городки.

Я вздохнул.

— Верьте мне и держитесь рядом, — сказал Капитан. — Я ваш Вергилий в этом аду.

Итак, посреди города есть некий Объект. От него по неизвестной причине приходит чернота, которая накрывает все в радиусе сотни километров. Это место уже тринадцать лет изучают ученые и до сих пор не понимают, почему это происходит. В городе и в окрестных деревнях по-прежнему живут люди. Тут есть те, кто охраняет порядок, а еще эти, которые жрут вешество Кайдановского, или угольки... Ширлики, да.

Мы выехали к перекрестку.

Взревев мотором, из-за угла резко вырулил наперерез милицейский ЗИЛ с глухим кузовом и решетчатыми окнами, с визгом затормозил, встал посреди дороги.

Капитан вдавил тормоз. Меня качнуло вперед.

И только я успел подумать, что здесь что-то не так, как справа и слева из-за перекрестка выбежали люди в черных масках, в касках, бронежилетах и с автоматами Калашникова. Их было пятеро или шестеро — я не успел подсчитать, — а из открывшейся двери грузовика выскочили еще четверо, тоже в масках и с автоматами.

— Твою мать... — успел выругаться Капитан.

Окружили, наставили на машину автоматы, по двое подбежали к дверям, заорали наперебой, глухими голосами, с командной хрипотцой:

— Двери открой! Выходи из машины! Вышел, давай!

Я застыл на месте и не мог выговорить ни слова.

Капитан открыл дверь, осторожно вышел с поднятыми руками. Двое в бронежилетах, наставляя на него стволы автоматов, указали на асфальт:

— Ложись, руки за голову! Ложись, говорю! Быстро!

Капитан послушно улегся на дорогу. От ужаса я совершенно не понимал, что делать. Наверное, надо делать то же, что и Капитан, подумал я и начал отстегивать ремень.

— Что сидишь, быстро из машины, кому сказал, быстро, давай, пошел! — раздалось над самым ухом.

Я посмотрел в окно. На меня смотрело дуло автомата.

— Да-да...

Я не слышал даже самого себя.

Одеревеневшими от ужаса пальцами я открыл дверцу, вышел из машины, подняв руки.

— На землю, быстро, руки на голову положил!

Перед глазами все сливалось в туман — и вороненые стволы автоматов, и глаза в прорезях масок, и серо-голубой пятнистый камуфляж, бронежилеты, грузовик, и подъехавший к нам сзади милицейский уазик.

— На землю, кому сказал!

Я лег, положил руки на затылок. Очки перекосились на носу, и теперь я видел перед собой только асфальт и ноги в начищенных берцах.

Кто-то уселся сверху, схватил руки, завел их за спину, и на запястьях щелкнули наручники.

— Ребята, — раздался со стороны голос Капитана. — Вы же знаете меня, я...

— Пасть закрой, — сказал один из людей в камуфляже, его голос звучал тише, чем у остальных. — Ты меня достал уже,

понимаешь? Ты, твоя ворованная форма, патлы твои и твои
вечные непонятные друзья.

— Слушайте, нам надо в инсти...

— Пасть закрой. Ты! — он приблизился ко мне. — Ты убил
сотрудника милиции.

У меня перехватило дыхание. Да, черт, да, тот самый мерт-
вец в машине.

— Я все расскажу, — сдавленно пробормотал я.

— В машину его, — рявкнул голос. — Расскажешь, конечно,
и про убийство, и про хату блатных, и что ты делаешь с уроды-
ми из «Прорыва».

— Да какой еще «Прорыв»... — сбивчиво заговорил я, когда
чьи-то руки уже поднимали меня с асфальта.

— Он не имеет никакого отношения... — сказал Капитан.

— Я не с тобой разговариваю! — взревел голос. — Пусть не
придуривается! А ты за свои шутки еще получишь. Его в дру-
гую машину!

Меня подтащили к открывшейся двери грузовика, один из
людей в бронежилетах запрыгнул передо мной, подхватил меня
за подмышки, сзади подтолкнули.

Усадили на скамью. Напротив уселись трое в масках и с ав-
томатами. Дверь с лязгом захлопнулась.

* * *

**ИЗ МАТЕРИАЛОВ ПО ИЗУЧЕНИЮ ВОЗДЕЙСТВИЯ
НА ЧЕЛОВЕКА АБСОЛЮТНОГО ПОГЛОЩЕНИЯ
СВЕТОВОГО ПОТОКА**

*Научно-исследовательский институт аномальных
световых явлений ЗАТО «Покров-17»*

РАСШИФРОВКА ОПРОСА НАСЕЛЕНИЯ № 97

Респондент: ПАНКРАТОВ АФАНАСИЙ МИХАЙЛОВИЧ, род.
12.09.1923, проживает в дер. Светлое, ЗАТО «Покров-17»

ВОПРОС: Афанасий Михайлович, почему вы не уехали в восемьдесят первом?

ОТВЕТ: А куда уехать-то? Я тут всю жизнь прожил и тут помру, мои тут все похоронены, я отсюда на войну ушел, сюда и вернулся... Сами потом отстраивали все, вот этими руками, а эти приходят и говорят: уехать надо. Куда уехать? Зачем? От черноты этой? Я ту черноту и так каждую ночь вижу, ты чего, родной?

ВОПРОС: Но это все-таки другая чернота.

ОТВЕТ: А и что? Не страшно, не болит ничего, темно и темно, что тут бояться?

ВОПРОС: Вы помните, когда это впервые произошло?

ОТВЕТ: Помню, помню, ага, в восемьдесят первом тогда и случилось. Мы с бабкой покойной утром на крыльце вышли белье снять — тут и началось. Бабку чуть кондратий не хватил, упокой ее душу, начинает темнеть, а она охает: «Афоня, помираю!» Дура была, эх. А я что, я подумал, что, наверное, война началась... Бабку тогда еще за руку держал крепко-крепко, как сейчас помню, и она в мою руку вцепилась, не отпускала... Так и стояли. Не видно ни черта и не слышно было, жуть! Как ведро на голову надели. А как прошло, вся деревня собралась, все, конечно, перепуганы, никто ничего не понимает, а потом еще и телевизор выключился... Ну, думаем, все, и правда война.

ВОПРОС: А как сейчас? Привыкли? Как справляетесь во время эпизодов?

ОТВЕТ: Человек к любой дряни привыкает, так-то. Обык, конечно, столько лет-то прошло! Как сирены воют, я сразу присяду куда могу — если в зале, то на диван, если во дворе, то на крыльце или скамейку, ну или на землю, сяду и жду. Сердце иногда побаливает, но это не от черноты, а от старости уже...

ВОПРОС: А вас не донимают ширлики?

ОТВЕТ: Жаль, ружье давно продал! Перестрелял бы их всех к хренам, уроды доставучие! То колбасу сташат, то хлеб, то придут после черноты, угольков нажрутся и давай валяться по траве, хихикают, безобразничают, пердят что твой трактор... Я их

метлой гоняю-гоняю, толку никакого, они же просто не понимают человеческого языка! Я, слышь, как чернота пройдет, лопатой из двора угольки выкидываю — и на дорогу. Чтоб хотя бы во двор не лезли. Так все равно лезут! Что с ними делать? Дустом травить? Еще и выглядят так, то ли плакать, то ли смеяться. Гады, одно слово гады.

ВОПРОС: Хорошо. Как с едой? Нормально снабжают?

ОТВЕТ: На что не жалуюсь, на то не жалуюсь. Регулярно, как в аптеке. Проезжают фуры, всей деревней собираемся, солдатики нам все отгружают, и гречку, и риса, и картошки, и хлеба, и колбасы, иногда мясо мороженое, консервы... С одеждой беда, конечно, одежду реже привозят, поэтому изловчился на страсти лет иголкой орудовать. Вы передайте им, пусть хотя бы форму старую военную привезут, зимой иногдаходить не в чем.

ВОПРОС: На этот вопрос, сразу скажу, можете не отвечать. Вы видели тех, кого называют мертвыми святыми?

ОТВЕТ: За все это время два раза. Оба раза тут вот, по дороге шли. Окна завесил, сиделтише воды... Жуткие они. Да сами знаете. Откуда они вообще?

ВОПРОС: Не могу вам ответить. Последний вопрос будет, пожалуй, очень личным. Чего вы здесь больше всего боитесь?

ОТВЕТ (после долгой паузы): Боюсь, что меня некому будетхоронить.

*Беседовал старший научный
сотрудник отдела исследований
д-р СТЕПАНОВ В. С.
9 октября 1989 г.*

* * *

— Зачем вы убили майора Денисова?

Полутемный кабинет с заколоченными фанерой окнами тускло освещался лампочкой без плафона. За столом напротив

меня сидел грузный широкоплечий полковник с редкими седыми волосами, хмурым лицом и одутловатыми щеками. Глаза у него были голубые, мелкие, внимательные, а еще он постоянно слегка выпячивал нижнюю губу, будто все время обижался или сомневался.

За его спиной висел портрет Дзержинского, а рядом на канцелярских кнопках — глянцевый календарь за 1990 год с рыжеволосой голой женщиной.

Наручники так и не сняли. Сидеть так на стуле оказалось неудобно. Сзади стоял человек в маске и в камуфляже. От него можно было ожидать чего угодно.

— Не помню, — сказал я.

Полковник поднял брови, взглянул поверх меня, еле заметно кивнул головой.

— Серега, давай, — сказал он.

Сзади раздался быстрый шуршащий звук, и на мою голову опустился полиэтиленовый пакет. Сильные руки замотали пакет на шею, откинули назад голову.

Я начал инстинктивно вдыхать воздух, но воздуха не было, пакет прилипал к губам, в глазах темнело. Сердце с силой забилось, руки напряглись, перехватило дыхание. Я начал дергаться, пытаясь вырваться, но не мог. Спуталось сознание.

Я захрипел, затопал ногами.

Пакет сняли.

Я сипло дышал, жадно глотая ртом воздух. Очки опять съехали на нос.

— Я... Я действительно не помню, — заговорил я, как только удалось отдохнуться. — Слушайте, я все расскажу, все, что знаю, правда, я не...

Полковник смотрел на меня, не отводя глаз, кривил губы и хмурился.

— Зачем вы убили майора Денисова? — повторил он.

— Это правда, абсолютная... — я закашлялся. — Я очнулся в своей машине. Но я не спал, я будто потерял память или

что-то вроде того. Я помню, как выезжал из Калуги, как проехал Малоярославец, а дальше как будто все отшибло. И я прихожу в себя в машине на обочине, а рядом на сиденье труп. С ножом в груди.

— То есть вы утверждаете, что не помните?

— Да, да! Не спорю, возможно, это был я. Я никогда никого не убивал, я... Черт.

Я снова закашлялся.

— Может быть, это был я, может, не я. Я не знаю, потому что не помню.

Полковник вздохнул.

— На рукояти ножа ваши отпечатки. Рядом с телом следы от ваших шин. Это были вы. Зачем?

Мне захотелось заорать от бессилия.

— Не знаю! — я попытался закричать, но голос получился хриплым и сдавленным. — Действительно не знаю. Я говорю правду, ну как вам доказать?

Полковник хлопнул ладонью по столу.

— Ладно, — сказал он. — Какое отношение имеете к группировке «Прорыв»?

— Я не имею никакого отношения к «Прорыву».

— Может, еще раз пакет?

— Нет, нет... Я действительно ничего не знаю, слушайте, я здесь всего каких-то пять часов, а уже...

— А уже убили сотрудника милиции, связались с бандитами, оба из них мертвые, подружились с нашим общим знакомым... Вы хоть знаете, кто он?

Я покачал головой.

— Неважно, — продолжил полковник. — Он знает, кто вы, мы тоже знаем. Зачем вы сюда приехали?

— Я не хотел сюда приезжать. Я же не дурак прорываться через эти кордоны.

— Получается, что дурак.

— Я всего лишь писатель.

— Товарищ полковник, — заговорил вдруг сзади меня мутжик в камуфляже, которого называли Серегой. — Если бы он был из «Прорыва», я бы его точно запомнил.

Я грустно усмехнулся. Опять все то же самое.

— У вас тут все друг друга знают? — спросил я, не понимая, откуда в такой ситуации во мне появились силы шутить.

— Хватит! — полковник опять хлопнул ладонью по столу. — Вы убили майора Денисова. Я бы пристрелил вас прямо тут, но вы ответите, как того требует порядок.

Я осмотрел кабинет, взглянул на того, кто стоял за мной — на здоровенного мужика Серегу, который только что душил меня пакетом — и снова на полковника.

— Что-то я не заметил, чтобы у вас тут был порядок, — сказал я.

Полковник нахмурился, наклонил голову, взглянул пристально в глаза, недобро ухмыльнулся и ответил:

— Там, где я — там порядок. Наш порядок. Да, это не закон, закона здесь уже нет, но это порядок. Это единственный способ выжить. Наша страна рухнула. Про нас все забыли. Здесь уже начинается полный бардак. То бандиты, то эти уроды из «Прорыва», которые хотят выпустить всех отсюда... Вы понимаете, что будет, если отсюда всех выпустить? Вы видели, что здесь происходит?

— Я уже говорил, что я здесь всего пять часов. Я мало видел.

— Повезло. Отведите его в подвал.

Серега резко поднял меня под локти, повел к выходу из кабинета.

Опять стало страшно. Что будут делать? Бить? Пытать?

Полковник, будто услышав мысли, кашлянул и сиплым голосом сказал вдогонку:

— Будете сидеть там, сколько надо, пока не вспомните.

Меня вытолкали из кабинета, вывели в коридор с облупившимися зелеными стенами, довели до лестничной площадки и подтолкнули вниз. Я шагнул на ступеньку и едва не оступился, но рука крепко держала за локоть.

Внизу оказался тесный коридор, освещенный двумя болтающимися лампочками, и несколько камер с металлическими дверями и узкими решетками.

Серега открыл первую камеру, снял наручники, толкнул меня внутрь и захлопнул дверь. Щелкнул ключ.

В маленькой камере было темно, и ее освещала только слабая желтоватая полоска через решетчатое окно в коридор. Я разглядел узкие нары, грязный унитаз, вмонтированный в кафельный пол, и облезлую фановую трубу.

Размял затекшие в наручниках кисти, протер очки рукавом пиджака и уселся на нары.

Дожили, подумал я. Дожили. Охренеть. Просто охренеть.

В пятьдесят с лишним лет оказаться в настоящей камере с настоящей парашей и сидеть на настоящих нарах. Писать книги, издаваться, получать премии, публиковаться в журналах, стать одним из лучших журналистов Москвы — чтобы оказаться здесь, в богом забытом месте, в закрытом городе, где происходит какая-то чудовищная взбалмошная дребедень, а адекватных людей, кажется, нет вообще.

— Говнище, — сказал я вслух.

Что это за проклятое место, почему здесь все не так, как снаружи, что за чернота, что за ширлики, и — да, я не хотел об этом думать, очень не хотел — все-таки что случилось ночью в машине?

Майор Денисов, значит. Майор Денисов.

Быть может, попытаться вспомнить эту ночь — единственное, что сейчас возможно сделать.

Но нет — только дорога от Малоярославца, а потом в памяти пустота, чернота, ничего, как Черный Покров, приходящий на эту землю.

Я не помню ничего. Решительно ничего. Абсолютно.

Я ни разу в жизни не оказывался в камере. На меня никогда не наставляли оружие. Ни разу не защелкивали наручники на

запястьях. Приличный человек, интеллигентная семья, книги, журналистика, выступления.

Что пошло не так, черт, что?

Кто такой майор Денисов? Как он оказался в моей машине с ножом в груди? Неужели я убил его?

Я забрался с ногами на нары, но лежать оказалось слишком холодно, пришлось расстелить пиджак и улечься на него.

Вспомнил, что в кармане есть сигареты. Достал, прикурил, выдохнул дым в темный потолок.

Так я лежал, глядя вверх. Когда показалось, что я в этой камере уже целый час, взглянул на часы и увидел, что прошло только 35 минут.

Я злобно выругался, отвернулся к стене в позе эмбриона, прикрыл глаза. Разумеется, заснуть оказалось невозможно.

Вдруг из-за стенки слева раздался голос. Скорее, неразборчивый протяжный хрип, будто кто-то с трудом пытался собрать звуки в слова, и это получалось не сразу.

Я вскочил с нар и настороженно прислушался. Хрип повторился уже более отчетливо.

— Слушай... — прохрипел некто за стенкой.

— Да? — спросил я.

Голос незнакомца снова сорвался в бессловесное мычание. Кажется, ему было больно.

— Слушай... — повторил он.

Мне стало почти физически больно от этого глубокого скрипучего голоса.

— У тебя, это... — и человек глубоко, мокро, с бульканьем закашлялся.

Я терпеливо ждал, пока он прокашляется.

Наверное, я слишком добрый.

Прокашлявшись, человек продолжил — на этот раз быстро, будто на одном выдохе:

— Слушай, у тебя, это, уголек есть?

И снова закашлялся.

— Нет, — ответил я.

Человек снова захрипел, пробормотал что-то неразборчивое и замолк. Больше он не говорил.

Прошло еще полчаса, и в двери лязгнул ключ. Я вскочил с нар, напряженно взгляделся в окошко.

Дверь со скрипом открылась, на пороге стоял высокий молчаливый парень в маске и камуфляже. Это все тот же Серега? Черт их разберет в масках...

Жестом он показал выйти.

Я вышел из камеры, боязливо оглядываясь. Парень в маске снова надел на меня наручники и повел наверх. Проходя по коридору, я попытался взглянуть в окошко камеры, где, скорее всего, сидел тот хриплый, но ничего не увидел.

В том самом кабинете, где час назад меня допрашивали, на стуле перед полковником сидел Капитан. Он выглядел потрепанным, со взъерошенными волосами и кровоподтеком под глазом, но, увидев меня, тут же улыбнулся во все зубы и пожал плечами, будто извиняясь.

— Садитесь, — угрюмо сказал мне полковник.

Меня подтолкнули вперед. Я уселся рядом с Капитаном.

— Как мы и договаривались, товарищ полковник, — с улыбкой сказал Капитан.

Полковник набрал воздуха в рот, сжал губы, зло посмотрел на него. Не дожидаясь ответа, Капитан продолжил:

— Этот человек нужен институту. Вы это знаете.

— Ага, — угрюмо ответил полковник. — А еще этот человек убил одного из наших людей.

Капитан вздохнул.

— Без обид, товарищ полковник. Вы представляете здесь порядок, но не власть. Институт — власть.

Он говорил быстро, по-прежнему слегка картаво — видимо, он картавил только когда волновался.

Человек в маске и камуфляже вдруг повернулся к Капитану и спросил басовитым голосом:

— Какая же у них власть, если они носу не высовывают из своего института?

— Вам нельзя идти против института, — продолжил Капитан, не обращая внимания на человека в камуфляже и продолжая смотреть на полковника.

— Вы прекрасно знаете, — продолжил Капитан, — что только от института в конечном счете зависит, что будет со всеми нами. Институт сейчас близок к решению проблемы, как никогда. Поэтому — да, за ними сейчас последнее слово. И им нужен этот человек. Они расстроятся, если не получат его. А если расстроится институт, плохо будет не только вам, плохо будет вообще всем. Очень плохо. Очень.

Последнее слово он проговорил сквозь зубы, не переставая улыбаться. И продолжил, горячо, сбивчиво, еще сильнее картавя:

— И еще раз повторю. Я знаю, вы цените и уважаете установленный здесь порядок. Мы поступаем так. Вы освобождаете этого человека. Взамен институт будет вам благодарен. Это во-первых. Во-вторых, институт закроет глаза, скажем так... на результат недопонимания между мной и вашими людьми, — он указал пальцем на кровоподтек под глазом. — Я знаю, у вас есть причины меня не любить, но у вас нет никакого права проявлять эту нелюбовь физически. Понимаете? Да, может быть, он убил майора Денисова. Скорее всего, убил. Но это никак не связано с «Прорывом», это во-первых. Это я знаю точно. И он совершенно не осознавал, что делает, это во-вторых. Когда он это делал — и если он это делал, — это был не он. Вам надо это понять, это важно. В конце концов, вы повидали здесь столько чертовщины, так почему вы не можете понять простую вещь: даже если это он убил майора, на этом стуле перед вами сидит не тот человек, который его убил!

Полковник молчал, надув нижнюю губу и барабаня пальцами по столу. А потом выдвинул ящик стола, вытащил пистолет Макарова, щелкнул предохранителем и наставил прямо мне в лицо.

Что, серьезно? Опять?

Я подумал, что уже даже не так и страшно, и не мог понять почему. Черное дуло смотрело прямо в лицо, а я вспоминал, сколько раз за эти несколько часов на меня уже наставляли оружие. Этот лысый парень на дороге, Блестящий, а потом тот, кто его убил, Корень, а потом эти, в масках и камуфляже...

— Воевали? — спросил полковник, целясь в мой лоб.

— Нет.

— Странный вы тогда человек. Вроде выглядите так, будто сроду оружия в руках не держали и не знаете, с какой стороны стреляет автомат.

— Это правда. Я не служил в армии по здоровью.

— А когда на вас наставляют оружие, все меняется, — продолжил полковник. — У вас глаза воевавшего человека. Неужели не страшно?

— Страшно.

— Я служил в Афгане, я могу отличить воевавшего, но вот вы... Ладно.

Он посмотрел на Капитана, продолжая наставлять ствол на меня.

— Вот вы. Вы знаете, чем отличается закон от порядка?

— Нет, — ответил Капитан, с опаской поглядывая на ствол. — Может быть, вы...

— А я скажу. Закон говорит, что я не имею права его сейчас пристрелить. Закон говорит, что я не могу этого сейчас сделать, потому что просто нельзя. Нельзя — и все. Пусть он тысячу раз убийца — нельзя. А порядок говорит, что я могу его пристрелить. Чисто технически, физически. Могу. Бам! — и нет его! И мозги по стенке! Но тот же порядок говорит, что за это я буду отвечать. Видите разницу? Закон говорит: это нельзя. Порядок

говорит: это можно, но у этого будут последствия. Я знаю, что в мире нет хорошего и плохого, нет добра и зла: есть реальность, существующая здесь и сейчас, и у этой реальности калибр девять миллиметров.

— Один бездомный поэт и шахматист выразил вашу мысль проще: «делай что хочешь — таков закон», — язвительно сказал капитан.

Он раздраженно вздохнул и положил пистолет на стол.

— Ладно, — сказал он, задумавшись. — Я уважаю институт. Убирайтесь оба.

— Спасибо, товарищ полковник, спасибо, я знал, что нам удастся понять друг друга, — Капитан расплылся в белоснежной улыбке. — Родина вас не забудет.

— Машина ваша стоит там же, где мы вас взяли. Пешком уж дойдете. Вон отсюда оба. Снимите с него наручники и отдайте его сумку.

Человек в маске наклонился ко мне и взял за руки.

Я не мог поверить, что меня отпускают. Сейчас он провернет в наручниках ключ, и...

Человек в маске крепко сжал мои руки и придавил меня к стулу так, что я не мог пошевелиться. Полковник резко вскочил из-за стола, в его руке блеснуло что-то прозрачное.

Это был маленький тонкий шприц с черной жидкостью.

— Что вы делаете? — вскрикнул Капитан.

Из коридора вбежал еще один человек в маске, щелкнул предохранителем и приставил к моему виску пистолет.

Я дернулся, но не мог освободиться из захвата. Руки крепко прижимали меня к стулу. Я попытался оттолкнуться от пола ногой, чтобы перевернуться на стуле, но меня сильным толчком поставили на место.

Полковник сделал два шага и оказался прямо надо мной.

Резким движением он засучил правый рукав моего пиджака.

Схватил меня за запястье.

Я почти не почувствовал боли — игла нырнула под кожу, и за доли секунды черная жидкость исчезла под напором поршня.

Полковник убрал шприц.

Меня больше не держали за руки. Я тяжело дышал и не понимал, что происходит.

Я даже не заметил, как в наручниках провернули ключ.

Полковник уже сидел за столом с совершенно спокойным лицом, будто ничего этого не было. Я не заметил, как он сел. И не заметил, как ушел тот второй человек в маске, что наставил пистолет на Капитана.

Только в глазах Капитана я видел ужас.

— Можете идти, — с мягкой улыбкой сказал полковник.

* * *

Мы вышли на крыльце под козырек здания. Небо затянуло тучами, моросил мелкий неприятный дождь. Я поежился, укутался в пиджак, достал сигарету и закурил, прикрыв ладонью огонек.

Место укола на запястье немного чесалось.

«Как комарик укусит», — говорили в детстве медсестры.

Мы стояли во дворе длинной пятиэтажки перед площадью, поросшей мхом и травой. В центре площади стоял разбитый фонтан, посреди которого дул в горн каменный пионер, почерневший от времени.

— Наверное, когда-то это был красивый фонтан, — сказал Капитан, зачесывая волосы пятерней назад.

Я впустил в легкие дым, запрокинул голову, резко выдохнул.

— Что это было? — спросил я.

— Вы про шприц?

Я кивнул.

— Это уголек. Вещество Кайдановского. Я рассказывал.

Капитан смотрел на меня, и его лицо выглядело встревоженным.

— Что вы чувствуете? — спросил он.

Я ничего не чувствовал. Только чесалась рука. Я пожал плечами:

— Ничего особенного.

— Тогда все хорошо. Надеюсь. Черт, надо было догадаться, что это может случиться.

— Что делает этот... уголек? — спросил я, с любопытством рассматривая еле заметный след от укола.

— Надеюсь, что в вашем случае — ничего.

Я не хотел ничего выяснять. Мы медленно пошли по площади в сторону дороги.

— Вы знаете этого полковника? — спросил я, кивнув в сторону здания, из которого мы вышли.

— Его фамилия Каменев. Владимир Сергеевич, если интересно. Начальник местного ОВД. Он жесткий человек. Верит, что охраняет людей снаружи от зла, живущего здесь. Ради этого он готов если не на все, то на многое, понимаете? Когда в стране начался бардак, тут тоже стали происходить жуткие вещи. Еще более жуткие, чем раньше. Каменев собрал вокруг себя всех, кто отвечал здесь за поддержание закона, и теперь командует ими. Он одержим и опасен, но его можно понять. К тому же он уважает Институт. Это оказалось нам на руку.

— Да, — я кивнул. — А этот «Прорыв»... Кто это вообще, в конце концов?

— Люди, которые хотят выйти отсюда. Очевидно, да? Их собрал Старик. Да, Старик... На самом деле он всего-то на пару лет старше меня. Раньше он служил в оцеплении этой территории, а потом пришел сюда со своим отделением. Он объявил, что поможет людям выбраться отсюда. Разрушит кордоны, блокпосты, стену с колючей проволокой. И люди к нему пришли. У них есть оружие. Базируются на железнодорожной станции, частично контролируют северо-восточную окраину города, иногда делают вылазки и нападают на оцепление.

— То есть отсюда все-таки можно выбраться?

— Они не выберутся отсюда. Их мало. И, знаете, в этом плане товарищ полковник прав. Нельзя, чтобы отсюда уходили. Иначе за ними во внешний мир пролезет зло, которое здесь живет. А вообще, конечно, тяжело тут. Они все идиоты, понимаете? Одни — идиоты, которые делают глупые поступки, чтобы сохранить порядок. Другие — идиоты, которые делают глупые поступки, чтобы его разрушить. Тут скоро такое начнется... Вы докурили? Пойдемте. Нас ждут в Институте.

— Зачем я нужен Институту?

Капитан виновато улыбнулся, посмотрел на меня, пожал плечами.

— Я не знаю. Но вам больше некуда идти.

* * *

Мы шли по тихой улице среди деревьев, по мшистой разбитой дороге, мимо одинаковых пятиэтажек с черными окнами, мимо детских площадок, ржавых качелей, сгнивших деревянных скамеек, буйно заросших кустами дворов. Не лаяли собаки, не каркали вороны, только моросил дождь, и пиджак промок почти насквозь. Было холодно.

Мы молчали.

Я не знал, что теперь делать.

Не оставалось больше ничего, кроме как держаться за этого странного парня, Капитана, и идти туда, где мы оставили машину, а потом в Институт. Он говорил, там помогут, если я помогу им. Но как я могу им помочь?

Бред, наваждение, идиотский сон.

Темнота, ширлики, озлобленные люди, убивающие друг друга, и этот покинутый город, и невозможность выбраться, и отвратительное ощущение, будто я не в своей стране, а на каком-то отдаленном острове без связи с цивилизацией — впрочем, так оно и есть.

Да и вообще, если подумать, я уже почти два года как не в своей стране.

Эта осень навсегда. Этот дождь навсегда. И эти серые панели, сливающиеся с безобразным небом, разбитые тротуары, мшистый асфальт, поваленные столбы, неработающие светофоры, спутанная паутина провисших над головой проводов, они даже не жужжат электрическим гулом, просто молчат, как и все в этом городе — все молчит, все мертвое, все заражено слепотой и безмолвием.

Капал дождь, ветер шумел в разросшейся листве, мы шли мимо облупившихся стен и заколоченных дверей. Хотелось сесть прямо здесь, на заросшей дороге, и бесконечно долго смотреть на асфальт.

— Я не знал, что в России есть такие забытые места, — сказал я. — Здесь очень тоскливо.

— Чего только нет в России, — ободряющим голосом ответил Капитан. — Вы не расстраиваетесь. Лучше подумайте о том, что, может, прямо по этой дороге, когда здесь еще не было города, а было только село Недельное, в сорок первом году бегали герои вашей книги. Бегали, стреляли, умирали, убивали немцев. Как там главного героя? Селиванов?

— Ага.

— Вот, и Селиванов ваш тоже. Кстати, вы его выдумали, или у него был прототип?

— Выдумал. Весь рядовой состав я выдумал, прототипы только у командного состава. Я много изучал...

— Хорошо, что изучали, — не дал договорить Капитан. — Знаете, а мне здесь иногда даже нравится. Тут есть ради чего жить, понимаете?

— И ради чего вы здесь живете?

Капитан открыл рот, чтобы ответить, но не успел.

В городе взвыли сирены.

21 сентября 1993 года

Санкт-Петербург

Пятилетний Саша сидел у телевизора и не понимал, почему экран вдруг стал синим и на нем появились тревожные белые буквы.

— Обраще... ние... пре-зи-ден-та... — он начал читать по слогам, сидя на диване и болтая ногами. — Дедуль, а что такое федерация?

Дед сидел рядом, в майке и затасканных тренировочных штанах с отвисшими коленками, он с тревогой смотрел на экран и хмурился.

— Это, Саш, страна, где мы живем. Так теперь называется — Российская Федерация.

Саша продолжал читать.

— Бнель... цина... Кто такая Бнельцина?

Дед хотел было ответить, но на экране появился седой дядька в синем пиджаке и с красным галстуком, с пухлым и обвисшим лицом. За его спиной висел трехцветный флаг.

— Это Бнельцина? — спросил Саша, повернувшись к деду.

— Ельцин. Тише, Саш... — ласково ответил дед. — Надо послушать.

Дядька говорил неприятным скрипучим голосом, тяжело, серьезно, с тревожными паузами.

— Уважаемые сограждане! Я обращаюсь к вам в один из самых сложных и ответственных моментов. Накануне событий чрезвычайной важности...

Саша взглянул на деда. Тот внимательно и сердито смотрел на дядьку в телевизоре.

— В мой адрес потоком идут требования со всех концов нашей страны остановить опасное развитие событий, прекратить издевательства над народовластием. Уже более года

предпринимаются попытки найти компромисс с депутатским корпусом, с Верховным Советом...

Саша ничего не понимал. Дядька в телевизоре сначала показался ему смешным, а потом неприятным. Он подумал, что дед почему-то тоже не любит его.

— Большинство Верховного Совета идет на прямое попрание воли российского народа. Проводится курс на ослабление и в конечном счете устранение президента, дезорганизацию работы нынешнего правительства...

На кухню зашла бабушка, обеспокоенно посмотрела на экран, потом на деда. Подвинула стул, села рядом.

— А Ельцин — это наш король? — спросил Саша, покачнувшись на стуле.

— Вроде того, — ответил дед.

— А он рубит головы?

— Ему бы самому голову отрубить.

Саша не понимал, за что дед так не любит Ельцина. Может, за его противный голос? Он выглядел очень смешно, совсем не похоже на правителя: разве что на того забавного короля из старого фильма «Золушка». Но тот был добрый, а этот какой-то совсем непонятный.

Ельцин продолжал долго и скучно говорить. Саша не понимал ни слова, но, судя по тому, как внимательно дед и бабушка смотрели на экран, происходило что-то важное.

— Высшим органом законодательной власти становится Федеральное Собрание Российской Федерации, двухпалатный парламент, работающий на профессиональной основе. Выборы назначены на 11–12 декабря этого года. Подчеркну: не досрочные выборы Съезда и Верховного Совета. Создается совершенно новый высший орган законодательной власти России...

— Сволочь, — сказал вдруг дед.

— Не ругайся! — крикнул Саша.

Его так учила мама.

— Нет, Саш, тут можно ругаться.

Ельцин продолжал говорить. Почему дед так ругается на него?

— С сегодняшнего дня прерывается осуществление законо-дательной, распорядительной и контрольной функции Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. Заседания Съезда более не созываются. Полномочия народных депутатов Российской Федерации прекращаются...

— Вот же скотина, какая же сволочь-то, а, — повторил дед.

Саша посмотрел на деда, на бабушку, снова на смешного, но противного дядьку Ельцина, который, как оказалось, что-то вроде короля в Российской Федерации. Ему стало тревожно — но не от того, что звучало по телевизору, а от того, с какими тревожными лицами дед и бабушка смотрели на экран.

— Обращаюсь к руководителям иностранных держав, зарубежным гражданам, к нашим друзьям, которых немало по всему миру. Ваша поддержка значима и ценна для России. В самые критические моменты сложнейших российских преобразований вы были с нами...

Вскоре Ельцин наконец закончил говорить, сказав почтенно-то напоследок «Спасибо».

Дед достал из кармана спортивных штанов пачку папирос и молча закурил.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

*Из книги Андрея Тихонова «На Калужский большак»
21 декабря 1941 года, деревня Пожарки*

— Командиры взводов, построить личный состав! — раздалось откуда-то из глубины деревни, там, где стоял штаб.

— Первый взвод, ста-а-ановись! — крикнул лейтенант Старцев, вставая от костра и оправляя шинель.

— Второй взвод, ста-а-ановись! — подхватил командир у дальнего костра.

— Третий взвод... — прокричали издалека.

Бойцы поднимались, отряхивали снег с коленей, оправляли ремни, затягивали вещмешки.

Они построились рядом — Селиванов, Пантелеев, Игнатюк, Максимов и остальные. Сержант Громов осмотрел их, тревожно огляделся, тоже встал.

Из темноты к ним выходили две фигуры, обе невысокие, в серых шинелях. Лейтенант Старцев еще раз оправился, набрал воздуха, выкатил грудь колесом, рявкнул:

— Смир-р-рно! Равнение напра-во!

Все три роты, весь стрелковый батальон 837-го полка строился на окраине деревни. С другого края Пожарок уже стягивались на построение бойцы второго батальона.

Было ощущение чего-то важного.

— Наступать будем, — перешептывались бойцы. — Вон, всех строят...

— В ночи, да по морозу! Немец будет драпать, только яйца звенели!

— Смотри, сам себе личный предмет не отморозь!

— Уж это обижаете, братцы...

* * *

Шли в темноте, полями, по кромке леса, обходя большие дороги, проваливаясь по колено в сугробы. Шли тяжело и медленно, все время останавливаясь, чтобы обождать остальных и не растягиваться слишком; но настроение у бойцов было приподнятое. Казалось, что бой будет легким, и все к этому вело, несмотря на всю серьезность дела.

После построения стало ясно, что дело и впрямь серьезное. Полку поставлена боевая задача этой ночью занять Недельное.

830-й полк еще не подошел, было решено атаковать главными силами дивизии — бойцами 837-го и 843-го полков. Комдив Груданов поставил задачу действовать решительно и без промедления. Скрытно выдвинуться к селу, обойдя стороной деревни Алешково, Григорьевское и Кожухово. Затем 837-й полк должен обойти Недельное слева, а 843-й полк развернется для атаки с южного направления.

Войти в Недельное, пока гитлеровцы располагаются на ночлег, создать панику и уничтожить врага.

Ударную группу усилили лыжниками с автоматами: глядя, как лихо они скользят по снегу, Селиванов пожалел, что он не с ними, да и каждый, наверное, жалел. Ноги в валенках быстро уставали месить сугробы, немели, промокали — но силы надо было беречь, силы им сегодня понадобятся.

— Скорей бы уже к деревне выйти, — вздохнул Пантелеев.

— Что уж поделаешь, такое наше дело, пехоты, мы ногами воюем, — попытался подбодрить его Игнатюк. — Слыши, Се-

ливанов, а ты в своих тетрадках про нас напишешь, как мы тут по этому снегу пехом мучались?

— Напишу, — улыбнулся Селиванов.

— А напиши, что Игнатюк себе бубенцы отморозил! — сказал Пантелеев, хихикнув.

— Иди ты! — прикрикнул Игнатюк. — Не устали бы ноги, пенделя б отвесил...

— Потише, бойцы, — послышался сзади голос сержанта Громова. — Немцам будем сейчас пенделей давать. Вон там уже огоньки появились...

Действительно, вдалеке, за темным силуэтом леса, еле заметно мерцали огоньки.

— Минут сорок ходу до Недельного, — сказал Громов.

Их нагнал, тяжело переваливаясь с ноги на ногу, лейтенант Старцев. Полы его шинели волочились по снегу.

— Близко уже, — сказал он. — Громов, твоим бойцам задача ясна?

— Так точно, трищ лейтенант.

Старцев хмуро кивнул, огляделся назад: бойцы растянулись длинной колонной вдоль леса, и не было видно им конца. Потом посмотрел вперед.

— В авангарде остановились. Давайте тоже передохнем, остальных подождем — опять растянулись.

Бойцы уселись в снег, выдыхая, снимая шапки и утирая вспотевшие лбы.

— Повоюем сейчас, — улыбнулся Игнатюк.

Повоюем, подумал Селиванов, повоюем. Он поймал себя на мысли, что ему даже ни капельки не страшно. Ему вообще было не особо-то страшно, а сейчас — совсем.

Он понимал, что сегодня немцы будут бояться. Что это они — Селиванов, Игнатюк, Пантелеев, и все отделение, и весь полк — будут сегодня их ночным кошмаром. Сегодня они сами станут страхом.

Ему нравилось думать об этом.

Он вспомнил свой первый бой. В сентябре, под Калугой. Вот тогда было по-настоящему страшно. Во второй тоже, и в третий, и четвертый — да что говорить, на войне всегда страшно, но со временем это притупляется, и в какой-то момент страх становится не помехой, не преградой неодолимой, а помощником. Чем-то вроде часов на руке, или столбика термометра, или компаса. Страх показывает, где опасность и как уберечь себя. Главное — не дать ему сожрать себя целиком, потому что если ты перестанешь контролировать страх, из помощника он превратится в твоего убийцу.

Или станешь предателем.

А это хуже.

Тогда, в первом бою, Селиванов думал, что он, тихий городской мальчишка из интеллигентной семьи, вообще не приспособлен для войны. Но есть слово «надо», и что уж тут поделать.

Он до сих пор не знал, убил ли кого-нибудь тогда, в этом первом бою. Может, убил, а может, и нет — слишком суматошно все это было, слишком шумело в голове от страха, слишком быстро и непонятно. Может, это и был тот самый момент истины?

Как бы то ни было, теперь все иначе. Теперь пусть они его боятся. Пусть спят и боятся.

* * *

21 сентября 1993 года

*Закрытое административно-территориальное образование
«Покров-17», Калужская область*

Второе погружение в черноту оказалось уже не таким страшным. Теперь я знал, что это такое. Все вокруг перестает существовать только для твоего восприятия, но рассудок понимает, что мир никуда не делся. Просто его не видно и почти не слышно. Будто не извне приходит эта темнота, а от тебя; будто это ты ослеп и оглох, а с окружающим миром все в порядке.

Но нет, с этим миром определенно не все в порядке. Потому что все кругом непроглядно черно.

И снова темнота отступает и смазывается в грязно-серый туман, снова проступают очертания рук, и видна проросшая из асфальта трава под ногами, и белесое небо, и облупленная стена дома напротив, и лицо Капитана, который почему-то опять смотрит на меня с тревогой и озабоченностью.

— Что-то не так? — спросил я. — Мне уже не так страшно. Кажется, я привыкаю.

Последнее слово я будто проглотил, и показалось, что не слышу самого себя; резко зазвенело в ушах, к горлу подступила тошнота.

Мои ноги стали ватными, и показалось, что я вот-вот упаду. Так и случилось.

Меня подхватили руки Капитана, и в голове промелькнула мысль, что он был готов к этому и знал, что сейчас будет.

Потом меня стошило. Кажется, я забрызгал Капитана.

Все перед глазами плясало в туманном калейдоскопе.

Я сидел на асфальте, Капитан стоял рядом на корточках, придерживал мое плечо и что-то говорил. Я не слышал.

Было невероятно паршиво.

Снова стошило.

Сквозь размытый туман я увидел встревоженное лицо Капитана.

— Хреново выгляжу, да? — спросил я, когда снова смог говорить.

Капитан кивнул.

Он помог мне подняться, я оперся на его плечо и облегченно выдохнул. Кажется, становилось немного лучше.

— Это от уголька? — снова спросил я.

Капитан опять кивнул.

— Меня стошило. Это хорошо или плохо?

Капитан покачал головой:

— Не знаю.

Мы пошли дальше. Я уже мог идти сам, туман перед глазами исчезал, и в голове больше не гудело.

И спустя десять минут мы дошли до знакомого перекрестка, того самого, где пришлось оставить машину.

Эти старенькие «Жигули» были моей гордостью. Я купил машину целиком на гонорары от книг и статей. То есть это был фактически первый зрячий, ощутимый физически результат моего творчества. Я тогда говорил, что написал эту машину — так оно и было.

Не сказать, что я фанатичный водитель, никогда особо не любил ковыряться в капоте и просиживать сутки напролет в гараже, но это была моя машина, мой статус, конкретный результат моего труда.

Дверь у машины была раскурочена, она валялась на асфальте в двух шагах от капота.

Водительское кресло распорото, из него торчали пружины.

Шины спущены.

Лобовое стекло разбито.

В открытом капоте увлеченно копался, спрятавшись туда почти с головой, маленький толстый ширлик с лошадиным хвостом и необъятных размеров задницей.

Еще один ширлик — с волочащимся по земле пузом, круглым телом и головой дятла — сидел у заднего колеса и мето-дично, размеренно долбил шину длинным клювом.

И еще один сидел прямо на крыше, у него был огромный, свисающий до самой груди нос, острый горб на спине и жидкие волосы по всему телу, он держал кривыми лапками выломанный из машины руль, резво крутил его в разные стороны и радостно бибикал противным голоском, как ребенок, брызгая слюнями.

Я не знал, что думать и что говорить.

— А ну пошли отсюда! — вскрикнул Капитан, выхватил пистолет и пальнул в воздух.

Ширлики резко переполошились и пустились наутек. Тот, что сидел на крыше, от неожиданности выронил руль, свалился на асфальт, неуклюже перевернулся и побежал вслед за остальными.

— Моя машина... — проговорил я, не веря своим глазам.

— Да уж, — присвистнул Капитан. — У вас теперь ни руля, ни колес.

Теперь мы точно никуда не поедем.

Я стоял перед тем, что раньше было моей машиной, курил — даже не помнил, как достал сигарету и чиркнул зажигалкой, это произошло само по себе — и все еще не мог поверить, что моих «Жигулей» больше нет. К горлу опять подступала тошнота.

— Мда-а-а, — протянул Капитан. — Это должно было случиться.

Он похлопал меня по плечу.

— Ничего, ничего, — продолжил он. — Может, оно и к лучшему. Тут за машину и убить могут. В этом плане эти твари лучше людей. Пойдемте пешком. Нам всего-то полчасика пройти.

От глубокой затяжки закружилась голова.

Мне показалось, будто вот-вот снова упаду в обморок, и поэтому я аккуратно сел на асфальт перед разбитой в хлам машиной. Капитан стоял надо мной, спрятав руки в карманах.

Я тяжело вздохнул, затянулся сигаретой.

Это крах, это конец. Когда я отсюда выберусь... Если я отсюда выберусь, впрочем, нет, какие, к черту, «если», только «когда» — я куплю новую машину. Да, думал я, да, именно так и сделаю.

В эту минуту мне показалось, будто Покров-17 вобрал в себя все самое отвратительное, что есть сейчас в нашем жалком и угасающем времени, всю мерзость нашего бытия, весь упадок и разруху. Как сходятся лучи солнца под лупой, чтобы разжечь огонь, так и это место сконцентрировало в себе всю гадость нашей эпохи.

Я видел умирающие деревни, остановленные заводы, низких стариков и старух — здесь все это будто сошлось одной чудовищной карикатурой.

Ничего, ничего, думал я. Выберусь.

— Все еще думаете, что выберетесь отсюда? — спросил Капитан.

Я не удивился, что он опять прочитал мои мысли. Выдохнул дым и ответил:

— Да. Выберусь.

Капитан пожал плечами.

— Ваше право думать об этом, — сказал он. — Я, пожалуй, промолчу.

— Ну и молчите, — ответил я раздраженно и вдавил окурок в асфальт. — Пойдемте уже в этот ваш институт. Быстрее сделаем, что им там надо.

* * *

ПРОПОВЕДЬ СТАРИКА

(расшифровка радиоэфира от 20.09.1993)

Привет, печальные жители Покрова-17. Я Старик, и это моя проповедь для вас.

Наша красивая и сильная Родина умирает. Мы умираем вместе с ней. И если кому-то кажется, что нашей уютной закрытой территории это не касается, он ошибается.

Подумайте. Просто подумайте. Покров-17 не может выжить без Большой земли. Оттуда нам привозят еду, одежду, медикаменты, вещи первой необходимости, сигареты и даже алкоголь. Да, даже алкоголь! Что, солдаты не раздают его вам из грузовиков? Быть такого не может! Где же оседают эти ящики с водкой — на армейских блокпостах, в отделении милиции или в бандитских хатах? И те, и другие, и третья торгают с вами

водкой в тридорога, обменивая на самое ценное, что еще осталось у вас. Зачем так жить?

Мы зависим от Большой земли, как ширлик от уголька. Мы попросту умрем без караванов с гуманитарными подачками. Да, это бесплатная еда. Да, ее пока хватает.

Но.

В один прекрасный день вы просто заметите, что грузовик не приехал по расписанию в среду. А потом — в воскресенье. Будете вновь с нетерпением ждать среды, доедая последнюю тушенку, но и в эту среду грузовик не приедет. Что вы будете есть? Пойдете охотиться на ширликов?

Я предлагаю более веселое занятие: давайте лучше охотиться на институтских крыс!

Есть такое понятие: карго-культ. Это религия папуасов Тихого океана. Когда во время войны американцы скидывали на острова грузы с самолетов, папуасы поверили, что это дар богов. И поэтому они решили имитировать их действия, чтобы боги снова спустились к ним. Делали наушники из половинок кокоса, обустраивали взлетные полосы и строили огромные деревянные самолеты. И танцевали вокруг них, зажигая факелы, думая, что добрые боги вернутся и снова сбросят им ящики со вкусной жратвой.

Но добрые боги больше не возвращались.

И эти грузовики в какой-то момент тоже не вернутся. Танцы с факелами здесь не помогут. Вы же не хотите оказаться глупыми папуасами, поверившими в чудо с Большой земли?

Скоро все кончится. Страна катится в пропасть. Назревает гражданская война. Напряжение между президентом и Верховным Советом достигло наивысшей точки. Растет нищета, бандитизм, анархия.

Так я спрашиваю вас: какое дело будет стране до Покрова-17, когда вся страна превратится в один огромный Покров-17?

Приходите к нам, и мы вместе совершим прорыв. Встаньте рядом с нашим вздорным, веселым и страшным временем. У нас отняли прошлое, но мы сами сделаем свое будущее.

Это был я, Стариk.

* * *

21 сентября 1993 года

*Закрытое административно-территориальное образование
«Покров-17», Калужская область*

— Вы вообще кто такие, я вас знать не звал... Звать не...
Знать не знаю. Вы из милиции, что ли? Капитан? Подполковник?
У нас тут все в порядке, не надо нам никакой этой вашей
милиции, мы сами себе милиция...

Я не очень понимал, что лопочет этот человек, потому что
глядел по сторонам, не понимая, куда вообще попал.

Не Институт, а разочарование. И это тот самый великий
и ужасный НИИ? Серьезно?

Я был уверен, что Институт охраняется военными, что по-
пасть в него можно только через блокпост с колючей проволо-
кой — но нет, мы просто миновали центральную площадь, за-
шли в пустую проходную и открыли дверь в тускло освещенный
холл администрации, где нас встретил худощавый взволнован-
ный сотрудник. Он явно не ожидал визита и сильно смущался.
Высокий, в запачканном халате и с черными кудрявыми воло-
сами под белой шапочкой, в толстых очках с роговой оправой.
Говорил он быстро и сбивчиво, а руки его нервно тряслись.

На его халате висела бирка с надписью: «Доценко Е. В.».

Капитан, кажется, тоже был обескуражен.

— Слушайте, — сказал он, пытаясь подобрать слова. —
Со мной человек, которого мне нужно доставить в институт.
Это писатель Андрей Тихонов. Он... Не отсюда, понимаете?

— Не отсю-ю-юда? — Доценко вытянул шею, поправил очки и пристально посмотрел на меня. — А как он сюда попал, если не отсюда? Кто прислал?

Капитан пожал плечами:

— Подождите, но...

Я перебил его:

— Вообще-то, мы пришли сюда как раз для того, чтобы узнать, как я сюда попал.

Капитан злобно шикнул на меня.

— А! — Доценко ударил себя по лбу. — Вас, наверное, научным сотрудником к нам прислали? Вы из МГУ, да? А почему нам ничего не сказали... Вот так всегда. Ничего никому не говорят. Да и кому тут говорить-то... Ведь, знаете, тут такое вообще, такое, что, честно...

Его голос дрожал, казалось, он вот-вот заплачет. Он потупил взгляд, а потом жалостно заглянул мне в глаза и сказал:

— Слушайте, раз вы не отсюда, может, знаете, как отсюда уже наконец выбраться? Достало, честно скажу. Все достало! Наше положение исключительно отчаянное, все уже просто до печенок сидит... В печеньках... Сидит. До печенок достало.

— Выбраться? — переспросил я, не веря своим ушам.

— А что? Мы тут сидим уже... Сиднем сидим. Носу не показываем. У нас все тут рухнуло!

Со скрипом открылась дверь кабинета возле лестницы, ведущей наверх, и показался еще один человек в белом халате — лет пятидесяти, совершенно лысый. Он подозрительно оглядел нас, не решаясь выйти из-за двери, а затем все же медленно и осторожно двинулся в нашу сторону.

— Евгений Валерьевич, — обратился он к Доценко. — Это еще кто?

— Подполковник какой-то и с ним писатель из-за кордона! — кипризно ответил он, не оборачиваясь в сторону лысого.

— Из-за кордона?

Лысый, кажется, выглядел более адекватным. Он подошел к нам, осмотрел с ног до головы меня, затем Капитана. На его груди висела бирка: «Катасонов А. Е.».

— Евгений Валерьевич не очень хорошо себя чувствует, — сказал он медленно и спокойно. — А вы кто?

— Евгений Валерьевич чувствует себя отлично! — перебил его Доценко. — Я себя чувствую... Ощущаю себя лучше вас всех, чтоб вы знали! Я, в отличие от Юферса...

— Так, стоп, — вклинился Капитан. — Юферс. Мне звонил товарищ Юферс.

Доценко и Катасонов замерли и подозрительно переглянулись.

— Ю-ю-ферс? — протяжно переспросил Доценко. — Сам?

— Да. Ваш директор, товарищ Юферс. Он звонил мне и просил встретить этого человека, сказав, что он нужен Институту.

Оба снова переглянулись и одновременно захихикали.

По Капитану было видно, что он теряет терпение.

— Извините, — я дернул Капитана за рукав. — Юферс — это руководитель Института, я правильно понял?

Капитан кивнул. Катасонов и Доценко еще громче захихикали.

Я увидел, как в дальней части коридора из кабинета вышел еще один лаборант. Он испуганно посмотрел в нашу сторону, а затем удалился обратно в кабинет, захлопнув за собой дверь.

— Послушайте, — сказал Капитан. — Просто отведите нас к Юферсу.

Катасонов замялся, не сразу понимая, что ответить, а потом сказал:

— А вы вообще... Давно с ним общались?

— Вчера вечером. По телефону. Я уже сказал это.

— Вчера ве-е-чером... — протянул Доценко и снова хихикнул в кулак. — Ну дела. Юферс. Звонил ему. Вчера вечером.

Оба противно заулыбались.

Капитан нахмурился, плотно сжал губы и потянулся к кобуре на ремне. Я понял, что хорошим это не кончится, и взял его за локоть.

— Не надо, — шепнул я.

Капитан закрыл глаза, выдохнул сквозь сжатые зубы, убрал руку от кобуры.

— Просто. Отведите. Нас. К товарищу Юферсу, — сказал он резко и холодно.

Доценко наконец перестал хихикать.

— Да, да, — сказал Катасонов. — Отведу. Отведу. Товарищ Доценко, вы пока посидите в своем кабинете, у вас там что-то еще на сегодня осталось.

Доценко закивал и быстрым шагом отправился по коридору к своему кабинету, постоянно оглядываясь на нас.

— Пойдемте за мной, — сказал Катасонов, кивнув в сторону лестницы. — К Юферсу. Ха! К Юферсу... Ага.

Мы поднялись по лестнице на второй этаж. Он выглядел еще хуже, чем холл: стены покрылись черной плесенью, штукатурка облезла, под ногами скопилась пыль и грязь, кафельный пол в коричневых разводах.

Потом мы поднялись на третий этаж: здесь в коридоре даже не горел свет.

— Осторожно... — говорил Катасонов, глядя под ноги. — Почти пришли.

Мы прошли по коридору к самому дальнему кабинету возле заколоченного досками окна. На двери висела грязная табличка подбитым стеклом:

ДИРЕКТОР НИИ АНОМАЛЬНЫХ СВЕТОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

ЮФЕРС

ЕВГЕНИЙ ГЕОРГИЕВИЧ

Катасонов встал у двери и виноватым взглядом посмотрел на нас, затем кивнул на дверь, достал из кармана ключ, дважды аккуратно провернул его в замке. Отошел, молча указал рукой на дверь.

Капитан дал мне рукой знак не спешить, подошел к двери, потянул ручку на себя, заглянул внутрь.

Его глаза округлились, на лице застыло выражение ужаса. Я кинулся к двери и распахнул ее целиком.

В просторном, слабо освещенном мерцающей лампой кабинете возле окна стоял большой дубовый стол с зеленым сукном.

На столе сидел ширлик.

До безобразия толстый, со свисающими складками мохнатого живота и короткими ножками с лягушачьими перепонками, с огромным, висящим до груди носом. Из головы его торчали бараньи рога.

У него были редкие седые волосы, а на переносице сидели очки с треснувшим стеклом. Край оправы врос в ткань носа.

Увидев нас, он широко раскрыл маленькие гноящиеся глазки и облизнулся так, что по подбородку потекла зеленая слюна.

— Крррр-шр! — взревел вдруг он и стал подпрыгивать на одном месте, размахивая тонкими ручонками.

Капитан захлопнул дверь.

Повисло тяжелое молчание, только из кабинета Юферса доносилось приглушенное «кррр-шр» и звуки качающегося стола.

— Я сомневаюсь, что товарищ Юферс звонил вам вчера вечером, — медленно проговорил Катасонов, глядя на закрытую дверь. — Он уже три месяца... Мы носим ему обедки. Пристрелить не поднимается рука.

— Я могу закончить это, — сказал Капитан.

Катасонов вздохнул, нервно дернул уголком рта, посмотрел в глаза Капитану и кивнул.

Капитан вытащил пистолет, быстро приоткрыл дверь, притиснулся в кабинет боком и дважды выстрелил.

Приглушенное «кrrр-шр» превратилось в сдавленный хрип, а затем смолкло.

Капитан закрыл дверь и убрал пистолет.

Снова повисло тяжелое молчание.

Его прервал Доценко, который поднялся по лестнице и встревоженно смотрел на нас из коридора.

— Вы что, вы его... Все? — спросил он, поправляя очки на носу.

Капитан кивнул.

Доценко криво ухмыльнулся, обнажив зубы, пожал плечами.

— Ну, это, конечно, давно пора, да, это да...

И медленно, сгорбившись, ушел вниз по лестнице.

Спустя несколько минут мы спустились в вестибюль.

Я не знал, что теперь делать.

Капитан, кажется, тоже.

Катасонов стоял рядом с понурым видом и тоже не понимал, что теперь делать.

— Если это был не Юферс, — протянул Капитан, — то кто тогда мне звонил от его имени? Ничего не понимаю. Как вы здесь оказались, откуда вы тут и что теперь с вами делать? И, черт... Что теперь с вами будет?

Я не знал, что ответить. Катасонов молчал.

Что со мной будет...

И тут шарахнуло по голове мыслью.

— Подождите, — сказал я, даже не понимая, к кому из них обращаюсь. — Подождите, получается, что ширлики — это бывшие люди? То есть люди превращаются в ширликов?

Капитан молчал.

— Да, — коротко и сухо сказал Катасонов.

— А как они... А из-за чего они превращаются?

Мне становилось страшно от догадки.

Капитан нервно оглянулся, а затем быстро зашагал к выходу, поманив меня за собой.

— Пойдемте, — сказал он мне. — Тут нет смысла оставаться.

— Куда? — спросил я. — И вы не ответили...

— Пойдемте, пожалуйста, — повторил Капитан.

Снова заселось место укола на руке.

Я засучил рукав, чтобы почесаться.

На месте укола вылезло ярко-розовое раздражение, кожа стала сухой и пупырчатой, на запястье появились белые гнойнички.

Капитан посмотрел на мою руку, вздохнул, достал из кармана пачку сигарет и молча вышел из холла.

* * *

ОТЧЕТ ПО ЭКСПЕРИМЕНТУ С ОБРАЗЦОМ № 167

Образец: гуманоидное существо ростом 142 см и весом 34 кг, с ярко выраженным лишним весом в области живота, с маленькой головой и свиным пятаком вместо носа, с 20-сантиметровыми рогами, напоминающими козлиные. Нижняя губа оттопырена и свисает до груди, зубы редкие, волосяной покров отсутствует.

Пойман экспедиционной группой 28.07.1990 в районе дер. Колодец, помещен в карантинную зону НИИ аномальных световых явлений.

Поведение агрессивное, при попытке поймать пытался укусить за руку сотрудника экспедиционной группы. При помещении в карантинную зону вжался в угол камеры, боялся громких звуков, дрожал, несколько раз случилась непроизвольная дефекация.

В ходе эксперимента 1.08.1990 изучалось воздействие ярких световых вспышек на мозг. Ответственным за эксперимент назначен старший научный сотрудник КАТАСОНОВ А. Е.

Объект был связан по рукам и ногам и помещен в темную камеру со стробоскопом, способным производить до 300 вспышек в минуту.

Стробоскоп запущен в 12:35.

Спустя 1 минуту и 25 секунд у образца повысились потливость и слюноотделение, скорость ударов сердца достигла 120 в минуту.

Спустя 1 минуту и 50 секунд объект потерял сознание и испытал эпилептический припадок.

Спустя 2 минуты и 10 секунд эксперимент остановлен. Констатирована смерть образца.

Согласно результатам вскрытия, причиной смерти стало кровоизлияние в мозг.

Тело утилизировано в высокотемпературной печи согласно протоколу.

*Отчет составил
ст. научный сотрудник
НИИ аномальных световых явлений
КАТАСОНОВ А. Е.
1.08.1990*

* * *

Я не мог перестать смотреть на руку и не хотел верить в свою догадку.

Катасонов растерянно смотрел то на меня, то на приоткрытую дверь холла, за которой курил Капитан. Снаружи шел дождь.

— Это ведь можно предотвратить? Это же лечится? Как это вообще работает? — я не знал, что именно спросить, и спрашивал все, что приходило в голову.

Катасонов взял меня за руку, осмотрел место укола, нахмурился и покачал головой.

— Мы не научились останавливать этот процесс. Вещество Кайдановского меняет организм на уровне ДНК. Люди не сразу уловили связь между веществом и превращением в этих существ. Но достаточно одного приема, перорально или в виде укола... Самое страшное — если одна из таких тварей укусит. Рассказать, что будет с вами дальше?

Жгучий холодок пробежал по позвоночнику. Я коротко кивнул.

— Вы будете чувствовать себя хуже. Будет чесаться рука, будут проблемы с кожей, головокружение, тошнота. Люди, которые начали превращаться, топят уголек на огне и делают себе уколы, потому что он приводит самочувствие в норму на какое-то время. А мы в институте растворяем и храним в жидким виде. Примете вещество Кайдановского — перестанет тошнить, перестанет кружиться голова, не будут чесаться руки. Какое-то время. Потом эффекты вернутся. Знаете про героин? Этот яд тоже убивает, но хотя бы поначалу дает то, что называют кайфом. А этот уголек не дает ничего. Только забирает. Навсегда.

В холл вернулся Капитан. Он выглядел расстроенным.

— Теперь вы понимаете, почему отсюда никого не выпускают? — спросил он. — Если этот яд распространится...

Я тяжело вздохнул.

Господи, это конец.

Это конец всего.

Я снял запотевшие очки, стал теребить их в руках.

— Через две недели, — продолжил Катасонов, — вы начнете замечать перемены в себе. Сначала психические. Будете хуже соображать, вам будут сниться кошмары, иногда будут приходить в голову бредовые мысли. Еще через неделю увидите явные физические перемены. Наросты на голове и на руках. Увеличение массы тела. Вы будете превращаться постепенно. Примерно через 30 дней перемены станут еще заметнее. Обычно начинают расти рога... Или хвост. Ноги тоже... Вы станете ниже ростом.

Он вздохнул.

— Хватит, — сказал я.

— Важно знать одно: через 30–40 дней это будете уже не вы. Вы полностью потеряете контроль над собой. Вы сойдете с ума. Ваше сознание в нынешнем виде умрет, но физически вы еще будете более-менее похожи на человека. Вы будете превращаться дальше, уже не осознавая это. Полный цикл превращения занимает обычно два месяца. Через два месяца вы будете как...

— Я понял. Я сказал, хватит.

Катасонов посмотрел на меня с жалостью и недоумением.

— У вас укол на руке. Значит, не укусили?

Я криво ухмыльнулся.

— Это не я. Это полковник. Я убил его человека. Видимо, он решил так наказать меня.

Катасонов поморщился, сунул руки в карманы халата.

— Это не первый раз, — сказал он.

Я стал ходить кругами по холлу, пытаясь осознать происходящее. Мысли нелепо толкались в голове, одна бредовее другой, я пытался придумать, что делать, ведь должен же быть выход, хоть какой-то выход из всего этого.

Может быть, все это плохой сон?

Нет.

Я сел на пол, закрыл руками лицо и разрыдался.

— Что мне делать? Что мне делать? Что делать... — повторяя я сквозь рыдания, покачиваясь из стороны в сторону.

Капитан и Катасонов молчали.

К горлу снова подступила тошнота.

Мне хотелось умереть. Прямо сейчас. Просто взять и умереть. Я поднял глаза на Капитана и сказал:

— Пристрелите меня.

Капитан покачал головой. Я не выдержал и сорвался.

— Почему? Почему?! — я почти кричал. — Вы пристрелили Юферса, а меня? Я ведь тоже стану... как он! Какая разница, сейчас или потом? Или дайте мне пистолет, я сам.

— Слушайте... — замялся Капитан. — Я уж, конечно, прошу прощения...

Он говорил медленно, долго подбирав слова, поглядывая то на меня, то на Катасонова, то глядя куда-то перед собой, и нерешительно ходил короткими шагами из стороны в сторону.

— Да, прошу прощения, это будет верно. Я вообще не хотел заниматься тем, чем сейчас занимаюсь. Знаете, я вообще изначально тоже не отсюда. Ну да вы поняли это по моему говору. Я...

Он сунул руки в карманы кителя, снова вытащил, пригладил волосы, заложил руки за спину, будто не понимал, куда их девать.

— Я вообще музыкант. Пианист. Был когда-то. Я попал сюда примерно так же, как вы. Не буду рассказывать как, просто я много шутил. И дошумелся. Я не целиком здесь. Частично я еще там, но... Скоро буду здесь совсем и навсегда. Наверное... Ладно.

Я не понимал и не хотел понимать, что он говорит. Какое мне до этого дело? Я молчал и смотрел на него сквозь слезы.

— Неважно, — продолжил он. — Это слишком сложно. Я просто хотел сказать, что моя работа здесь — встречать людей. Я встретил вас и отвел туда, куда надо. На этом все. Я пошел.

Да наплевать, думал я. Теперь на все наплевать.

— Катитесь к черту, — сказал я дрожащим от слез голосом, непослушными руками надевая очки обратно.

Капитан вдруг задорно улыбнулся.

— Этим и займусь, — сказал он уже своим обычным бодрым голосом. — А пока — до свидания.

Он пошел к дверям — все так же сгорбившись и заложив руки за спину. У выхода он вдруг встал, обернулся и пошел обратно ко мне.

Приподнял китель, достал сзади из-за пояса пистолет, взял его за ствол и протянул рукоятью ко мне.

— Это вам, — сказал он. — Мой запасной, ношу на всякий случай. Используйте как хотите. Пистолет Макарова, полный магазин, восемь патронов. Надеюсь, знаете, как снять с предохранителя.

Я взял пистолет, он оказался непривычно тяжелым и холодным.

Капитан снова хищно улыбнулся, козырнул ладонью, развернулся и ушел.

Все перед глазами расплывалось от слез. Я сидел на холодном кафельном полу с пистолетом в руке и не знал, что делать дальше. Пустить пулю в висок? Да, самый простой и очевидный выбор. Быть может, после этого я проснусь.

— Я хочу, чтобы все это оказалось дурным сном, — сказал я вслух.

Катасонов подошел ко мне, неловко хлопнул по плечу.

— Это не сон, — сказал он. — Слушайте, вам надо отдохнуть, поесть и поспать. У нас в столовой осталось немного супа и картошки. Положу вас в какой-нибудь кабинет на диван, у нас тут теперь много свободных кабинетов...

Я вытер ладонью мокре от слез лицо, всхлипнул, поднял голову.

— У вас разве нет охраны? Я думал, тут все посеръезнее устроено, — пробормотал я, пытаясь хоть как-то отвлечься от мыслей.

Катасонов хмыкнул.

— Ничего у нас нет, нет у нас ничего! — раздался сзади визгливый голос Доценко. — Разбежались все. Было пятьдесят человек, пятнадцать осталось. Как товарищ Юферс стал превращаться в это самое...

— Да, — сказал Катасонов. — Когда наш директор стал превращаться, люди стали уходить. Ушли лаборанты, ушли научные

сотрудники. Неделю назад мы остались без охраны. Где они, что теперь делают — я не знаю. Может, к бандитам ушли, может, в «Прорыв». Может, уже по лесам бегают с ширликами. И что нам теперь делать...

— Пятнадцать человек, пятнадцать человек, это же полный... — продолжал Доценко. — Нет больше института. Как нам теперь изучать все вот это? И зачем теперь это изучать... Тут все, в общем-то, кончено, по большому счету.

— Кончено, — кивнул Катасонов. — Мы бы тоже ушли, но куда? Да и не выпустят за кордон. Тем более нас. Остается только сидеть и ждать чего-нибудь. Уверен, о нас вспомнят на Большой земле. Кого-нибудь пришлют.

— Пришлют они, ага... — сказал Доценко. — Пошлют они, а не пришлют. Нас пошлют.

— Ладно, — Катасонов поморщился, видимо, даже его стал раздражать голос Доценко. — Слушайте, вам надо поесть и спать. Вставайте с пола.

Он помог мне встать. Ноги не слушались. Опять тошнило.

— Да... — пробормотал я. — Мне плохо. Вы говорили, что этот уголек снимает эффекты. Можно мне... Есть у вас инъекция?

Катасонов коротко кивнул.

— Пойдемте, — сказал он.

* * *

Я лежал на диване в пустом кабинете с выключенным светом, поджав руки и ноги в позе эмбриона. За окном начинало темнеть.

Так заканчивался мой первый день в Покрове-17.

Инъекция уголька, действительно, сделала немного лучше. Не кружилась голова, не тошнило — я чувствовал себя почти так же, как ощущает себя обычно здоровый человек.

Только чудовищная пустота пожирала изнутри, и непрогоядно темный туман окутал сознание, будто бы чернота, которая приходит в эти края, попала внутрь и осталась во мне навсегда; будто я теперь навсегда стал ее частью, и она никогда не отпустит меня — да и зачем отпускать, если я теперь тоже эта чернота?

Может, и хорошо это, может, теперь, став чернотой, я стану чем-то другим, и мне будет проще в этих местах, и, быть может, не так уж и плохо, что я тут останусь. Доживу тут эти сорок дней в здравом уме, а потом...

Я завыл в подушку, стиснув зубы до крови в деснах.

Пусть это окажется сном, пожалуйста, пусть все это будет отвратительным сном, а потом я проснусь в своей машине и поеду домой, просто поеду домой, Господи, пожалуйста, можно так?

Поеду домой, да.

Сейчас надо уснуть, тихо и спокойно уснуть, сладко задремать, скорчившись на этом ободранном диване, чтобы проснуться в своей машине.

Утро, сиреневое рассветное небо, плотный туман на полях, ровно гудит мотор, и я еду по трассе, а впереди — блокпост с зелеными солдатиками, и вот он все ближе и ближе, и я сбавляю скорость, подъезжая к ним, и останавливаюсь у шлагбаума.

Молодой призывник с улыбкой подходит к машине, козыряет, спрашивает учтиво:

— Документы?

Протягиваю паспорт.

Солдат смотрит на разворот, отдает паспорт обратно, снова улыбается, говорит:

— Все в порядке. Можете ехать.

Поднимается шлагбаум, и я трогаюсь с места.

А потом — быстро, будто в кино сменяются кадры один за другим — снова дорога на Малоярославец, потом Калуга, потом

по трассе до Москвы, и по пути можно остановиться в кафе, победать и выпить кофе, и к ночи уже буду почти дома.

И снова высаться — уже в своей кровати, в моей сталинке на Садово-Черногрязской, утром улыбнуться соседям, дойти до редакции — где там Пискарев с его дурацкими усами и модными очками — и сдать этот чертов текст.

Но Пискарев не смотрит на текст. Он молча приглашает меня в свой кабинет, закрывает за нами дверь и кивает на работающий телевизор.

А там — странный раздражающий скрежет, черный экран и белая полоса, по которой катится, вздрогивая, маленький шарик, катится-катится, подпрыгивает и падает в черную бездну.

И под завывание приглушенных фанфар появляется на черном экране страшная, бледная, нечеловеческая голова с бельмами вместо глаз и припухшим наростом на макушке.

— Телекомпания «Вид» представляет, — говорит голова замогильным голосом.

Что-то меняется в кабинете. Сейчас утро — ведь утро, да? — а за окном темно, будто ночью, но не горят огни дома напротив и не слышно шума проезжающих машин. Я смотрю на Пискарева: он сидит в своем коричневом кресле, но взгляд его будто не здесь, он сам становится похож на эту мутную бледную голову, которая пляшет белым пятном на его очках.

— Смотри! — говорит Пискарев тем же голосом, что и голова, и показывает пальцем на экран.

А на экране — сквозь мутную дрожь помех и разноцветно-зернистую рябь — мелькают бегущие люди с дубинками и автоматами, развеиваются красные флаги, и вот человек бежит в толпе таких же, как он, а потом падает и больше не встает; и грохочет автоматная очередь — тра-та-та, — и кто-то орет в громкоговоритель, и вдруг танки, танки, и снова танки, и я вижу, как мутная рябь на экране вдруг превращается в чистый белый огонь.

Меня разбудил вой сирен.

Я открыл глаза.

Кабинет, грязный стол, тумбочка, ободранный диван, сине-серое небо за окном и запах дегтя в спертом воздухе.

Еще сильнее скорчился в позе эмбриона и снова крепко зажмурился.

* * *

НЕ НАВОЕВАЛИСЬ?

О книге Андрея Тихонова «На Калужский большак»

(журнал «Октябрь», № 8, 1989 г.)

В начале года вышел из печати второй роман Андрея Тихонова под названием «На Калужский большак». Он рассказывает о боях за поселок Недельное в Калужской (во время войны — Московской) области. И если первое произведение Тихонова, «Чудовище внутри», можно отнести к низкопробной фантастике и спокойно о нем забыть, то «Большак» уже требует более подробного отзыва.

Отдадим должное автору: он стал лучше владеть языком и, очевидно, хорошо работает с материалом. Тихонов рассказывал, что для написания этой книги общался с ветеранами и изучал архивы. Оно и видно: ход боевых действий описан с энциклопедической точностью, будто порой читаешь не художественную литературу, а мемуары старого генерала.

По стилистике «На Калужской большак» отсылает к классической советской фронтовой прозе. Неплохо удалось описание боев, солдатские диалоги, к месту приходятся и глубоко народные выражения тех времен: понятно, что бойцы не изъяснялись цитатами Шопенгауэра.

В тексте попадаются стилистические огрехи, но на общем впечатлении это не сказывается: автор умело выезжает за счет создания настроения и атмосферы.

Пожалуй, это все достоинства книги.

О чём же она?

Ни о чём.

Толстый роман, посвященный одному-единственному бою за богом забытый поселок в Калужской области. Почему именно этот поселок? Почему именно этот бой? Автор не объясняет, а просто ставит читателя перед фактом.

За все двести с лишним страниц в книге не происходит ничего по-настоящему интересного. Ничего необычного, ничего такого, ради чего вообще стоило бы его писать. Нам просто показывают хронику непримечательного боя за поселок. Взрывы, стрельба, танки. Всё!

Это было бы интересно военному историку, но зачем это нужно современному читателю? Неужелиуважаемый Андрей Тихонов думает, что в 1989 году люди будут читать 200 страниц ради того, чтобы узнать подробную хронику боев за поселок в декабре 41-го?

В тексте нет посыла. Нет ответа на вопрос: «А зачем я это прочитал?»

А ведь мог быть посыл! Если бы Андрей Тихонов написал об ужасах сталинских репрессий, о загадотрядах НКВД, о чудовищных ошибках командования в первые месяцы войны, о наплевательском отношении генералов к солдатским жизням.

Но — всего этого нет. Ни одного упоминания. Автор совершенно игнорирует ужасы советского тоталитаризма, будто и не было их никогда. И делает он это, скорее всего, сознательно. Будто над ним стоит чекист с наганом и следит за каждой строчкой. Очнитесь, товарищ Тихонов, времена уже не те!

Похоже, стоило бы товарищу Тихонову ознакомиться и с другими документами тех времен. Быть может, тогда в нем пробудился бы голос совести, призывающий честных людей писать правду о войне без прикрас. Сейчас, в 1989 году, стыдно игнорировать тему сталинских репрессий.

Так зачем нам все это, товарищ писатель?

Неужели мы еще в 70-е годы не пресытились миллионами однообразных томов о войне? Для чего нам это сейчас? Как напоминание о войне? Да мы и не забывали. Дай-то бог, чтобы ни читатели наши, ни писатели, ни уважаемый Андрей Тихонов больше никогда не увидели ужасов войны.

Что ж вы, товарищ Тихонов, не навоевались еще?

Геннадий Малокелбасский

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

*Из книги Андрея Тихонова «На Калужский большак»
Ночь на 22 декабря 1941 года, поселок Недельное*

Гулко бахнуло вдалеке — ночную тишину расколол взрыв, а за ним еще один, и еще, и вспыхнуло за деревней белым огнем, застrekотали автоматы. Передовой отряд лыжников подорвал грузовики фашистов, которые отправлялись на Калужский большак. Значит — пора.

— За мно-о-о-ой! — лейтенант Громов вскочил в полный рост, взмахнул пистолетом.

Солдаты встали из снега и побежали к дороге на окраине деревни.

Снова взорвалось вдалеке, затрещал пулемет, хлопнули винтовочные выстрелы.

Селиванов бежал к дороге, бегло целясь вперед, утопая в лапками в снегу, и с ним рядом бежали Игнатюк с Пантелейевым. Трудно было дышать на бегу, еще труднее целиться, и не видно противника, но слышно, как стреляют в деревне.

За крайним домом — суетливое движение и мелькают серые мундиры: несколько немцев пытаются занять оборону.

Селиванов опустился на колено, уперся прикладом в плечо, прицелился по серому пятну и спустил курок. Бахнул выстрел, ударило в ноздри запахом пороха. Попал или не попал — нет

времени думать. Пуля — дура. Встал, побежал, снова присел, снова выстрелил.

Разобравшись с передовым охранением немцев, побежали к избе. Игнатюк швырнул гранату в окно, отбежал, закрыв руками уши. Гулко хлопнуло внутри, зазвенели стекла.

Засели за бревенчатым углом дома.

Селиванов вслед за Громовым привалился плечом к стене, отышался. Сзади подсели Игнатюк. Мимо пронеслись несколько солдат — они бежали к другому дому, чтобы укрыться за ним.

Подсел взмокший, взъерошенный Пантелейев с раскрасневшимся лицом.

— Заклинило, зар-раза! — крикнул он, плюхнувшись в снег.

Не дожидаясь ответа, всадил винтовку прикладом в снег и со всей силы ударил валенком по затвору. Заклинившая гильза выскочила, дымясь, из казенной части и ушла в сугроб.

Автоматные очереди стали громче и чаще — видимо, подоспел еще отряд.

— В дом! — крикнул Громов. — Избу проверьте!

Селиванов, выждав момент, осторожно выглянул из-за угла: дверь в избу снесло с петель, крыльцо развалилось, изнутри несло жаром и запахом гари.

Быстрой перебежкой с Игнатюком и Пантелейевым пересекли открытый участок двора, ворвались в избу.

Сначала показалось, что внутри никого, но потом Селиванов увидел, что возле почерневшей печи, скорчившись под обломками и кашляя от дыма, ползает стриженный налысо немец с неестественно вывернутой рукой и окровавленным лицом.

«Добить? — думал Селиванов. — Да ну его, сам сейчас помрет...»

И только после этого заметил, что вместо ноги у немца кровавые лохмотья.

Еще один лежал у окна — явно мертвый.

— Никого больше! — крикнул Пантелейев. — Назад давай!

— Врасплох застали! — кричал снаружи Громов. — Носятся, как черти угорелые... Так, ребята... За избой доски с брезентом, давайте к ним... Быстрой перебежкой, вперед!

И рванули что было сил по дороге, не глядя перед собой.

Сердце колотилось как бешеное, кровь стучала в висках, кругом взрывалось, гремело и стреляло, и щекотало в ноздрях едким запахом пороха. Пропало ощущение холода, взмокли волосы под шапкой и вспотели ладони в вязаных варежках.

Добежали до склада с досками, укрылись.

— Беглый огонь по противнику! — орал Громов.

Снова перещелкнуть затвор, всадить патрон, высунуться из-за брезента, найти взглядом бегущую фигуру в сером, спустить курок — баx! Наверное, мимо. Плевать.

Действительно, немцев застали врасплох. Селиванов видел, как двое в панике выбежали из соседнего дома в одном исподнем: их тут же положили очередью.

Отряды автоматчиков врывались прямо в дома, где расположились перепуганные фрицы, и расстреливали их в упор.

Немцы бежали в панике, бросая оружие и машины. Пытались прорваться через плотный огонь на грузовиках в сторону большака, выпрыгивали из кузовов на ходу и бежали к лесу. Ползли огородами под свист пуль и стрекот очередей...

Взвод Старцева вместе с остальными прорывался к центру села, как было приказано. Зачищали дом за домом, простреливали огороды, закидывали гранатами дворы, где судорожно прятались немцы, пытаясь занять оборону.

Было что-то воодушевляющее-сладкое в этом чувстве полного превосходства над застигнутым врасплох противником.

«Сейчас мы их... Ух, сейчас мы их...» — так думал Селиванов, выцеливая еще одну бегущую фигуру в сером мундире, чтобы отправить пулю в морозный воздух.

Бах! — фигура будто наткнулась на невидимую преграду, осела и завалилась в снег.

И снова пригнувшись, быстрыми перебежками, к следующей избе.

А за поворотом — через полукруглую брускатую площадь с разбитыми торговыми лотками — виден уже темно-серый, блестящий от огневого зарева купол храма с пробитой снарядом дырой. Это уже центр села. Здесь, выкурив из храма засевших там немцев, они должны будут соединиться с третьей ротой, и первая задача будет выполнена.

На карте это место называлось «Храм Покрова Пресвятой Богородицы». Это Селиванов запомнил.

Нет, это еще не момент истины, думал он, готовясь перебежать к следующему укрытию.

* * *

22–23 сентября 1993 года

*Закрытое административно-территориальное образование
«Покров-17», Калужская область*

Обрывки воспоминаний. Только обрывки, ничего больше. Я не смогу вспомнить эти два дня целиком.

На стене моей комнаты висит выцветший постер с мускулистым Арнольдом Шварценеггером из фильма «Коммандос». Он держит пулемет в здоровенных руках и смотрит на меня суровым взглядом. Я выучил его наизусть, с закрытыми глазами представляю его увешанный гранатами черный жилет, вздувшиеся вены на бицепсах, расположение защитных полос на размалеванном лице. Я смотрю на него часами, потому что сижу и смотрю в одну точку, раскачиваясь из стороны в сторону. Меня мутит.

Я лежу на диване, свернувшись в позе эмбриона, и тело дрожит, потому что за окном снова воют сирены, и мир вокруг опять погружается в беспросветную черноту, и мне страшно

и сладко, больно и тревожно, а потом, когда все становится вокруг черным-черно — я растворяюсь в этой темноте, и больше нет в мире ничего.

Мне приносят еду. Это каша с тушенкой или картошка с тушенкой, а еще иногда макароны с тушенкой. Мутный чай, отчего-то пахнущий рыбой. Черствый хлеб.

Я бегу по коридору, придерживая рот рукой, меня тошнит, и вот я не сдерживаюсь, меня рвет прямо на грязный кафельный пол. Падаю на колени и слышу шаги по коридору — кто-то бежит прямо сюда.

Не помню, что было до этого, но сейчас я лежу в своей кровати и истощно кричу, сам не знаю, отчего так кричу — просто очень страшно, и меня крепко держат чьи-то руки, кажется, это Катасонов и кто-то еще.

Укол в вену. Привет, вешество Кайдановского.

Снова сирены.

Арнольд Шварценеггер на выцветшем постере.

Утро, дождь молотит по окну, и опять тошнит. Рядом с диваном кто-то заботливо поставил тазик. Спасибо.

Ночь. Я сижу на полу посреди комнаты, и в моем рту торчит холодный ствол пистолета. Странно, что его никто до сих пор не отнял. Почему я сижу на полу комнаты? Почему у меня во рту пистолет? Я крепко сжимаю его зубами до боли в деснах, зажмуриваюсь и со всей силы давлю на спусковой крючок.

Не получается.

Я забыл снять пистолет с предохранителя.

Почему я это делаю? Как я тут оказался? Я швыряю пистолет в угол. Арнольд Шварценеггер смотрит на меня.

Сны. Единственное, что может быть хорошего. Когда ставят уголек по вене, мне становится лучше, я засыпаю и вижу сны.

Но все равно в этих снах — после дома, спокойной жизни и теплой Москвы — кабинет Пискарева, экран телевизора с дергаными помехами, кровь, бегущие люди, солдатские дубинки, железные щиты.

И все та же бледная пугающая голова с наростом на макушке.

Я прячу пистолет под кровать. На всякий случай. Чтобы не видеть его. Тогда у меня не будет соблазна.

Оружие в этой комнате теперь только у Шварценеггера.

Снова утро. Я сижу у окна и смотрю, что творится снаружи. Приехал большой военный грузовик, солдаты разгружают ящики, рядом стоит Катасонов, разговаривает с ними о чем-то.

Потом приходит Доценко, приносит миску риса с тушенкой. Хитро улыбается. Говорит, что солдаты привезли много еды. Еще он говорит, что для Большой земли штат института по-прежнему состоит из сотни человек, а никак не из пятнадцати, и поэтому запасов хватит надолго.

Он дает мне пачку сигарет. Это «Мальборо». Черт возьми, это «Мальборо»!

Жадно курю, стряхивая пепел в жестяную банку. Слышу, как снаружи газует грузовик. Солдаты уезжают.

Солдаты, заберите меня с собой.

Чешется место укола на руке.

Рука выглядит ужасно.

Снова сирены.

Очередное хмурое утро, и мне уже лучше, я стою у проходной института и курю — кажется, впервые за эти дни наконец вышел на улицу. Рядом стоит Катасонов. Моросит дождь, небо затянуто тяжелыми облаками, в воздухе пахнет сыростью. Я курю и смотрю на грязно-зеленую траву, пробивающуюся через асфальт под ногами.

Катасонов смотрит, как жадно я затягиваюсь первой утренней сигаретой и, кажется, немного завидует тому, что ему, некурящему, незнакомо это чувство.

— Вам лучше? — спрашивает он меня.

Киваю.

— Немного, — отвечаю я. — Но по крайней мере уже не возвращаюсь в бреду сутки напролет.

— Так и должно быть. Первые дни организм еще пытается бороться с изменениями. Это резкий взрыв иммунитета на всех уровнях. Потом постепенно привыкает, и становится немного лучше.

Выдыхаю дым в воздух.

— Что вы сделаете со мной, когда я, ну...

Катасонов пожимает плечами.

— Я не знаю, что к тому времени будет со всеми нами.

— Ясно.

Отвечаю этим дурацким и неловким «ясно», но совершенно не понимаю, что делать дальше.

— Зачем вы вообще тут возитесь со мной? Кормите, ухаживаете.

Катасонов опять пожимает плечами.

— А что нам еще делать?

И правда, думаю я. Что им еще здесь делать.

Я читал в газете про психолога Элизабет Кюблер-Росс, которая предложила модель из пяти стадий принятия неизбежного. У нее речь шла о собственной неизлечимой болезни или потере близкого. Отрицание, гнев, торг, депрессия, смирение. Известная концепция. Я курю и думаю: это депрессия или смирение? А может, я еще на стадии отрицания, и еще только предстоит пережить весь этот ад? А может, я вообще прохожу все эти стадии одновременно и запутался в них?

Не понимаю, что чувствую. Не знаю, что делать и куда идти. Кажется, даже не очень понимаю, кто я теперь.

— Однажды я убил человека, — говорит вдруг Катасонов чистым и спокойным голосом, от которого я вздрагиваю.

Я оборачиваюсь на него.

— Да, убил, — продолжает Катасонов. — Это было еще в восемьдесят втором году. Один наш сотрудник... Ну, тогда у нас было еще много сотрудников. Это был эксперимент с угольком, и он... В общем, да. Мы тогда еще не знали, что это вообще такое, не знали, что это не вылечить. А потом он стал превращаться. Совсем превращаться. Вырос хвост, ноги стали как копыта.

Когда все стало понятно, он попросил... Он очень долго просил, мы понимали, что это надо сделать, но никто не хотел. Пришлось тянуть жребий. Положили бумажки в шляпу. Я и вытянул.

Катасонов выбрасывает вперед руку, вытянув вместе указательный и средний пальцы, дергает кистью и резко выдыхает губами:

— П-ф-ф-ф.

И поворачивается ко мне с виноватой улыбкой.

— Прямо в лоб. Хорошо, что у него не было семьи на Большой земле.

— И? — спрашиваю я, не понимая, к чему он ведет.

— Его звали Сергей Кайдановский.

* * *

24 сентября 1993 года

*Закрытое административно-территориальное образование
«Покров-17», Калужская область*

Под утро сквозь сон мерещились какие-то голоса внизу, шум подъезжающих машин, крики и ругань. Я не сразу понял, происходит это во сне или в реальности, но в какой-то момент с улицы совершенно отчетливо прогремел выстрел. Но апатия достигла такой степени, что даже на это было уже наплевать. Перевернулся на другой бок и снова вырубился.

Не помню, сколько удалось продремать, но сон закончился настойчивым стуком в дверь комнаты.

Зачем стучать, она же открыта, подумал я, отрывая голову от подушки и пытаясь разлепить сонные глаза. За окном, как всегда, серое небо, капли дождя на стекле и черные окна дома напротив. На стене Арнольд Шварценеггер.

Я свесил ноги с кровати, как всегда, посмотрел на руку: покраснение и желтоватые фурункулы распространились на половину ладони и дошли до локтя. Гудела голова. Слегка подташнивало.

Снова постучали в дверь.

Я натянул потертые тренировочные штаны, которые выдал вчера Катасонов вместо испорченных (не помню как) брюк, взял очки с тумбочки, нацепил их на нос.

— Открыто, — сказал я.

Дверь распахнулась.

На пороге стоял полковник. Как его фамилия?.. Каменев? Да, Каменев. Тот самый, кто вколол мне в руку уголек. В потасканном полковничьем мундире, с недовольным лицом, маленькими голубыми глазами иечно оттопыренной нижней губой. Через плечо висел офицерский планшет.

За его спиной стояли два автоматчика в масках.

Я резко встал с кровати, попятился в сторону окна.

— Не бойтесь, — Каменев поднял руку, пытаясь успокоить. — Я просто поговорить.

— Прошлый разговор был не очень приятным, — сказал я.

— Сядьте, сядьте, — Каменев прошел в комнату, осмотрелся. — У меня к вам дело. И, конечно, надо бы извиниться...

— Извиниться? — у меня задрожал голос. — За то, что вы...

Вот за это, да?

Я поднял изуродованную руку.

Каменев прикрыл глаза, поморщился, повернулся к автоматчикам за спиной и сказал им:

— Ребята, постойте снаружи и закройте дверь. Разговор будет с глазу на глаз.

Оба кивнули, закрыли дверь.

Каменев задумчиво хмыкнул, сделал пару шагов, взял табурет и подвинул его к моей кровати.

— Садитесь, — сказал он, указывая на кровать.

— Что уж теперь делать... — пробормотал я и присел на край кровати, как можно дальше от полковника.

— С чего бы начать... — заговорил полковник. — Во-первых, да, я хотел бы извиниться, впрочем, думаю, вам это не особенно важно.

— Лучше скажите, как вы здесь оказались и... — я сразу вспомнил утренние крики и выстрел. — Что вообще произошло?

Полковник развел руками.

— Можете считать, что в Покрове-17 меняется власть. Понимаете, все это время руководство Института выполняло здесь функции городской администрации. Функции, надо сказать, не то чтобы обширные, но какие уж есть. У них была власть, а мы в интересах этой власти обеспечивали порядок. Пока пару дней назад не стало понятно, что...

— Что Института как такового больше нет.

— Именно, — он поднял указательный палец. — Не беспокойтесь за них, никого не арестовали, но они теперь будут заниматься исключительно наукой. Под нашим присмотром. Если случилось так, что никто не может взять происходящее под свой контроль, кто-то должен это сделать. Очень жаль товарища Юферса, очень жаль... Мы хорошо работали с ним.

— И что, вы теперь тут главный?

Каменев снова хмыкнул, посмотрел в окно, помолчал пару секунд.

— Получается, что так. Больше некому, — он развел руками, будто извиняясь. — Думаю, теперь тут станет получше. Наши люди будут дежурить тут и охранять оставшихся сотрудников института, заодно они и не разбегутся... Нельзя же, чтобы была анархия, верно? Никак нельзя. Старик и его «Прорыв», знаете ли, не дремлют. Мне вообще кажется, я здесь единственный, так сказать, государственник. Но суть не в этом. Я к вам по делу.

— По делу? Что вы хотите со мной сделать? Мне жить осталось месяц. Из-за вас.

Полковник хитро улыбнулся, посмотрел на меня своими синими глазами, подмигнул.

— А вот зря делаете поспешные выводы, зря.

Он достал из кармана мундира пачку «Мальboro», протянул мне.

— Хотите?

Я покачал головой:

— Спасибо. У меня точно такие же. Не забывайте, нам тут еду и сигареты из одного грузовика привозят.

— И то верно.

Я встал, взял с подоконника жестянную банку, которую использовал в качестве пепельницы, поставил на пол у кровати, снова сел и закурил. Полковник тоже.

— Так вот, дорогой мой писатель. Мне не дает покоя это дело с майором Денисовым.

Я вспомнил то утро на трассе, труп в машине и рукоять ножа, торчащую из груди. Плечи передернуло нервной судорогой.

— Его убили определенно вы, — продолжил он. — Но зачем? Вы сами не знаете, ведь так? Вы не помните.

— Так.

— Я верю вам. *Теперь* верю. Полагаю, так оно и было. Очнулись, увидели рядом труп. Паника, ужас, надо поскорее избавиться... Это ясно. Но что к этому привело? Что произошло до этого? Как вы вообще здесь оказались, как пробрались через кордон?

— Вы уже спрашивали, и я уже говорил, что не знаю, — раздраженно ответил я. — Мне самому бы знать.

— Во-о-от, — он снова поднял указательный палец. — А ведь это очень интересно. Хочется немного разобраться.

Он встал с кровати и начал медленно, вальяжно ходить из стороны в сторону, затягиваясь сигаретой и выпуская дым.

— Майор Денисов, — продолжил он, — в ту ночь работал возле кордона. Это обычное дежурство вместе с солдатами, которые несут там службу. Грубо говоря, мы обмениваемся информацией, совместно решаем задачи, все в таком духе... А потом каким-то образом появились вы. Мы обратились к солдатам на кордоне, которые в ту ночь дежурили. Но они ничего не видели. Дело в том, что вы появились на территории Покрова-17 в момент АПСП. То есть того, что тут называют Черным Покровом. В то утро он продолжался с 5:40 до 6:50 утра — то есть довольно долго,

даже, я бы сказал, необычно долго. Когда пропал Черный Покров, солдаты на блокпосту заметили, что Денисова с ними больше нет. Тогда они позвонили нам. Мы выехали на место, а по пути к блокпосту увидели его тело и следы от ваших шин. А дальше...

— Что дальше? Что? — я нетерпеливо приподнялся на кровати и повернулся к полковнику так, чтобы не пропустить ни слова.

Полковник Каменев встал на месте, затянулся сигаретой, выдохнул в потолок.

— Что вы знаете об этом странном человеке, который называет себя Капитаном? — спросил он.

— По большому счету... — я задумался, — ничего.

— Вот! — крикнул полковник и резко наклонился ко мне. — Именно! Ничего! Никто ничего о нем не знает!

Он затушил окурок в консервной банке, снова сел на край кровати, наполовину обернувшись ко мне. Он начал говорить — уже совсем иначе, громче и быстрее, чем обычно.

— Никто не знает, кто это. Он черт знает откуда появляется и черт знает куда исчезает. Мы не знаем, откуда он здесь, не знаем, что ему тут нужно, не знаем его прошлого.

— Он говорил непонятные вещи, — вспомнил я. — Ну, когда проводил до Института и ушел... Говорил, что был пианистом, что он здесь «не полностью» — или как-то так, я не понял этой фразы. К чему вы все это?

— Я имею основания полагать, что именно этот человек причастен к тому, что вы тут оказались. И к убийству майора Денисова вашими руками.

— Помню, он застрелил человека. Бандита, кажется.

— Да, да, знаю. Тварь та еще, не жалко. Но суть не в этом. Помните, когда мы с вами беседовали в кабинете, этот человек, этот Капитан, говорил, что с ним связывалось руководство Института?

— Да, — кивнул я. — Он и мне так сказал. Он говорил, что его задача — встречать здесь людей и что должен отвести меня в Институт...

— А оказалось, что никакого руководства института уже давно нет, несчастный Юферс превратился в ширлика, а сотрудники разбежались. Так?

— Так.

Полковник быстро закивал, поджал губы, будто пытаясь быстро что-то сформулировать в голове. Кажется, ему было трудно думать.

— Он же не мог не знать этого, — сказал он. — Помните, когда он сидел тогда у нас в кабинете, он говорил, что знает о некоторых планах института относительно вас, намекал, что связан с руководством... Как он при этом мог не знать, что института больше нет? Он обвел вокруг пальца и нас, и вас. Он ведет свою игру. Я не знаю какую.

Он замолчал.

— Он говорил, что его обманули, — сказал я. — Что ему позвонили от имени института, будто звонил сам Юферс и просил встретить меня...

— Бросьте, — перебил Каменев. — Он врет. Он хитрый. Ему зачем-то понадобилась вся эта история, чтобы... Не знаю. Просто есть еще кое-что.

Так, опять что-то.

— Что еще? — сухо спросил я, потушив окурок.

— Вы не первый такой. Не первый, кого привел сюда этот человек. И не первый, кто заразился, употребив уголек.

— И?

— И... Хорошо. Карты на стол, — он хлопнул себя ладонью по колену, будто и впрямь выкладывал карты. — В восемьдесят девятом году Капитан привел в институт одного человека. В скором времени этот человек употребил уголек. Заболел. Начал превращаться. А потом исчез. Мы были уверены, что он превратился в одного из этих чудиков и бегает теперь по лесу...

Но, черт, но, пусть сейчас он скажет «но», пожалуйста, думал я.

— Но неделю назад мы узнали, что он жив. Судя по всему, он вылечился. Это единственный случай излечения.

— Как?

Сильно зачесалась рука. Наверное, от волнения.

— А это он сам расскажет. Вам. Когда мы познакомим вас. Но перед этим... Опять же, карты на стол... Вы окажете нам услугу и поможете найти Капитана. Так сказать, на живца.

Мне стало трудно дышать, в горле застрял ком. Черт, неужели, неужели появился шанс? А вдруг он врет? А вдруг ему нужен только Капитан? Не может быть, черт, неужели.

Я не знал, что думать.

— Слушайте... — я потер висок, пытаясь соображать. — Я не знаю. Все это... Черт, если и правда есть шанс, то...

Да черт с ним. Что еще делать?

— Я согласен, — сказал я.

Полковник широко заулыбался.

— Чудно. Чудно! — сказал он. — Тогда мы с вами сейчас поедем в отделение и там обсудим весь план.

Я не знал, что делать. Вдруг он врет?

— А, да! — сказал Каменев. — Слушайте, я совсем неожиданно нашел у нас в отделении, не поверите, вашу книжку.

Он открыл планшет и достал из него мою книгу — потерянный желтый томик романа «На Калужский большак» с силуэтом красноармейца на обложке. 1989 года издания.

— Ого, — присвистнул я. — Уже прочитали?

— Хотел начать читать, но времени нет. Может, подпишете? Если, конечно, не трудно.

Я кивнул. В моей голове родилась мысль. Совершенно шальная, чудовищная и страшная, но это нужно сделать. Обязательно нужно. Другого выхода нет.

— Да, да... — заговорил я и сунул руку в карман штанов. — Сейчас, у меня своя ручка. Раскройте книгу, сейчас подпишу.

Продолжая шарить пальцами в кармане, другую руку я потянул к книге, а затем резко вытащил из кармана наполненный

угольком шприц, перехватил полковника за запястье и быстрым движением воткнул иглу в кожу, полностью выдавливая поршень.

Бросил шприц, вскочил с кровати, отпрыгнул в сторону окна.
— Блядь! Ах ты с-с-сука! — взревел полковник.

Он не сразу понял, что произошло: выронил книгу на пол, ошелевшими глазами посмотрел на свою руку, на упавший шприц с остатками черной жидкости, на меня.

Этот шприц вчера вечером дал мне Катасонов, чтобы я сам мог сделать себе инъекцию, когда станет плохо.

— Сука! — заорал полковник и кинулся ко мне.

Сильный удар кулаком в лицо ослепил меня. Я повалился на подоконник, потерял равновесие, рухнул на пол.

Все остальное произошло за несколько секунд.

Еще один удар — сапогом в живот. Я скрючился и захрипел.

Под кроватью лежало то, что мне нужно. Пистолет Макарова, который я закинул туда пару дней назад.

Я сделал рывок ползком, увернувшись от очередного удара, вытянул руку насколько мог, ухватился за рукоять пистолета под кроватью. Полковник снова занес ногу для удара, я вытащил из-под кровати пистолет, перекувырнулся, прислонился к стене и резко наставил ствол на полковника.

В комнату ворвались автоматчики. Два вороненых ствola смотрели в мою сторону.

— Бросай оружие! — взревел один из них. — Мордой в пол!

Я понял, что забыл снять пистолет с предохранителя.

Щелкнул им в полной тишине.

Все замолчали.

Полковник стоял передо мной, пытаясь отдышаться, лицо его побагровело, с оттопыренной губы стекала струйка слюны. Он поднял обе руки, глядя мне в глаза; интересно, как с его стороны сейчас смотрится дуло пистолета?

Быстрыми движениями зрачков я смотрел то на полковника, то на автоматчиков. Ствол Макарова глядел ровно между глаз Каменева. Палец лежал на спусковом крючке.

Полковник оглянулся в сторону автоматчиков и медленно, плавным движением руки попросил их опустить оружие.

— Все хорошо... — хрипло, с одышкой прошептал он. — Все в порядке. Давайте разрядим обстановку.

Автоматчики медленно и недоверчиво опустили оружие. Я не стал этого делать.

— Ну что, — сказал я, не узнавая собственный голос, он казался металлическим. — Теперь мы в одной лодке, товарищ полковник. Теперь вам тоже некуда деваться, да?

— Зачем вы... — прохрипел полковник.

Я встал на ноги, продолжая держать полковника на мушке. Мне это нравилось. Я мог пустить ему пулю в лоб в любую секунду. Это ощущение казалось потрясающим.

Я улыбнулся. Впервые за долгое время в этом проклятом месте. Наверное, эта улыбка выглядела отвратительно.

Медленно опуская ствол, я громко, четко, с особым наслаждением проговорил:

— Если вы не соврали мне о человеке, который смог вылечиться, то сначала мы пойдем к нему, а потом найдем Капитана. Теперь это и в ваших интересах.

* * *

ИЗ ПРОТОКОЛА ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

ЗАТО «Покров-17», 21 сентября 1993 г.

Осмотр начат: 8ч. 00 мин.

Осмотр окончен: 8ч. 40 мин.

На обочине асфальтированной дороги на расстоянии 70 см от края проезжей части лежит труп старшего оперуполномоченного ОВД № 143 Восьмого ГУ МВД Денисова Игоря Валентиновича. Тело лежит лицом вверх. Голова расположена на юго-восток, левая рука направлена на восток, правая рука согнута под телом, левая и правая ноги направлены в сторону северо-запада, правая нога полусогнута в колене.

В области сердца на правой стороне груди торчит рукоять финского ножа, лезвие вошло в тело до упора.

Труп одет в китель синего цвета с погонами майора милиции, брюки синего цвета с лампасами, галстук серого цвета. На кителе и рубашке пятно крови диаметром около 40 см.

Следов борьбы на трупе не обнаружено.

При опылении алюминиевым порошком рукояти ножа удалось обнаружить бесцветные следы пальцев рук, которые затем скопированы на дактилоскопическую ленту.

Рядом с телом на обочине обнаружены и зафиксированы следы транспортного средства, переходящие на асфальтированную дорогу.

Анализ ширины колеи и беговой дорожки, а также рисунка протектора шины и наружного диаметра колеса позволил предварительно установить тип и модель транспортного средства: легковой автомобиль ВАЗ-2106 «Жигули».

[ФРАГМЕНТ ТЕКСТА ВЫМАРАН ЧЕРНОЙ РУЧКОЙ]

В процессе осмотра старший лейтенант милиции Парамонов И. И. проводил съемку фотоаппаратом «Зенит-7М» с объективом «Индустар-50» на пленку чувствительностью 130 ед.: общего вида места происшествия, тела, следов шин с использованием миллиметровой линейки. Использовано 22 кадра пленки.

С места происшествия изъяты:

1. Нож финский с березовой рукоятью и следами крови на лезвии, упакован в плотную бумагу (упаковка 1);
2. Отпечатки пальцев на трех фрагментах дактилоскопической пленки (пакет 1).

*Старший лейтенант милиции
Парамонов И. И.
Начальник ОВД № 143
Восьмого ГУ МВД РСФСР
Каменев В. С.*

Мы шли к проходной института в сопровождении автоматчиков. В вестибюле столпились у стенки ничего не понимающие лаборанты: Катасонов хотел что-то сказать мне, но не мог, он смотрел встревоженным взглядом то на меня, то на полковника. Рядом стоял Доценко, глядя в пол перед собой.

Полковник молчал. Все молчали. Я ощущал себя победителем; сердце билось как проклятое, в венах кипел адреналин. Мне тогда казалось, что впервые в жизни я подчинил человека своей воле; и не просто человека, а самого настоящего врага, победил его, заставил действовать так, как хочу я; пусть, может быть, недолго, пусть это была ошибка, но что ж — нечего терять.

У выхода стоял бело-синий уазик, у его открытой двери курил худенький милиционер с лейтенантскими погонами. Увидев полковника, он швырнул сигарету на асфальт, быстро затоптал и вытянулся по стойке «смирно».

Каменев, потирая руку, бросил беглый взгляд на лейтенанта и проворчал ему тихо:

— Мы сейчас поедем одни. Вернемся сразу в отделение, может, к вечеру, может, завтра. Оставьте в институте наряд из четырех человек.

Лейтенант коротко кивнул.

Каменев обернулся к автоматчикам, взгляделся в их лица, прищурился.

— На всякий случай, — сказал он тяжелым и жестким голосом. — То, что было сейчас в комнате. Вы ничего не видели и не слышали. Понятно?

— Так точно, товарищ полковник! — хором ответили оба.

Каменев хмуро кивнул.

— Садитесь, — сказал он мне, махнув рукой в сторону уазика.

Я сел на пассажирское кресло, пристегнулся. Каменев втиснулся грузным телом в машину, плюхнулся на сиденье, захлопнул дверцу и повернул ключ зажигания.

Он не смотрел в мою сторону и ничего не говорил.

Мы молча тронулись и начали выруливать с площади к проспекту.

За окном снова проносились заколоченные фанерой окна, разбитые фонари, заросшие дворы с ржавыми детскими площадками. Машину трясло на покореженном асфальте.

— Знаете, что в Москве творится? — спросил Каменев, не глядя на меня.

— Когда я уезжал, там было тревожно.

— Сейчас всё хуже, — сказал он и повернул ручку радиоприемника.

Сквозь шипение радиопомех звучал приглушенно-трескучий голос.

— Состоялся телефонный разговор Бориса Ельцина и Билла Клинтона, который продолжался 17 минут. Президент США полностью поддержал заявление своего российского коллеги...

Голос утонул в помехах и замолчал. Каменев, не отрывая взгляда от дороги, вновь повернул ручку. Ничего — только хрюк и шипение. Наконец удалось нашупать другой голос, слабый и женский.

— Министр внешних экономических связей России Сергей Глазьев подал в отставку в знак протеста против указа президента. Глазьев оказался единственным членом кабинета министров, выразившим несогласие с действиями Бориса Ельцина...

Снова помехи.

— В блокированном Белом доме продолжается внеочередная экстренная сессия Верховного Совета во главе с Русланом Хасбулатовым. По словам очевидцев, на подходе к зданию парламента замечены вооруженные люди...

Голос опять замолчал.

Каменев опять покрутил ручку, и вдруг послышался уже знакомый звонкий голос, который я слышал, когда мы с Капитаном ехали в город. Голос Старика из «Прорыва».

— …этот эфир, приходи на железнодорожную станцию. Нам стоит поговорить и узнать...

Полковник выключил радио.

— Слушайте, — спросил я после недолгой паузы. — А куда мы едем?

Каменев впервые за это время повернулся ко мне. В глазах его ощущалась злоба.

— К человеку, который смог вылечиться. Как и обещал. Я не соврал.

— Где это?

— В деревне Колодец.

* * *

24 сентября 1993 года

Санкт-Петербург

Вечером папа повел пятилетнего Сашу гулять по Васильевскому острову. В одном из дворов на Большом проспекте жил дракон. Понятное дело, ненастоящий. Здоровенный, наверняка очень злой, с мощными крыльями и тремя головами — одна большая и еще две поменьше, на тонких вытянутых отростках. На спине у него почему-то был плавник. Возле дракона постоянно играли дети.

А еще внутрь этого дракона можно было залезть. Прямо через пасть. Папа запрещал и говорил, что там очень грязно. От этого хотелось еще больше. Если грязно, значит, наверняка, очень опасно. Саша любил читать книги о приключениях, которые давал дедушка, и понимал, что настоящий мужчина должен тянуться к опасным местам. Вряд ли там есть что-то кроме грязи, но вдруг внутри и правда что-то интересное?

— Нет, Саш, там грязно, — снова сказал папа, когда они в очередной раз проходили мимо. — Мама будет ругаться.

— Я помоюсь, — сказал умоляющее Саша.

Это было логично. Папа сдался и разрешил — в конце концов, и правда ничего страшного, грязь и грязь.

Саша опустился на карачки и героически пополз в пасть к дракону. Началось приключение.

Но оно закончилось довольно быстро, потому что внутри воняло самым настоящим говном. Вряд ли оно принадлежало дракону. Рядом с кучкой валялись смятые бумажки, окурки и почему-то грязные шприцы.

— Ничего интересного, — с деловым видом сказал Саша, вылезая из дракона и хлопая ладонями по грязным штанам.

Когда они пришли домой, дедушка смотрел телевизор, курил и сквозь кашель ругался на Ельцина. Из телевизора громко кричали.

ГЛАВА ПЯТАЯ

*Из книги Андрея Тихонова «На Калужский большак»
Ночь на 22 декабря 1941 года, поселок Недельное*

— Нихт шиссен! Нихт шиссен!

Долговязый немец в серой шинели, подняв руки, перешагивал через заваленное снегом окно храма и боязливо оглядывался вокруг. За ним выглянул еще один.

Держа немцев на прицеле, бойцы обступали их с двух сторон — расслабляться нельзя, бой не окончен, совсем рядом еще гремят винтовочные выстрелы и стрекочут пулеметы.

Но немцы, засевшие в храме, видно, поняли, что сопротивляться бессмысленно. Они выходили наружу, перешагивая через груду кирпичей у полуразрушенного окна — второй, третий, четвертый... Осторожно бросали оружие наземь, испуганно переглядывались.

— Аллес? — спросил сержант Громов, когда наружу вышли восемь человек.

— Я, я, — закивал один из немцев, косясь головой в сторону храма.

— Селиванов, Пантелейев, Игнатюк, проверьте, — сказал Громов.

Действительно, в храме, тускло освещенном керосинками, не было больше никого. Внутри все загромождено ящиками,

окна наполовину забиты мешками, под ногами ржавые осколки и битые кирпичи...

Селиванов поднял голову — в куполе зияла дыра, и сквозь нее чернело ночное небо с еле уловимым синим оттенком. Скоро рассвет.

Где-то вдалеке, видимо, уже на окраине села затрещали автоматы и снова смолкли. Ружейная пальба становилась реже.

— Подумать только, из самого божьего дома немцев прогнали, — запыхавшимся, но бодрым голосом сказал Игнатюк.

Он говорил это и тоже стоял рядом, глядя в небо над куполом храма.

— Тоже мне божий дом, — тихо ответил ему Селиванов.

В самом деле, это место мало походило на церковь — склад и склад, только с дырявым куполом наверху и чудом сохранившимися фресками на облупленных стенах.

В слабом блеске керосиновых ламп на стенах можно было едва разглядеть святых — они будто пропадали сквозь стену, выцветшие, стоящие в нелепых позах, то преклонив колени, то воздев руки к небу, то неестественно вывернув головы. Лица их были отчего-то черными, да и сами они в мерцании керосинок больше походили на темные силуэты.

Их потемневшие головы окружали красные nimбы — странно, думал Селиванов, ведь nimбы вроде должны быть желтыми или белыми... Наверное, так кажется в полумраке.

Вышли наружу, доложили Громову, что внутри никого. Немцы сидели в снегу с удрученными лицами.

— Вот черти, — сказал Игнатюк.

Закинул винтовку на плечо, присел к немцам, снял сидор, развязал и достал пачку папирос.

Ишь ты, подумал Селиванов, а сам все махорку курил.

Немцы недоверчиво покосились на Игнатюка с папиросами. Тот сунул одну в зубы, а остальную пачку протянул фрицам.

— Эй, Ганс, будешь раухен? — спросил он. — Криг аллес. Капут.

Пальба раздавалась уже только на самом краю села. Бой подходил к концу. Немцы осторожно и недоверчиво брали по папиросе, тихо благодарили, закуривали.

А через минуту к храму подоспели бойцы третьей роты — они шли не торопясь, уже закинув на плечи винтовки.

— Опоздали! — крикнул им Громов. — Мы уже, вон, тут со всеми разобрались, даже стрелять не пришлось.

Оказалось, что третья рота тоже не сидела без дела — по пути наткнулись на немецкий грузовик, который внаглу пытался прорваться на Калужский большак. Подорвали гранатой и расстреляли водителя через стекло. Из кузова выпал ящик, раскрылся — и на снег вывалилась куча немецких медалей и орденов. Наверное, хотели раздать к Новому году... Бойцы хвастались друг другу фашистскими побрякушками и смеялись — будет, мол, чем теперь елку украсить.

Из разговоров выяснилось, что село почти взяли, только на северной окраине еще идут вялые перестрелки.

Многие немцы сдались, еще больше убито, еще больше — бежали. Захвачена немецкая полевая кухня, обозы, штабные документы. Внезапная ночная атака удалась.

К рассвету замолкли последние выстрелы. Всё кончилось. Недельное было взято.

Когда стало светать, начали подсчитывать убитых и раненых.

Во дворах, на дорогах, в огородах — везде валялись мертвые немцы. У выезда на Калужский большак — сгоревшие грузовики и мотоциклы.

Из подвалов и погребов медленно, по одному, с опаской выходили местные жители, спрятавшиеся на время боя. В основном — бабы и дети. Увидев бойцов, выдыхали, кидались на шею, плакали.

Взяв Недельное, части 238-й стрелковой дивизии прорвались глубоко в расположение немецких войск. Противник держал ближайшие населенные пункты с трех сторон.

24 сентября 1993 года

*Закрытое административно-территориальное образование
«Покров-17», Калужская область*

Бывает состояние, когда окружающий мир кажется невыносимо чужим. Ты не ощущаешь себя его частью. Всё резиновое, ненастоящее, не из плоти и крови, а из горелой пластмассы; и воздух чужой, и небо, и звуки вокруг фальшивые, как на зажеванной кассетной ленте. Ты песчинка в механизме, кость в горле, помеха на телевизоре. Тебя не должно быть здесь.

А в какой-то момент ты вдруг понимаешь, что эта чужеродная фальшь и есть самая настоящая реальность. Жесткая, беспощадная, живущая совершенно не по тем законам, которые ты представлял. Ее можно потрогать, она как ржавая шестеренка в скользком машинном масле.

Это не смирение и не принятие. Напротив, ты понимаешь, что и сам становишься другим, ведь тебе надо стать сильнее и крепче этой реальности, чтобы выжить — а значит, и победить.

Покров-17 стал моей реальностью. Все, что в первые дни здесь казалось мне диким сном, оказалось еще более настоящим миром, чем прежняя жизнь. Я почувствовал это в себе и вокруг.

Да, это настоящее. Злое, колючее и правдивое.

Мы с полковником Каменевым выехали из города и мчали по разбитой дороге среди грязно-зеленых полей. Облака стали тоньше и светлее, на небе просвечивало белое солнечное пятно — может, вот-вот и покажется желтый шар, и станет не так уныло существовать под этой однообразной серой хмарью.

— Кто этот человек, к которому мы едем? — спросил я.

— Старик. Кажется, какой-то художник.

— Капитан говорил о каком-то художнике, — вспомнил я. —

Вроде бы это он придумал так называть ширликов.

Каменев пожал плечами.

— Может, и он. Черт знает. Известно, что в восемьдесят девятом он невесть откуда появился в институте, его всюду сопровождал Капитан. Потом он стал превращаться. Умудрился сбежать. И пропал. Думали, всё, по лесам бегает, хвостом машет... А недавно мне на стол упала бумага — так и так, во время патрулирования в деревне Колодец замечен тот самый гражданин.

— Уверены, что тот самый? Может, просто похожего деда увидели?

— Уверены. Его трудно с кем-то перепутать. Ребята патрулировали деревню, а он выглядывал из окна и улыбался. Приветливо так... Мы взяли это на карандаш, хотели навестить его вместе с Институтом, но тогда еще не знали, что тут всё развалилось. Ох, черт...

Полковник вдруг резко сжал губы, стлотнул слюну, сбавил скорость, свернул на обочину и остановил машину. Его лицо выглядело бледным.

— Ну спасибо, — проговорил он сквозь зубы, зло глядя на меня.

Полковника мелко затрясло: он поежился и обхватил плечи руками, пытаясь согреться, прикрыл глаза.

— Это всё ваш уголек, — его голос стал еще слабее. — Не знал даже, что он так...

Я не знал, что говорить и что думать. С одной стороны, он сам виноват, что решил вколоть мне эту дрянь — теперь же получай, око за око, всё справедливо, но с другой...

— Слушай, писатель, давай-ка ты поведешь машину. Я покажу, куда ехать.

Каменев говорил хрипло и медленно, с силой выдавливая из себя слово за словом; кажется, ему стало так плохо, что он сам не заметил, как перешел на «ты».

— Хорошо, — тихо ответил я.

Полковник с трудом открыл дверцу, навалился на нее всем телом, свесил ногу вниз и мешком повалился на дорогу.

Плохо дело.

Я выскоцил из машины, обежал ее спереди, нагнулся к Каменеву. Он полулежал на дороге, прислонившись к грязному колесу уазика, и тяжело дышал. Его бледное лицо покрывала испарина, губы посинели.

— Писатель, — сказал он, глядя на меня мутными зрачками. — У тебя же есть, этот...

— Есть.

В моей сумке лежал набор шприцов и пять ампул с жидким угольком — последние запасы, которые выдал напоследок Катасонов. Я хотел сберечь их для себя, но что уж теперь.

Я вернулся к своему сиденью, вытащил из-под него сумку, снова подошел к полковнику и присел перед ним на корточки.

Он смотрел на меня и сквозь меня. Похоже, на него это превращение действовало еще хуже. Его мелко тряслось, стучали зубы, дрожали руки.

— Ты, это... Извини, что ли, — проговорил он, облизывая пересохшие губы.

Я ничего не ответил.

Вытащил из сумки пакетик, разорвал, достал тонкий шприц, снял колпачок с иглы.

Теперь — ампула. Маленький стеклянный пузырек с черной жидкостью, похожей на крепко заваренный кофе.

Сдавил пальцами кончик ампулы, отломал.

— Засучи рукав, — сказал я полковнику.

Каменев медленными, дергаными движениями расстегнул пуговицу и закатал рукав, вытянул руку и с силой напряг ее, чтобы выступили вены.

Я вставил шприц в ампулу и начал набирать жидкость.

— Эй... — сказал вдруг полковник. — Там... за спиной у тебя.

Я обернулся.

На обочину через дорогу из высокой травы медленно и боязливо выползали ширлики.

Их было четверо — один с длинной шеей и острыми листьями ушами, другой с паучьим брюшком и тонкими ножками,

еще один горбатый и скрючившийся — его руки волочились по земле — и четвертый, с огромным жирным подбородком, свисавшим до самого паха.

За ними по полю бежал еще один, он передвигался на трех лапах, четвертая, атрофированная, свисала с плеча беспомощной культай.

И еще двое торопливо ковыляли через поле со стороны леса.

— Вещество почуяли, — сказал полковник.

Черт.

Ширлики выстроились на обочине и медленно, рыча и урча, подходили к машине. Они явно опасались нас, но желание за- получить уголек было сильнее.

Они окружали нас и смотрели в одну точку — на шприц с черной жидкостью в моей руке.

Ширлик с жирным подбородком боязливо сделал еще один шаг, за ним подползали остальные.

Со стороны леса бежали еще.

Пистолет оставил в бардачке. Балда.

— Возьми, — будто услышав мои мысли, сказал полковник, расстегивая кобуру.

Я вытащил пистолет из его кобуры, снял с предохранителя, встал с корточек, вскинул руку и прицелился в ширлика с жирным подбородком.

Тот в недоумении остановился, остальные тоже.

— Пошли отсюда! — я угрожающе взмахнул пистолетом.

— Да стреляй уже, не глупи, — прохрипел полковник.

Ширлик с жирным подбородком испуганно и непонимаю- ще смотрел на меня сальными глазенками.

За моей спиной что-то громко лязгнуло с тяжелым металлическим звуком.

Я обернулся. На крышу уазика запрыгнул здоровенный ширлик — безносый, с огромными заплывшими глазами и толстыми губами, с маленькими корявыми лапками. Он ощерил

пасть, показал грязно-желтые зубы и угрожающе зарычал, брызжа слюной.

— Ур-р-р-л, ур-р-р-л! — ревел он.

Я вскинул руку с пистолетом и в упор пальнул по его лицу.

Пуля вошла прямиком между глаз и расколола череп, желтые мозги брызнули в стороны, ширлика отбросило назад, он свалился на крышу машины, скатился на дорогу и забился в агонии, разбрызгивая вокруг себя кровь.

— Ур-р-р-р-л, ур-р-р-л! — послышалось сзади, совсем близко.

Я развернулся и выстрелил в ширлика с жирным подбородком, который бежал ко мне. Фонтан крови брызнул из его шеи, он опрокинулся навзничь и судорожно заколотил лапками по асфальту.

Еще выстрел — ширлик с паучьим брюшком нелепо раскинулся лапки и завалился набок.

Хриплое рычание справа. Повернулся, бегло прицелился и всадил пулю в еще одну тварь, которая готовилась к прыжку.

Оставшиеся на дороге ширлики взвизгнули и, испуганно переглядываясь, попятались в сторону поля.

— Нахер отсюда пошли! — заорал я, не узнавая собственный голос.

И выстрелил в горбатого и длиннорукого. Попал в живот. Он скорчился, захрипел и рухнул ничком.

Ширлики разбежались в разные стороны и со всех ног поскакали прочь.

Но со стороны леса в нашу сторону бежали через поле еще. Десятки. Маленькие, голые, волосатые, толстые, худые, с птичьими, собачьими головами, с клювами, хоботами и клешнями, с копытами и хвостами, с заячьими и ослиными ушами, с носами и без носов...

— Отдай мне! — полковник приподнялся на локте, вцепился рукой в шприц, вытащил его из моей ладони, оперся на открытую дверцу уазика и с трудом встал. — Садись за руль, гони отсюда быстрее!

Полковник ввалился в машину, переполз на пассажирское кресло, устало откинулся на спинку и повернулся ко мне, глядя безумными глазами.

— Давай, что стоишь!

Я влез в машину, захлопнул дверцу и со всей силы втопил педаль газа.

Машина взвизгнула, резко тронулась с места; я вырулил с обочины и погнал вперед.

Что-то загремело наверху, а потом на капот с крыши свалился маленький ширлик с густой бородой и огромным носом. Он вцепился ручками в машину и подполз к лобовому стеклу. Вместо дороги я видел только его отвратительную морду и раскрытую пасть с гнилыми зубами.

Я резко крутанул руль вправо, потом влево. Нас качнуло в сторону, ширлик слетел с капота и свалился на дорогу.

— Гони! — орал Каменев.

— Да гоню я, гоню! — крикнул я, не сбавляя скорость.

Нас тряслось, я выжимал газ до отказа и мчал по прямой, молясь, чтобы впереди не оказалось круtyх поворотов. Бешено колотилось сердце, сперло дыхание. Я никогда не водил так быстро.

— Что за хуйня! — кричал Каменев. — Можно было просто кинуть им этот ебаный шприц и свалить отсюда! Разозлили их... Теперь не отстанут!

— Ты же сам сказал стрелять! — возмутился я.

— Идиотина, я же не говорил, что прямо в них! Можно было в воздух пальнуть и шугануть.

— Так надо было кинуть им шприц или выстрелить в воздух?

— Не знаю! — полковник так заорал, что забрызгал слюной лобовое стекло. — И то, и другое!

— Ты видел того, что на машину прыгнул? Его шугануть? Да он был готов мне глотку перегрызть!

— Ага, значит, обосрался и с перепугу решил палить во все стороны? Молодец, блядь! Говном своим закидал бы их, больше толку будет... Писатель... Достоевский!

— А ты, я вижу, резко выздоровел! — не стерпел я.

Мне хотелось всадить пулю ему промеж глаз. Думаю, он испытывал точно такое же чувство ко мне.

Я не знал, откуда во мне взялась эта злость, этот бешеный адреналин, жажда насилия. Я никогда не был таким.

— Тормози! — взревел вдруг полковник.

Он первым увидел то, чего не заметил я: здоровенного, жирного ширлика с головой грудного младенца прямо перед машиной.

Я изо всех сил вдавил педаль, но не успел.

Взвизгнули тормоза, треснуло стекло, меня толкнуло вперед — прямо грудью на руль и лицом в осколки — и зазвенело в ушах, закружило, сверкнуло искрами перед глазами, ударило резкой болью в черепе и поплыло туманом внутри головы.

А потом стало темно.

* * *

Тени.

Черные расплывчатые тени с ярко-алыми нимбами над головами. Они стоят вокруг разбитой машины, заглядывают в окна и смотрят на меня.

Почему я решил, что они смотрят на меня? Ведь у них вообще нет лиц, они — силуэты с красными нимбами, и за плечами у них черные винтовки с примкнутыми штыками. Как рисунки со старых плакатов, как святые со старинных икон. Они худые и высокие, они сделаны из черного воздуха, из самой темноты, но так ярко сияет красное пламя над их головами, и они точноглядят на меня, хоть и не видно их лиц.

Где я их видел раньше?

Болит голова. Я не чувствую носа. Во рту кислый привкус.

Почему-то открывается дверь машины, и я вываливаюсь на асфальт, куда-то ползу, переворачиваюсь на спину и вспоминаю, что на плече была сумка, а теперь ее нет — как вообще я вспо-

мнил про эту сумку, почему это пришло в голову? И нет больше черных силуэтов с красными нимбами, но слышен глубокий рык, утробное урчание и этот знакомый звук: ур-р-р-л, ур-р-р-л...

И выстрел.

И еще один.

Откуда эти тени с красными нимбами?

Болит голова, нос онемел, во рту кислый привкус, перед глазами туман.

Снова выстрел. И снова утробное «ур-р-л, ур-р-р-л» вдалеке.

Шлепок ладонью по щеке. Резко и неожиданно.

Еще один шлепок.

Я открываю глаза. Надо мной склонился полковник Каменев, лицо его в крови, рассечена бровь.

Приподнимаюсь на локте, пытаюсь сфокусировать зрение, но получается плохо.

Мы сидим посреди трассы, на обочине стоит, покосившись, наш разбитый уазик. От смятого капота поднимается струйка черного дыма. На асфальте осколки стекла. Возле переднего колеса валяется в луже крови дохлый ширлик, чуть поодаль еще один.

Пахнет горелым.

— Вставай, Достоевский, — говорит полковник. — Приехали.

* * *

*ИЗ ДОКЛАДА ДИРЕКТОРА НИИ
АНОМАЛЬНЫХ СВЕТОВЫХ ЯВЛЕНИЙ*

Юферса Евгения Георгиевича

*На праздничном мероприятии в честь 10-летия НИИ АСЯ
20 июня 1991 г.*

— Друзья! Товарищи!

Сегодня мы отмечаем десятилетие со дня основания нашего Института. Круглая дата — время подвести итоги нашей работы.

Уже десять лет мы выполняем ответственное задание партии и правительства, осознавая важность возложенной на нас работы. Нам выпала честь первыми изучить явление, которое никогда не происходило раньше на Земле. О нашей работе не пишут в газетах и не снимают репортажи, потому что место, где мы сейчас находимся — пожалуй, самое секретное во всем Советском Союзе.

Я хочу отдельно поблагодарить сотрудников нашего Института за понимание этой секретности. За понимание необходимости оставаться здесь и не покидать пределы закрытой территории. Вы все знаете, что эта необходимость продиктована реальностью. Мы не имеем права выносить отсюда ни капли информации. Мы не можем выносить на Большую землю секреты, которые здесь хранятся. И самое главное — мы не можем подвергать страну и мир опасности, которая здесь таится. Я рад, что все присутствующие осознают свой долг перед Родиной.

Пользуясь случаем, хочу поблагодарить партийное руководство, советское правительство и командование министерства обороны. Благодаря им у нас всегда есть снабжение продуктами и товарами первой необходимости. Благодаря им мы можем работать под надежной защитой и не беспокоиться, что закрытая информация выйдет за пределы Покрова-17. Но мы не чувствуем себя оторванными от Большой земли, от нашей Родины. Мы чувствуем заботу руководства. О нас не забывают. Это очень важно для нас.

Я бы хотел озвучить некоторые успехи, которых мы достигли за десять лет работы института.

Первое и самое главное — благодаря датчикам, расположенным возле Объекта-1, мы научились предсказывать появление АПСП почти за минуту до его начала. Мы смогли создать систему оповещения, которая предупреждает о надвигающейся темноте.

Второе. Мы продвинулись в изучении материала, остающегося после АПСП, изучили его свойства и можем с уверенностью сказать, что его распространение — в частности, с помощью му-

тировавших организмов — представляет собой большую угрозу для человека.

Третье. Мы провели более двухсот экспериментов над образцами организмов, подвергшихся мутации из-за воздействия вещества Кайдановского. Мы изучили их повадки, строение тела, психику, реакции организма, возможные болезни, проследили весь жизненный цикл от превращения до естественной смерти.

Четвертое. Мы подробно изучили ход болезни, вызываемой веществом Кайдановского, — от заражения до окончательной мутации.

За время нашей работы всего поставлено более тысячи экспериментов, составлено более 5 тысяч докладов, исследовано более трехсот образцов мутировавших организмов, собрано более тонны образцов биологического и минерального материала...

Это далеко не все, что нам удалось сделать, но это самое важное, чего мы добились.

Но многое еще предстоит сделать. Многое еще не изучено. Не достигнуты самые важные, самые главные цели, которые были поставлены при основании института.

Первое, что нам еще предстоит сделать и к чему мы до сих пор не пришли: природа явления АПСП.

Мы до сих пор не знаем, что это. Какую природу оно имеет? Каким образом Объект-1 порождает это явление?

Второе. Мы не знаем, как это явление будет распространяться дальше. Почему оно замкнулось на территории Покрова-17 и будет ли эта зона впоследствии расширяться? Это очень важный вопрос, ответив на который мы сможем узнать, несет ли Покров-17 опасность для других территорий: для страны, континента или, быть может, для всего мира.

Третье. Мы должны научиться лечить людей на первой стадии превращения. Это важнейшая научная, гуманитарная, общественная задача.

Четвертое. В конце концов, мы должны решить, что делать с этим явлением: нужно ли его уничтожать и как это сделать, если будет нужно.

Все эти задачи потребуют от нас максимальной концентрации сил, самоотверженности, трудолюбия, готовности к работе...

Партия и Родина надеются на вас.

Спасибо!

Слово для доклада предоставляю товарищу Катасонову.

* * *

— Знаешь что, писатель? Мне кажется, быть ментом и сидеть у тебя на пассажирском месте — очень херовая идея.

Я сидел посреди дороги, ощупывая пальцами онемевший и распухший нос. Капала кровь, болела губа — кажется, она разбита — и всё еще протяжно гудело в голове и не сразу фокусировался взгляд.

Полковник достал из пистолета обойму, пересчитал патроны, всадил обратно и протянул мне.

— Держи, — сказал он. — Это мой. Два патрона осталось, остальное ты на этих уродов извел.

— А ты? — спросил я, с непониманием оглядывая пистолет. — А ты ведь тоже сейчас стрелял по ним? Или мне послышалось?

— Из твоего. Достал из бардачка. Там патронов побольше осталось, четыре штуки. Его оставлю себе. Сам виноват, нечего было палить со всей дури...

— Они были здесь?

— Очевидно, если я по ним стрелял! Сумку твою стащили. Дай угадаю, там был уголек?

Сумка. Черт!

— Твою мать... — сказал я.

Да, угольки и шприцы. И фотоаппарат. И блокнот. И мои кассеты с музыкой.

— Паспорт, деньги... — прошептал я вслух.

— Какие тебе тут теперь деньги? А вот за уголек обидно. Ну да теперь хотя бы не будут больше бегать за нами. Вставай, вставай. До Колодца по этой трассе два часа неспешным шагом, к закату успеем.

Я с трудом встал, пошатнулся, и в голове загудело еще сильнее, а перед глазами померк свет.

Полковник схватил меня за плечо.

— Ну-ну, — сказал он. — Будешь еще тут в обмороки падать.

Я хотел злобно ответить, что он и сам только что был не в лучшем состоянии, но решил промолчать. Мысли были заняты другим. Почему так трудно фокусировать взгляд? Почему вдали всё так расплывается?

Очки!

Мои очки валялись у открытой дверцы уазика, рядом с дохлым ширликом, разбитые в хлам.

— Этого еще не хватило, — простонал я. — Очки!

— Совсем, что ли, слепой? — спросил полковник.

— Близорукость. Минус два.

— Ну, не так страшно. А стрелял вроде хорошо...

— Так я в очках стрелял.

— Значит, и без очков сможешь. Пошли, пошли. В деревне пожрать найдем и воды попить...

Без очков. Без сумки и без моих вещей. Без еды и воды. С двумя патронами в магазине. С опухшим носом, разбитой губой и больной головой. С ощущением тошноты в желудке — опять чертова болезнь скручивает нутро — и рядом с человеком, который виноват во всем этом.

Мы шли по дороге черт знает куда. У меня не оставалось выбора, кроме как доверять Каменеву. Точно так же, как несколько дней назад у меня не оставалось выбора, кроме как доверять Капитану.

— Слушай, — спросил я спустя какое-то время. — А почему мы поехали одни? Взял бы с собой этих парней с автоматами.

— Ага, — криво ухмыльнулся Каменев. — Чтобы они увидели, как я себя чувствую? Как теряю сознание и блюю дальше, чем вижу? Нет уж... Я их начальник. Так нельзя.

— Ты мог бы просто не вкалывать мне этот уголек в отделении.

Полковник остановился, заглянул мне прямо в глаза, снова раздраженно выкатил нижнюю губу и сказал, чуть повысив голос:

— Мог бы. А мог бы и пристрелить тебя прямо там. И не было бы никаких проблем. Если бы этот Капитан нас не облапошил.

— Думаешь, лучше было бы пристрелить?

— Думаю, что мог бы.

Мы замолчали и пошли дальше.

Живот заболел сильнее. Нужен уголек, без уголька никак.

— Как самочувствие? — спросил я полковника, пытаясь не застонать от боли.

— Хреново, — ответил он. — Внутри всё горит, как при температуре под сорок. Надо уголек найти. Придется теперь ждать, пока наступит темнота, а потом собрать на земле, если найдем... Ложки нет, растопить не на чем, шприцов тоже нет. Придется так жрать.

— А почему его принято колоть?

— Ну ты как маленький. Почему героин не едят? Тут тоже самое. Эффект быстрее и сильнее. Сразу становится лучше. И доза известна. А тут хрен знает, сколько придется его съесть, да и на вкус омерзительно. Это ширликам плевать, они все что угодно сожрут.

— И как он... на вкус?

Полковник пожал плечами.

— Не пробовал. Говорят, как будто лыжную смазку глотаешь. Наверное, не очень.

Я никогда не глотал лыжную смазку, но представил себе ее вкус. Должно быть, что-то как смола или деготь. Точно: слабый

запах дегтя перед наступлением темноты. Значит, действительно так.

— Ширлики тоже захотят собрать уголек, — заметил я.

— Угу. Будем конкурировать в пищевой цепочке.

Я вздохнул. Тошнота подбиралась к горлу.

— Скучно идти. О! Знаешь песню про дым сигарет с ментолом? — спросил вдруг полковник.

Я кивнул.

— Конечно, — сказал я. — Терпеть ее не могу.

— О, отлично!

Он прокашлялся и запел низким, фальшивым голосом, перевиная все ноты:

— Ды-ы-ым сигаре-е-ет с ментолом...

— Не надо, — взмолился я.

— Пьяный уга-а-а-ар качает...

— У меня осталось два патрона, — сказал я.

Полковник не обращал на меня внимания, он шел, дирижируя самому себе невидимой палочкой в руке и слегка прикрыв глаза. Он пел всё громче и громче, распаляясь с каждой строчкой, и голос его срывался в визгливый хрип.

— В глаза-а-а ты смотришь другому-у-у, который тебя-я-я ласкае-е-ет...

Господи, лишь бы он замолчал. Мне показалось, он сходит с ума. С чего это он так? Может, из-за уголька?

Полковник встал посреди дороги, раскинул руки, поднял голову к небу и закричал, уже даже не пытаясь петь:

— А я-я-я-я наше-е-е-ел другую-ю-ю!..

И запнулся, остановился, схватился за горло, а потом зашелся в сухом кашле, сгорбиввшись пополам.

— Береги связки, — сказал я. — Тебе еще на подчиненных орать.

Полковник откашлялся, сплюнул, облегченно выдохнул.

— Мог бы и подпеть, — сказал он, отдышавшись. — Один хрень, делать нечего, пока идем.

— Если скучно, можем, не знаю, поговорить еще о чем-нибудь, — задумался я. — Расскажи еще о себе. Ты говорил, служил в Афгане?

Я сам не знал, зачем спросил его об этом.

— Служил, — ответил хмуро полковник. — Спецназ ГРУ. Командовал ротой. Навидался всякого.

— Например?

Полковник прищурился и покосился на меня.

— Что, историй кровавых хочешь? Достоевский... Видел, как человеку осколком кишку выпотрошило. Вывалились прямо на песок — плюх! Мы их прямо руками обратно заталкивали... Хрен знает зачем, сами в шоке были, совсем еще пацаны. Тот парень умер, конечно, минут десять прожил. Это под Джелалабадом было. А однажды нашего пацана духи в плен взяли. Мы кишлак накрыли с бэтэрами, освободили, а у него уже уши и пальцы отрезаны. Мы тех духов прямо там... Слушай, писатель, война — это страшный ад. Это ужас, который остается с тобой на всю жизнь. Это перепахивает тебя навсегда. Ты об этом в книжке своей написал? Что ты о войне знаешь? У тебя там все кричат «Ура, за Родину, за Сталина!»? Красным флагом машут? На амбразуры кидаются, распевая «Катюшу»? — он на пару секунд задумчиво замолк. — Я просто не читал.

— Да вроде не особо, — сказал я. — Я говорил с ветеранами, изучал архивные документы. В целом, наверное, мало где наврал. Надеюсь. Красным флагом там никто не машет.

— Ну... — полковник опять задумался. — Еще как-то перехватили караван духов с оружием, они шли из Пакистана, а на обратном пути попали в засаду, и нашему парню ногу оторвало. Тащили потом несколько километров на себе. Выжил. Всё футболистом хотел стать, ха-ха...

Полковник замолчал, нахмурился, достал из кармана пачку сигарет, закурил на ходу. Я тоже.

— А в восемьдесят девятом вывели войска, мы ушли одни-ми из последних, — продолжал он. — И, знаешь, я вернулся то

ли в другую страну, то ли черт его знает куда. Работы нет, денег нет, отец умер, только мать осталась. А я стал бухать по-чертному. Месяц без перерыва. Почти не помню ничего из этого времени. Таким колдышем был... Просто дубасил водяру без продыху. Бедная мать. Долго, в общем, в себя приходил. Было ощущение, что я больше не нужен моей стране. Страна меня использовала, кровью залила и выкинула нахрен. Демократия, блин, гласность, перестройка, чтоб ее. Тогда появилось ощущение, что все это скоро нахер развалится. Я был прав, как видишь. Невозможно было не бухать. Пацаны мои, сослуживцы, кто спился совсем, кто снаркоманился, кто в мелкие бандиты ушел. А мне повезло, приятели из командования вышли на связь, предложили в менты пойти. Ну и пошел.

— А тут как оказался?

Полковник усмехнулся.

— Я сам захотел сюда. В руководстве ходили слухи, что набирают людей для восьмого управления в какое-то дохрен на секретное место, закрытое ото всех. Я и вызвался. И, знаешь... — он затянулся и выпустил струйку дыма. — Не жалею. Здесь лучше, чем там.

— Получается, ты просто решил сбежать от всего? — спросил я.

В следующую секунду тяжелый удар кулаком в лицо сбил меня с ног; я потерял ориентацию в пространстве и свалился в пыльный песок на обочине.

Держась за горящую скулу, я приподнялся на локте и разлепил глаза. Надо мной стоял Каменев с перекошенным от ярости лицом, он тыкал мне пальцем в лицо и орал, брызгая слюной:

— Ты!.. Ты, писака ебаный!.. Ты нихуя не знаешь! Молчи, сука! Я тебя просто урою тут!

Я не знал, что это так заденет его. Я действительно не хотел его обижать.

— Извини, — пролепетал я отнимающимся языком. — Слушай, правда, извини, я не хотел, я не знал.

Каменев выдохнул, закрыл глаза, что-то прошептал самому себе.

— Идиота кусок, — и протянул мне руку, чтобы помочь встать.

В этот момент со стороны города взревели сирены.

Каменев раздраженно вздохнул, убрал протянутую руку, посмотрел вверх и уселся рядом со мной в придорожную пыль.

В воздухе запахло дегтем.

Небо стало наливаться густой темнотой, пропала во тьме полоска леса на горизонте, растворились вдали вышки ЛЭП, исчезло мутное солнечное пятно за облаками, а затем покернели и облака; все вокруг превращалось в кромешную ночь.

Заплясали перед глазами зыбкие черные пятна, сливаясь в единое целое.

Я попытался взглянуть на свои руки, но не увидел их.

Я ничего не увидел.

* * *

ДНЕВНИК ЭКСПЕРИМЕНТА С ВЕЩЕСТВОМ

КАЙДАНОВСКОГО

Научный сотрудник НИИ аномальных световых явлений

Курбатов И. И.

20 июля 1983 г.

Итак, мне сделали инъекцию вещества Кайдановского. Было немного страшно. Вдруг вакцина не сработает? Но такова работа. Мне нужно каждый день фиксировать свое самочувствие. Начну.

Инъекция введена в 14:35.

ДО ИНЪЕКЦИИ

Температура тела 36,6. Давление 130 на 85. Самочувствие в норме. Настроение ровное.

СРАЗУ ПОСЛЕ ИНЬЕКЦИИ

Температура тела 36,6. Давление 140 на 90. Сильно волнуюсь.

1 ЧАС ПОСЛЕ ИНЬЕКЦИИ

Температура тела 36,8. Давление по-прежнему 140 на 90.

Сильная тошнота, головокружение, бледность кожных покровов. Два раза стошило. Аппетита нет.

К вечеру 20 июля температура поднялась до 37,3. Давление постепенно приходит в норму. По-прежнему сильно тошнит и кружится голова. Потерял сознание. Аппетита нет, но через силу съел кашу. Буду пытаться уснуть.

21 июля 1983 г.

Ночью очень плохо спалось. Снились кошмары. Утром стошило. Температура тела 37,7. Чувствую себя очень плохо. Очень надеюсь, что вакцина все же сработает.

В 12:00 ввел еще одну инъекцию вещества Кайдановского. Состояние улучшилось. Перестало тошнить. Смог поесть, голова стала лучше соображать. Действительно, повторные инъекции вещества улучшают самочувствие, убирая самые неприятные симптомы состояния, вызванного первой инъекцией. Видимо, поэтому у тех, кого укусили т. н. «ширлики», он считается чем-то вроде наркотика.

На месте укола появилось раздражение и покраснение. Несколько желтых фурункулов. Кожа местами шелушится и чешется.

Вечер, 19:00. Снова резко стало очень плохо. Сильно болит живот. Не могу встать с кровати, всё тело ломит. Температура тела снова 37,7. Бросает в жар, знобит, тело дрожит.

Перед сном выпросил еще один укол. Постараюсь уснуть.

22 июля 1983 г.

Спалось нормально, спасибо уколу. Но утром снова озноб, температура 36,9, кружится голова. Через силу поел.

В 12:00 еще один укол. Снова стало получше. Появилась сонливость.

Пропал до позднего вечера. Выпросил снотворного, попробую снова уснуть.

23 июля 1983 г.

Температура пришла в норму, давление в норме. Действительно, спустя несколько дней самочувствие улучшается, как и было неоднократно замечено. Организм привыкает к изменениям.

Организм перестраивается таким образом, что, несмотря на общее улучшение состояния (в сравнении с тем, что было раньше), все равно требуются регулярные уколы, иначе самочувствие вновь стремительно ухудшается.

В 14:00 снова поднялась температура и заболел живот. Сделали еще одну инъекцию. Самочувствие пришло в норму. Удивительное все-таки вещество.

Вечером нормально поел. Буду спать. Послезавтра будем завершать эксперимент.

24 июля 1983 г.

Чешется голова. Неужели это растут рога? Вряд ли, изменения не происходят так быстро. Тем не менее кожа на месте укола сильно огрубела, еще больше краснеет и шелушится, появляются гнойнички. Выглядит не очень.

Утром чувствовал себя хорошо, но к середине дня вновь прихватил озноб и закружилась голова. Сделал укол. Стало лучше.

25 июля 1983 г.

Ура! Завершаем эксперимент! Только что, в 8:00, мне ввели вакцину. Всё, хватит этих превращений, будем возвращаться в нормальный ритм жизни.

С момента введения вакцины прошло пять часов, но меня все равно не выпускают из карантинной палаты. Понимаю, это логично. Чувствую себя превосходно. Поел с большим аппетитом.

Наступил вечер. По-прежнему не выпускают. Говорят, завтра. Пока продолжу вести дневник.

26 июля 1983 г.

Не выпустили.

[с 27 по 29 июля записи отсутствуют]

30 июля 1983 г.

ВАКЦИНА НЕ СРАБОТАЛА. ЭТО ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ СОСТАВ. ОН НЕ СРАБОТАЛ. МЕНЯ ТОШНИТ. ТЕМПЕРАТУРА. МНЕ ОЧЕНЬ ПЛОХО.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

*Из книги Андрея Тихонова «На Калужский большак»
22 декабря 1941 года, поселок Недельное*

— А вы тут теперь навсегда?

Мальчик лет семи, худой, с синяками под глазами, в огромном взрослом ватнике и в ушанке, вечно сползающей на глаза, смотрел на собравшихся у костра бойцов то ли испуганно, то ли с надеждой и спрашивал, насовсем ли они сюда пришли. За ним стояла его мать в черном платке и в драном полуушубке. На вид ей было лет сорок — но, скорее всего, подумал Селиванов, ей нет еще и двадцати пяти...

Селиванов не знал, что сказать. Он опешил.

— Не знаю... — сказал честно он.

— Ну ты дурак, что ли, — злобно шепнул ему Пантелеев, ткнув локтем в бок.

Встал, подошел к малому, потрепал по шапке, присел рядом с ним.

— Конечно, навсегда, — сказал Пантелеев. — Мы этих немцев так наскрипидарили, что они сюда теперь не сунутся. Ты, главное, маму слушайся.

И подмигнул его матери.

— Хороший у вас малой, — сказал он. — Как звать?

— Миша! — крикнул ребенок, опередив мать.

— Вот, Миша, — сказал Пантелейев, хлопая его по плечу. — Мы вас тут в обиду не дадим.

Встал от костра Игнатюк, оправил шинель, прямой походкой медленно подошел к женщине.

— А вас, извините, как звать? — спросил он. — Мы тут, знаете, костер сварганили, картошечку принесли, присаживайтесь...

— Игнатюк! — раздалось со стороны костра.

Это был лейтенант Старцев. Он хмуро глядел на Игнатюка, грозя ему пальцем.

Игнатюк растерянно кивнул.

— А женщину и ребенка накормить? — сказал Старцев. — Присаживайтесь.

Игнатюк почесал затылок под шапкой, показал им рукой на костер с котелком.

Женщина рассказала у костра, что ее зовут Анна и ее муж воюет где-то под Москвой.

Вышло солнце, и снег белыми искрами слепил глаза — приходилось жмуриться и отворачиваться. Давно не было такого солнца этой зимой. Здесь, у огородов на окраине Недельного, где расположились бойцы, с этим солнцем и этим чистым снегом, с этой женщиной и мальчишкой, уплетающим горячую картошку за обе щеки, на секунду могло даже показаться, что нет никакой войны и все это было дурацким сном. Но рядом с костром сложены в пирамиду винтовки, и хромает сержант Громов — оцарапало пулей бедро по касательной, — и все еще стоят перед глазами трупы немцев на обледенелой дороге.

Селиванов грел руки у костра и думал, что этот бой вышел на удивление легким и удачным, но так было не всегда и так будет не всегда. Сегодня отделались от смерти, а завтра? А послезавтра? Пантелейев сказал мальчионке, что наши пришли на совсем, но это может оказаться совсем не так...

А дома, в Ленинграде — мама, папа и пес Альберт. И страшная зима, и страшный голод, и черт знает что еще.

— Слушай, Селиванов, — сказал Пантелейев, закуривая самокрутку и прищуриваясь от яркого солнца. — Вот ты человек образованный. Скажи-ка мне, как происходит, что люди в зверей превращаются? Вот немцы. Вроде такие же, как мы. Две руки, две ноги, голова на плечах... Да и кровь такого же цвета. Так что случилось-то с ними? Европейская, мать их, нация, культурные люди, а в таких зверей превратились. Деревни сжигают, баб с детьми убивают, в рабство людей угоняют. Почему так? Что должно у человека в голове перешелкнуть, а? Или они родились такими?

Селиванову всегда было смешно, когда его называли образованным. Будто профессор какой-то...

— Человек не может родиться таким, — покачал он головой. — Но условия жизни, воспитание, массовый психоз вокруг играют свою роль. Их же там Геббельс накачал пропагандой по самое не балуй. Вот, мол, есть мы — борцы за светлое будущее великой Германии, избранная раса. А есть недочеловеки, враги, которые как бы, понимаешь, и не люди вовсе. А раз не люди, их можно спокойно убивать и сжигать живьем. А когда все вокруг начинают так думать, ты тоже этому поддаешься. Тебе говорят: можно быть зверем, можно освободить свое внутреннее чудовище и не стесняться. Вот и не стесняются.

— Все равно в голове не укладывается, — сказал Пантелейев. — Вот у этих дохлых фрицев... Наверняка их дома какая-нибудь фрау с большими сиськами ждет. Мама, папа, братья. Они ведь с ними нормально себя ведут. Как люди. Наверняка и они любили, и их любили...

— А нам какая разница? — зло прервал Игнатюк. — Они убивать нас сюда пришли. Нас, наших мам, пап, братьев, жен. Убивать! Или мы их, или они нас. Тебе что, жалко их стало?

Пантелейев затянулся махоркой и сплюнул в снег.

— Не жалко. Просто понять пытаюсь, как такое может произойти.

— Потом будем понимать, — отрезал Игнатюк. — А сейчас их надо убивать. Вот повесим Гитлера за яйца на Красной площади, а потом можно будет и пофилософствовать.

— Справедливо, — сказал Пантелейев.

— Справедливо, — повторил Селиванов.

Миша и его мать слушали их молча, уплетая горячую картошку.

* * *

После обеда выдалось время подремать на сеновале, укутавшись драными одеялами и полушибками. Разморило горячей едой, свалило с ног накатившей усталостью, и Селиванова вырубило почти сразу.

Ему снились черные тени с красными нимбами, которые он видел ночью в храме. Нарисованные святые, чьи лики искажены огнем и копотью. Без лиц и без глаз, пляшущие на старинных облупленных стенах, простирающие руки к небу, глядящие в никуда, потому что не видно их глаз, и над ними — пробитый купол храма, в котором сияют редкие звезды.

Тени росли, становились все больше, протягивали черные руки прямо из стен, отрывали ноги от пола, шагали наружу, в кирпичную крошку и ржавые осколки, шли к Селиванову и обступали его со всех сторон.

Черные, страшные и безликие.

Встали вокруг Селиванова ровным кругом, ослепляя красивым сиянием нимбов, и черные края их силуэтов растворялись в горячем воздухе, пахнущем гарью.

А потом — точно солдаты по команде — они пошли к нему, окружая спереди, справа, слева и сзади.

И когда все они протянули к нему длинные черные руки и возложили ладони ему на голову, Селиванов закричал и проснулся.

— Что опять дергаешься? — недовольно пробормотал Пантелейев, дремавший рядом. — Дай хоть сейчас поспать...

* * *

24 сентября 1993 года

*Закрытое административно-территориальное образование
«Покров-17», Калужская область*

Темнота отступала. Вновь проступали перед глазами очертания дороги, дальнего леса и облаков, и тучи, и вышки ЛЭП вдалеке, и я снова мог видеть свои руки.

Каменев выдохнул и протер глаза.

— Знаешь, — сказал он. — Я долго к этому привыкаю. Каждый раз казалось, что всё, наконец привык, а все равно как-то не по себе.

Я угрюмо кивнул. Каменев поднялся, отряхнул сзади брюки и вновь протянул мне руку.

— Пойдем. Надо поскорее собрать угольков по дороге, пока эти не набежали...

Я взял его за руку и поднялся.

Перед тем, как пойти, мы быстро собрали с поля у обочины немного уголька, крепко замотали в полиэтиленовый пакет и уложили в сумку Каменева.

Вскоре из леса выбежали ширлики. В этот раз им было не до нас, потому что поля щедро засыпало угольком. Они искали его в высокой траве, дрались друг с другом, бегали кругами и истошно визжали.

— На людей похожи, — хмуро заметил Каменев. — На сегодняшних. Глотки готовы друг другу перегрызть.

— А что, раньше были какие-то другие люди?

— Мы были другими. Мы росли на хороших книгах, на старом кино, строили будущее, верили в лучшее, у нас впереди

была целая огромная жизнь! Космос, мать его, стройки, победы! Мы были частью чего-то огромного и сильного, и через это мы обретали свою собственную силу, понимаешь? У нас была правда. Правда, которая сильнее всего на свете. Нас учили быть людьми. Не обижать слабых, не предавать, не продаются. И чему научили? Для чего всё это было? Чтобы сейчас вдруг за какие-то пару лет люди превратились в черт знает что? Слушай, писатель... — он вдруг задумался. — У тебя дети есть?

— Нет.

— Ну и хорошо.

Я промолчал. Мы шли по дороге, и солнце уже садилось в чернеющую кромку леса, просвечивая грязно-желтым пятном в облаках. Вокруг стрекотали сверчки, пищали комары, в воздухе всё еще пахло дегтем, а мы шли и хмуро молчали. Разговаривать не было желания. У меня сводило живот — то ли от голода, то ли от болезни. Болел разбитый нос, горела губа и приходилось постоянно щуриться, чтобы сфокусировать взгляд без очков.

Полковник тоже выглядел не очень хорошо.

Я хотел поспорить с ним и сказать, что люди в любое время всегда одинаковы и разница только в том, как происходящее вокруг раскрывает те или иные их качества, но я не знал, как достойно аргументировать это. А еще писатель...

А может, он и прав. В конце концов, считаем ли мы человеком его собственное первородное «я», или же человек — то, что он делает и что говорит, как живет и каков результат его действий?

Хотелось разговаривать с Каменевым, отчаянно спорить, слушать его, но мысли путались в голове, и я понимал, что вместо внятных слов получится только неловкое мычание.

Да и черт с ним. Все эти мысли — просто чтобы не свихнуться здесь от происходящего.

* * *

ПРОПОВЕДЬ СТАРИКА

(расшифровка радиоэфира от 24.09.1993)

Привет, печальные жители Покрова-17. Я Стариk, и это моя проповедь для вас.

Вы устали выживать, прятаться от чудовищ, бояться, трястись за свою шкуру. Вам осточертела темнота.

Я служил командиром взвода в оцеплении на кордоне. Мне говорили, что я охраняю вас от окружающего мира. Но всё оказалось наоборот. Я охранял окружающий мир от вас.

От вас! От живых людей!

От живых людей, которые мыслят, чувствуют, любят.

Разве вы не заслуживаете права жить?

И в начале этого года я ушел из оцепления вместе с моим взводом. Я мог уйти во внешний мир, на Большую землю. Я не сделал этого. Я ушел сюда. Я хотел дать людям надежду.

Так появилось движение «Прорыв».

К нам постоянно приходят новые люди.

Недавно к нам пришли сразу двадцать бывших сотрудников Института, так называемого НИИ аномальных световых явлений. Они рассказали, что директор НИИ Евгений Георгиевич Юферс отравился угольком, заболел и превратился в ширлика. Его пристрелили и сожгли.

Скажу честно: я страшно хохотал. Это очень смешно! Директор Института, изучающего всю происходящую здесь взбалмошную дичь, сам становится жертвой всего этого безумия!

Еще я подумал, что это неплохо отражает положение дел и в самой России. Вам не кажется, что Ельцин похож на ширлика?

И выходит, что Института как такового больше нет. Директор мертв. Люди разбежались. А ведь НИИ, на минуточку, выполнял функции администрации этой территории. По моей информации, теперь эти функции взяла на себя милиция. Вы отлично знаете нашу милицию. Этого старого дурака, портнячного сол-

дафона, полковника Каменева. Он теперь здесь главный, представляете? Контуженный взвалмошный алкоголик!

Как я и говорил, в стране всё летит к чертям и в Покрове-17 тоже. Мы должны вырваться отсюда, пока не поздно.

Нам говорили, что отсюда нельзя выбраться, потому что мы принесем с собой на Большую землю ширликов и черноту.

Бред!

Армия, даже нынешняя полуразвалившаяся армия, вполне способна справиться с десятком-другим мелких тварей.

Никто до сих пор так и не доказал, что появление черноты связано с заболеванием от вещества Кайдановского. Что люди, прорвавшиеся на Большую землю, увеличат радиус действия Черного Покрова.

Я говорил с генералом, который служит на той стороне. Он кричал мне в трубку: «Вы хотите уничтожить весь мир!»

Жирный недоумок в обоссанных штанах — вот кто он, этот генерал.

Мы спасем мир. Наш мир. Мы будем жить. Мы заслужили это. Мы нужны Родине, а Родина нужна нам.

И где же наша Родина, спросите вы? Ельцин, Чубайс, Гайдар — это наша Родина?

Нет. Наша Родина сильнее их. Наша Родина — это мы.

Западные марионетки, толстосумы, номенклатурные слизняки, захватившие власть в стране, забыли о нас.

А мы им напомним.

И еще кое-что.

Я узнал, что в Покров-17 каким-то образом впервые за долгие годы попал человек с Большой земли. Это писатель из Москвы. Его зовут Андрей Тихонов. Это событие само по себе удивительно, и еще удивительнее, что он попал сюда явно не просто так.

Я обращаюсь к тебе, Андрей Тихонов. Если ты слышишь этот эфир, приходи на железнодорожную станцию. Нам стоит поговорить, попить чаю и узнать друг друга поближе.

Ты нравишься мне, Андрей Тихонов. Ты интересный человек.

Приходи в гости. Мы прорвемся отсюда вместе.

Приходите к нам и вы, печальные жители Покрова-17. У нас есть еда и оружие. Хватит всем.

Это был я, Стариk.

* * *

24 сентября 1993 года

*Закрытое административно-территориальное образование
«Покров-17», Калужская область*

Мы дошли до покосившегося дорожного знака с надписью «Колодец», когда небо уже совсем потемнело. За поворотом, в двух сотнях метров от таблички желтели уютные огоньки деревенских домов. Мы ускорили шаги из последних сил.

В первых трех домах свет не горел, они выглядели давно заброшенными — с заросшим палисадником, развалившимся забором и выбитыми окнами. Мне, впрочем, подумалось, что если дом выглядит заброшенным, это не обязательно значит, будто в нем никто не живет.

— И где твои люди видели этого старика? — спросил я полковника.

— В том доме, у поворота.

Он указал на избу, стоящую в пятидесяти метрах от нас, прямо перед перекрестком. В ней горел свет.

— Кто здесь вообще живет?

— Люди, — коротко ответил полковник. — Человек десять, кажется. Старики. Они отказались эвакуироваться и доживают тут свой век. Тут много таких.

Улица выглядела абсолютно пустой, с редко расставленными фонарными столбами, между которых можно было провалиться в темноту, с гудящими над головой проводами.

Когда мы проходили мимо одного из домов с включенным светом, в окне резко вырос темный силуэт, шторки задернулись и огонь в доме погас.

— Боятся, — усмехнулся Каменев. — Чужих здесь не очень...

Мы подошли к дому, на который указал полковник, он выглядел больше остальных и был поделен на две половины. Свет горел только в одном из окон, завешенном прозрачной шторкой.

Мы осторожно добрались до палисадника, и в этот момент в окне зашевелилась тень.

— Тихо, — шепнул Каменев.

Лязгнула защелка, со скрипом распахнулись створки, и из-за подоконника выглянул старик в драном свитере, совершенно лысый, сморщеный, в аккуратных очках и с худым горбатым носом.

Он свесил руки на подоконник, подозрительно осмотрел нас с ног до головы и тихо сказал трескучим голосом:

— Здрасьте.

Каменев отстранил меня рукой, делая знак, чтобы я не вмешивался в разговор, и ответил:

— Добрый вечер. Это же вы Харон Семенович Богоедов?

Старик поправил очки на носу и еще раз пристально взгляделся в Каменева.

— О, милиция! Милиция... Не помню, чтобы вызывал милицию. Убили кого, ограбили? Помочь надо? Свидетельские показания, понятые? А, я же все равно ничего не видел.

— Нет-нет, — смущаясь Каменев. — Всё в порядке. Мы насчет вас. Вы тут на какое-то время пропали...

Старик поднял голову и наморщил лоб, пытаясь что-то вспомнить.

— А, да, — сказал он. — Было дело, пропадал. Недавно вот ваших ребят тут видел, мимо проходили, ну да, ручкой им помахал, так и знал, что потом еще придут.

— Да-да, — кивнул полковник. — Вы тут, я так понимаю, некоторое время назад, кхм... болели?

— Да я и сейчас болею, — сказал Харон Семенович. — Давление скачет, знаете, так, тыгдык-тыгдык... Прямо как кот.

— Кот? — спросил я, не удержавшись.

— Да! — радостно ответил старик. — Ну, знаете, коты, они скачут перед тем, как погадить, туда-сюда носятся, как бешеные...

— Это бывает, — согласился Каменев. — Слушайте, мы к вам по важному делу. Не бойтесь, пожалуйста, мы не сделаем ничего плохого, мы хотим просто поговорить и расспросить вас о некоторых вещах. Ничего криминального. Просто нам нужен, так сказать, совет.

— Да, совет, — кивнул я.

— А хорошо! — старик игриво подмигнул и показал рукой на калитку. — Проходите, я вам чаю налью, телевизор включу... У меня ж тут телевизор показывает! Редкость! Как раз через полчасика тут вся деревня соберется, будем программу «Взгляд» смотреть, чай пить, вы заходите! Там можно крючок на калитке изнутри открыть.

Полковник просунул руку за калитку, снял крючок, со скрипом открыл дверь и вошел в темный двор. Я шагнул за ним.

— Дверь открыта! — крикнул вдогонку старик.

Когда мы поднимались по ступенькам на крыльцо, полковник обернулся ко мне, похлопал меня по плечу и впервые за это время улыбнулся.

— Не знаю, что он нам скажет, — сказал он мне шепотом. — Но это шанс.

Я кивнул.

Полковник открыл входную дверь, мы прошли в тесную прихожую, и в нос ударил запах прелой старицкой одежды, пыли и лекарств.

Когда мы открыли дверь ярко освещенного зала и вошли внутрь, полковник резко замер на пороге, будто ударившись

в стеклянную стену, и отшатнулся назад. А потом я увидел тоже, что и он.

Старик, которого звали Харон Семенович Богоедов, стоял у окна в потасканном дырявом свитере, глядел на нас сквозь блестящие очки и улыбался.

Он был человеком только выше пояса.

Под его свитером висело огромное мохнатое паучье брюхо, утыканное редкими волосками, а от него расходились в стороны шесть длинных и тонких лап.

— Я же говорил, что болею, — сказал он, виновато разводя руками. — Но мне уже лучше.

В углу стоял черно-белый телевизор. На экране ходил по пляжу радостный парень с огромной пачкой жевательной резинки Wrigley's Spearmint. Натуральный мятный вкус, радость истинной свежести. Настоящее американское качество.

В зале густо пахло квашеной капустой.

* * *

Горький ком подкатил к горлу. Я зажал рукой рот и выбежал на крыльце. Меня стошило.

Когда я вернулся в зал, утирая мокрые губы, полковник все так же стоял на пороге, а Харон Семенович виновато улыбался.

— Уж извините, — сказал он мне. — Какой есть. Попейте водички, в прихожей ведро с ковшиком. Не бойтесь, вода из колодца.

Я обернулся, увидел ведро с торчащим из него пластмассовым ковшиком, зачерпнул и стал жадно глотать воду.

— Мда, — сказал Каменев. — Мы ожидали увидеть немного другое.

— Ну а я что поделаю? — Харон Семенович снова развел руками. — Что я поделаю-то? Рассудок сохранил, и на том спасибо.

— И как вам удалось сохранить рассудок? — спросил я, не отрывая губ от ковша.

— Честно? — он задумался. — А хрен его знает. Как-то так вышло. А вы, я погляжу, сами не очень здоровы?

Мы с полковником хмуро кивнули.

— Беда-а-а, — протянул Харон Семенович.

Он засеменил паучьими ножками по направлению к кухне, протиснулся толстым брюшком в дверной проем и скрылся. Мы услышали, как на кухне гремит чайник.

— Сейчас я чаю всем поставлю, сюда народ с деревни придет телевизор смотреть, — крикнул он из кухни. — А пока они смотрят, все вам расскажу.

Мы с полковником переглянулись. Его лицо выглядело абсолютно потерянным.

— И что теперь? — прошептал я.

— Послушаем, что скажет.

Поставив чайник, Харон Семенович снова протиснулся в зал, неуклюже сложив лапы перед собой — так они выглядели еще отвратительнее — и взглянул в окно.

— О! — сказал он. — А вот и соседи подходят.

Он подошел к распахнутому окну и крикнул:

— Вечер добрый, Тихон Геннадьевич! Калитка открыта, как всегда, чай поставил... Проходите!

Тихон Геннадьевич оказался сухим, высоким стариком в потасканной шинели без погон. В руках он нес бумажный сверток, перевязанный бечевкой. Зайдя в прихожую и увидев нас, он с недоверием покосился в нашу сторону, но Харон Семенович успокоил его:

— Это свои, свои. Они не помешают. Присаживайтесь!

Тихон Геннадьевич прошел в зал, коротким кивком поздоровался с нами, вручил Харону Семеновичу сверток.

— Вот, — сказал он — Это моя бабка печенья вам напекла.

— О-о-о-й, — Харон Семенович расплылся в умильной улыбке. — Ну что-о-о вы... Спасибо!

Они обнялись. Тихон Геннадьевич уселся на табурет перед телевизором.

— А сама Алевтина Петровна почему не пришла? — спросил Харон Семенович.

— Приболела. Давление...

— Понимаю. У всех нас... — он снова взглянул в окно. — О, еще Степановна идет!

Степановна принесла банку соленых огурцов.

Через десять минут в зале почти не оставалось свободного места, и нам по-прежнему пришлось тесниться в прихожей. Пришло восемь человек. Старики в ватниках и спортивных куртках, в потертых тренировочных штанах, старухи в платках и с несколькими слоями тряпья на теле, а еще худой сорокалетний мужик в желтой строительной каске и с совершенно невменяемым выражением лица. Он вручил Харону Семеновичу здоровенную вяленую рыбину и сказал, что это к чаю.

— Тихо, тихо! Началось! — зашептались бабки.

На черном экране появилась белая полоска, по ней заскакал маленький шарик, подпрыгнул и провалился в пропасть — а потом под звук мрачных, неестественных фанфар из темноты выросла бледная голова с наростом на макушке.

— Телекомпания «ВИД» представляет, — сказал голос за кадром.

— На Ельцина похож! — сказал один из старииков.

— Т-ш-ш-ш, — пристыдила его сидящая рядом бабка.

На экране появился Влад Листвьев в стильных очках и с модными черными усами.

— Извините, я ненадолго... — заговорил вдруг Харон Семенович. — Мне надо немного поговорить с милицией.

Ему оказалось трудно пробраться в прихожую из зала, потому что люди расселись вокруг телевизора, и Харон Семенович со своим толстым паучьим брюшком и шестью лапами оказался зажат возле окна.

Руками он подобрал пузо, чтобы не задеть людей, и начал, осторожно переставляя лапы, пробираться к нам.

— Сейчас-сейчас... — говорил он. — Извините...

Люди понимающие кивали.

Он пробрался в прихожую и указал нам на дверь.

— Туда, туда... — пропыхтел он.

Это перемещение давалось ему с трудом.

— Там во дворе сарай... Там поговорим.

Он выполз во двор и с трудом спустился по крыльцу. Мы последовали за ним.

У двери саarya он задержался, с трудом пытаясь вставить ключ в проржавевший амбарный замок.

— Сейчас, сейчас... — он спешил и оглядывался, будто боялся, что его увидит кто-то еще.

Открыв дверь саarya, он дернул за веревочку, чтобы включить свет, и протиснулся в проход, осторожно подбирав паучьи лапки.

Я ожидал увидеть типичный деревенский сарай с кучей древних шмоток, разобранным велосипедом, досками, штабелями брезента и черт знает чем еще, но все оказалось совсем иначе.

На стенах висели картины.

Строгие черные силуэты с красными нимбами на белом фоне. Написанные блестящим маслом на плотных холстах, заштрихованные углем на бумаге, с резкими очертаниями и стремительными авангардистскими фигурами.

Они стояли строем с винтовками за плечами, протягивали руки к небу, склонялись головами друг к другу, показывали пальцем в пустоту, шли колонной к огромному белому солнцу.

Посреди саarya стоял мольберт, и на нем — незаконченные очертания двух теней, стоящих спиной друг к другу.

— Мертвые святые, — ахнул полковник.

— Что? — переспросил я.

Я видел их. Я помнил их. Писал о них в книге. Видел в полубреду после аварии. Неужели те самые...

Каменев не ответил. Харон Семенович энергично закивал.

— Я видел их очень давно, — сказал он. — Еще до того, как они появились здесь. На войне.

Он прошел к картине, висевшей в дальнем углу — самой старой и выцветшей. На ней три силуэта с красными нимбами держали в руках винтовки с примкнутыми штыками, а над ними висело бетонно-серое небо с черными звездами.

Харон Семенович с трудом уселся на табурет возле мольберта, подобрав лапки, вздохнул, и морщинистое лицо его осунулось, будто он прибавил в возрасте еще лет десять.

— Как я сохранил рассудок... — заговорил он. — Не знаю. Наверное, потому что я потерял его еще на войне. Когда увидел их.

— Где вы воевали? — спросил я.

— Здесь, — сказал он. — 837-й стрелковый полк. Брал Недельное.

У меня заколотилось сердце. Недельное! 837-й стрелковый полк! Я же писал о них, об этом сражении. Моя книга! И эти тени, и эти красные нимбы...

Полковник Каменев молчал и хмурился, глядя то на меня, то на Харона Семеновича.

— Призвали меня в сорок первом, — говорил он скрипуче-протяжным голосом. — Дошел в боях до Праги, там ранило в бедро, и война для меня закончилась. А мертвые святые, да... Они были тут. Были еще до Черного Покрова. Может, и всегда были. Может, от начала времен. Я не знаю.

— Кто они? Как вы их увидели? — нетерпеливо спросил Каменев.

Харон Семенович достал из кармана пачку сигарет, чиркнул зажигалкой, закурил и стал осматривать картины на стенах.

— Русская земля тенями кормится. Вон их сколько вокруг, все — тени... Ходят-бродят, воюют, убивают. А умрет тень, упадет на землю и снова человеком становится, а все черное вниз, в почву уходит, в полость подземную, гнилью становится. И перерождается густой нефтью, земляной кровью. На том

всё и держится. А человек лежит на земле, и он не тень уже, он по-настоящему чистый, по-настоящему человек. Сколько я таких теней в землю отправил — не считал. На войне не считаешь, да...

Он выдохнул дым и прикрыл глаза.

— На войне я их тогда и увидел впервые, теней с красными нимбами. Прямо здесь. В бою за Недельное. Тогда их только я видел. Никто не видел, а я видел. А теперь вот, сами видите, да. Когда они стали тенями, их стало проще убивать. Убивать так-то легко, на фронте когда — это же враг, просто стреляешь в него, а он падает. Ты даже чаще всего не видишь, как падает и попал ли ты в него вообще. А все равно — знаешь, что враг, знаешь, что убить его надо, а как кончается бой, лежишь ночью, смотришь на небо из палатки и думаешь — вот, враги, но ведь тоже люди, божьи дети, не по своей воле же сюда пришли. А когда они стали тенями, стало проще, конечно. И фельдграу их чертов не спасает — тень в любых кустах видно, на любой траве. И нимб красный. Всегда красный. На старых иконах написано, что нимбы белые, желтые, золотые, нет, они красные, ярко-алые, дрожат на воздухе, переливаются. И ты целишься прямо чуть пониже нимба, в черное пятнышко, где голова, бац! — и все.

Он замолчал, тяжело вздохнул и затушил окурок в ржавой консервной банке.

— А потом еще ходишь среди мертвых и видишь, как тени с них сползают и в землю просачиваются, как будто черная краска слезает, и нимбы в воздухе растворяются, и вот уже лежит перед тобой человек. Человек! Уже чистый, настоящий, не враг. Это страшно и это красиво. А страшно, потому что свои-то тоже тенями становятся. Все тени. Все. И я тогда стал рисовать их. Вот, первая картина, я ее сразу после войны, в сорок пятом и написал. Такое не забыть.

— То есть... — сказал Каменев. — Вы видели их еще тогда и начали рисовать?

Харон Семенович кивнул.

— Я рисовал их всю жизнь после войны. Пытался пробиться куда-то с выставками, но в Союзе художников сказали, что это мазня. Ну, пусть мазня... А на старости лет, в восемидесятом, я решил сюда и переехать. Семьи у меня не было, терять нечего. Собрал пожитки, захватил картины и поселился тут. А потом случилось что-то странное. Эта темнота, эти чудища, армия, блокпосты. И они. Те самые мертвые святые. Я снова увидел их спустя столько лет. После первого случая темноты, да, они просто шли по дороге, я видел их из окна и не мог понять, что, почему, как, откуда... Потом хотели меня эвакуировать — я прятался от солдат в лесу. Не хотел отсюда уезжать. Я хотел разгадать. Хотел понять, что произошло. Почему они появились тут во время боя за Недельное, и тогда их видел только я, а теперь они вернулись, и их видят все?

— А капитан? — спросил я.

— Кто?

— Молодой человек с черными волосами в капитанском кителе, — уточнил Каменев.

— А-а-а... — Харон Семенович задумчиво присвистнул. — Эт-то... Вот оно что... Да... Я из-за него этой чертовщиной и заболел. Он появился тут, поздоровался вежливо, предложил сходить в Институт.

— Зачем? — спросил полковник.

— Сказал, что я особенный, раз видел эти тени еще тогда. Откуда он это знает — понятия не имею. Сказал, что с моей помощью можно будет разобраться, что здесь происходит, да еще и вылечить людей. Я согласился, мы поехали в город, добрались до Института, там мне и вкололи эту дрянь. И поместили в палату под наблюдение. Я там чуть с ума не сошел. Началось это вот... — он показал на свои паучьи лапки. — Я им говорю: ребята, ну что вы натворили, вы же говорили, что для меня это будет безопасно! А они отвечают: ничего, мол, не беспокойтесь, вы особенный, вы не потеряете рассудок. А из вашего организма мы сможем выделить антитела, которые помогут в лечении.

Там был такой неприятный тип, фамилия его, как же... Катасонов, да. Вот он обещал, обещал, а я все ждал... В общем, сбежал я от них к чертовой матери. Прямо на этих лапках. Пошли они!

Полковник вздохнул.

— То есть, — сказал он, — ваш организм чем-то отличается от организма остальных?

Харон Семенович развел руками.

— Черт его знает. Слушайте, они два месяца меня взаперти держали! Разумеется, в какой-то момент я перестал верить этому Катасонову. И Капитан этот ваш тоже пропал. Что мне оставалось делать? Ждать хрен знает чего?

— Логично, — сказал я.

— Ладно, — Харон Семенович с трудом приподнялся с табурета. — Там соседи без меня... Вы, ребята, располагайтесь в гостиной, можете телевизор с нами посмотреть, можете поесть да заночевать, а то застрянете тут.

Мы согласились. Что еще делать?

Было бы хорошо, если б рядом оказался Капитан, подумал я. Он объяснил бы всё это. Наверное. Да нет, точно бы объяснил.

Перед сном опять затошило. Пришлось съесть кусок уголька. На вкус — как дегтярное мыло.

* * *

ДНЕВНИК ЭКСПЕРИМЕНТА С ВЕЩЕСТВОМ

КАЙДАНОВСКОГО

Научный сотрудник НИИ аномальных световых явлений

Курбатов И. И.

1 августа 1983 г.

Я до сих пор не могу поверить. Вакцина не сработала. Я стану чертом или какой-нибудь рогатой свиньей из-за всей этой херни. Я СОЙДУ С УМА И ПРЕВРАЩУСЬ В ХРЕН ЗНАЕТ ЧТО. Я не хочу. Пусть они найдут новую вакцину! Я попросил испытать на

мне всё что можно, всё что есть, вдруг что-нибудь да поможет, я готов быть подопытным кроликом, лишь бы не это.

2 августа 1983 г.

Они закрыли меня в палате, приносят еду и не выпускают. Это что такое? Они даже не разговаривают со мной. Я хочу хоть что-то знать! Может, они делают новую вакцину?

Ладно, надо как-то пытаться думать по-человечески. Очень трудно. Температура в норме, самочувствие очень плохое. Буду спать.

Проснулся от воя сирен. Сильно трясет.

3 августа 1983 г.

ТВАРИ. ТВАРИ ТВАРИ ТВАРИ ТВАРИ ТВАРИ

4 августа 1983 г.

У меня задубела кожа на руках и ногах. Как будто мозолями покрылась. Больше не тошнит. Пришел санитар, вколол вещество. Уснул.

5 августа 1983 г.

Чешется голова. Опять приступает какая-то то ли опухоль, то ли черт знает что, господи, неужели это РОГА

РОГА, понимаете, РОГА

6 августа 1983 г.

У меня увеличился нос. Лучше бы не нос, ха-ха.

7 августа 1983 г.

Постараюсь быть в сознании. Мысли немного путаются уже от всего этого. Мне очень плохо, жара и тошноты нет, но болит кожа, всё тело чешется, а еще я стал хуже видеть. Боюсь смотреть в зеркало. Вижу отвратительные сны про какой-то лес, болото, и всюду ходят тени, какие-то очень страшные тени, я просыпаюсь в холодном поту.

Плохо очень. Чувствую, как мысли уходят. Как вода через дуршлаг.

8 августа 1983 г.

Меня вывели на какие-то процедуры. Сначала я думал, что они наконец придумали новую вакцину, но меня просто

усадили на стул, прикрепили датчики и стали задавать вопросы, как я себя чувствую. Неужели непонятно, как я себя чувствую?

9 августа 1983 г.

Я УБЬЮ ИХ ВСЕХ

[с 10 по 12 августа записи отсутствуют]

13 августа 1983 г.

Я чувствую, знаете, у меня и правда рога растут, а еще носом дышать тяжело шмыгаю все времена. Еще ногами трудно ходить они такие как бы деревянные, я как мишка косолапый то-паю в лесу. Еще голова чешется очень сильно и гудит все времена в висках вот так ууууу, ууууу, ууууу. Господи твою мать мне плохо очень. Ненавижу.

Ночью не спал, потом спал, потом шмыгал носом, потом жрать хотел.

14 августа 1983 г.

рога и правда рога такие растут ноги мои ноги у меня с мыслями совсем все плохо мысли мои темнота опять настала а я ее больше не боюсь темноты это моя темнота и вижу в ней хорошо никто не видит а я вижу потому что когда эта темнота настает везде ходят черные тени которые еще во сне вижу сейчас вот пишу это а тут темно хоть глаза выколи просто я стал лучше видеть хочу в туалет

[с 15 по 16 августа записи отсутствуют]

17 августа 1983 г.

я кушаю вкусно очень спасибо ребятам приносят там что-то только ложку трудно в руке держать прямо так морду опускаю и чавкаю а потом смеюсь потому что смешно очень ручку тоже держать трудно когда пишу и вижу хорошо очень еще хочу в туалет и научился рыгать смешно

все очень смешно очень долго смеюсь вы тоже посмейтесь

18 августа 1983 г.

не могу разобрать свои краакули а меня порсят продолжать писать

19 августа 1983 г.

жрать хчоу и в таулет хчу

20 августа 1983 г.

жру вкусно суки мращи

идите нх ауй

я лчшу вас

21 августа 1983 г.

жркер вчн ск мрщщ

22 августа 1983 г.

жу жу жу жу

23 августа 1983 г.

[неразборчивые каракули на весь лист, дальше записи обрываются]

ПРИЛОЖЕНИЕ

Образец № 57 ликвидирован 30.08.1983 и уничтожен в высокотемпературной печи согласно протоколу.

*Научный сотрудник
КАТАСОНОВ А. Е.*

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

*Из книги Андрея Тихонова «На Калужский большак»
23 декабря 1941 года, поселок Недельное*

Утром в Недельное вступил на подмогу 830-й стрелковый полк, увязший до того в боях за ближайшие деревни. Свежие силы прикрыли направление Чухловки, откуда, скорее всего, стали бы контратаковать немцы.

Согласно новому приказу, дивизии предстояло ожидать пополнения, заняв круговую оборону. На подступах к Калужскому большаку все еще вел долгие бои 586-й гвардейский стрелковый полк; без него любые дальнейшие действия были бы неразумны.

Удивительно, как быстро возвращался поселок к мирной жизни — если, конечно, эту жизнь можно назвать мирной. Местные прибирались во дворах, дети растаскивали на игрушки фашистские награды и бляхи от ремней, бабы пытались накормить и напоить солдат, чем могли. С самого утра затопили печи, и повалил дым из труб, такой непривычный мирный дым, без пожаров и бомбежек.

Несмотря на кажущееся спокойствие ситуации, бойцы не расслаблялись. Ясно, что наступать далее пока нельзя и немцы используют тишину для передышки; контратака была всего лишь вопросом времени. Наверное, двух, максимум трех дней. Положение дивизии, несмотря на достигнутый успех, осложня-

лось тем, что ее части вклинились глубоко в немецкий фронт и ответный удар мог последовать сразу с трех сторон.

Взвод лейтенанта Старцева попал в резерв и занял позиции в центре села, у бывшей торговой лавки через площадь от храма Покрова Пресвятой Богородицы. Ближе к храму засела рота автоматчиков.

Обустроив позиции, бойцы взвода Старцева расположились на часовой отдых. Сам Старцев убежал в штаб дивизии, сержант Громов позвал Пантелеева за дровами для костра; Игнатюк пошел по своим делам, не сказав куда.

Стоял мороз, и солнце ослепительноискрилось на свежем снегу, присыпавшем за ночь грязь от колес грузовиков.

Селиванов привалился спиной к стене лавки и принял записывать в блокнот события прошлого дня. Максимов и Денисенко дремали рядом полусидя, укутавшись в шинели. Селиванов тоже был бы не прочь вздремнуть, но после ночного кошмара с тенями гнал от себя эту мысль.

Вокруг кололи дрова, разводили костры, гремели котелками с горячей едой, чистили оружие. В конце улицы рычал мотор полуторки: ее пытались вытолкнуть из сугроба.

Селиванов замер с огрызком карандаша над листком блокнота и вдруг понял, что больше не знает, о чем писать. Мысли в голове кончились.

Тогда он перекинул листок и стал записывать слова, которые давно сидели в его голове:

Шел солдат, упал солдат
В желтую траву,
В бесконечный звездопад,
В сказку наяву...

Задумался, огляделся, закрыл блокнот. Больше ничего на ум не приходило.

Вскоре вернулся Игнатюк. В руке он нес длинную деревянную палку с прибитой к концу немецкой каской.

— Смотрите, что сварганил! — сказал Игнатюк, с гордостью показывая бойцам непонятную конструкцию.

Максимов и Денисенко недовольно разлепили сонные глаза.

— Что это ты задумал? — спросил Селиванов.

— Сам видишь, приладил фрицевскую каску к палке. Агрегат будет! Говно из ямы выгребать!

Бойцы пустились в хохот.

— На кой тебе это с собой? — спросил сонно Максимов.

— Не с собой... Я для девицы этой, Анны. В гостях у нее побывал, вот жаловалась, что сортир совсем забит.

— А ты романтик, — улыбнулся Селиванов.

— Такова, брат, суровая романтика войны, — возразил с ученым видом Игнатюк. — Ладно, пойду вручу даме агрегат.

— Вручи, вручи dame... свой агрегат, — тихо сказал Денисенко.

Все вновь рассмеялись, а затем смолкли — к взводу приближался лейтенант Старцев, хмурый и собранный.

— Здорово, бойцы, — бросил на ходу лейтенант, увидев затем палку с каской в руках Игнатюка. — Что это у тебя?

— Агрегат, товарищ лейтенант. Хозяйственный, — смущился Игнатюк.

Старцев коротко кивнул; видимо, разбираться у него не было времени.

— Командир отделения где?

— Громов за дровами ушел, — сказал Максимов.

— Через час построение, — хмуро ответил Старцев. — Так что далеко не уходите. Пойду остальным сержантам скажу.

— Что так, товарищ лейтенант? Опять наступаем? — спросил Игнатюк.

Старцев криво усмехнулся красивыми губами.

— Если бы, — сказал он. — Передовое охранение заметило разведку немцев в стороне Чухловки. Так что вы не расслабляйтесь.

Сказав это, рассеянно бросил взгляд на Игнатюка.

— Ремень-то поправь... Вояка с агрегатом.

Вдалеке, со стороны Поречья, вдруг гулко ухнул миномет.

С крыши соседней избы разлетелись перепуганные вороны.

— Нормально. Наши стреляют, — сказал Старцев.

* * *

25 сентября 1993 года

*Закрытое административно-территориальное образование
«Покров-17», Калужская область*

Ночью меня разбудил толчок в бок. Я разлепил глаза: рядом сидел Каменев.

Мы спали в зале на двух пыльных матрасах. На кровати, развесив паучьи лапки и накрыввшись лоскутным одеялом, дремал Харон Семенович.

— Что такое? — недовольно спросил я.

— Выйдем на крыльцо, — прошептал Каменев. — Покурим.

Он выглядел так, будто и не собирался ложиться спать.

— Иди в жопу. Не хочу курить. Спать хочу, — сказал я.

— Нет, мы пойдем курить, — с железом в голосе настоял Каменев.

Черт с ним. Я встал, накинул на свитер военную куртку, и мы вышли на крыльцо.

Стояла беззвездная ночь, вдалеке натужно ухала сова. От сырого холодного воздуха дрожало всё тело, хотелось еще сильнее укутаться в куртку. Я поежился, нашарил в кармане пачку, закурил. Каменев тоже.

— Ты хотел о чем-то поговорить? — сказал я.

Каменев кивнул.

— Этот старик, — ответил он. — Ты же понимаешь, что это наш шанс?

— Шанс?

— Если доставить его в Институт и заставить ученых как следует изучить его, мы можем получить вакцину. А заставить их мы сможем, не сомневайся.

Действительно, подумал я.

— А он? — я кивнул в сторону дома. — Он же не согласится.

— Попробуем уговорить. Что ему терять? А не согласится, ну... Есть методы. Ствол к виску и погнали.

— А как мы доставим его в Институт? У нас даже машины нет. Пешком? Или верхом на него сядем? Цок-цок-цок...

Каменев выдохнул дым в ночное небо, посмотрел на меня с усмешкой.

— Не ищи проблемы, Достоевский. Ищи возможности. Пока в его доме сидели гости, а ты дремал, я слушал разговоры. У соседа через два дома стоит пикап старенький, «Иж». Вроде на ходу, по крайней мере, он говорил, что ехал на нем в город. Угоним, посадим нашего деда в фургон и делов-то.

Я задумался, крепко затянулся. Сова никак не могла замолчать. Слегка горел лоб: снова температура.

— Слушай, писака, это шанс, — сказал Каменев. — Согласен, небольшой, но шанс. Выздороветь, снова жить нормальной жизнью, а может, и вообще всех вылечить. Понимаешь, что это значит? Если мы найдем лекарство, это место больше не будет таким опасным. Людей можно будет лечить. Покров-17 откроют. Мы сможем вернуться.

Сможем вернуться...

— А ты хочешь вернуться? — спросил я.

— К чему ты это?

— Я думал, тебе нравится здесь. Ты нашел свой дом.

— Если есть шанс выzdороветь и вернуться, я хочу это сделать. С тобой или без тебя.

Я покачал головой, вновь затянулся сигаретой, докурил до фильтра.

— Прямо сейчас? — спросил я.

— А когда еще? Ночь, он будет спросонья, да и машину легче будет угнать.

Я швырнул окурок в мокрую траву.

— Пошли.

В зале по-прежнему стояла тишина, и Харон Семенович мирно дремал в кровати, чуть посапывая.

Мы подошли к кровати и переглянулись, не совсем понимая, с чего начать. В кармане я держал руку с пистолетом.

Каменев откашлялся, а затем слегка толкнул спящего в бок.

— Харон Семенович! — сказал он негромко, но отчетливо.

Старик поморщился, пошевелил лапками и отвернулся к стене.

Каменев настойчиво потормошил его за плечо.

— Проснитесь, — сказал он громче.

Харон Семенович недовольно зашевелился, повернулся к нам и приоткрыл заспанные глаза.

— Ч-что... что такое? — спросил он неразборчиво.

— Вставайте, — продолжил Каменев. — Вы поедете с нами в Институт. Прямо сейчас. Это нужно, чтобы спасти жизни многих людей.

Харон Семенович удивленно раскрыл глаза, приподнялся на локте, оглядел нас с ног до головы.

— Вы чего, ребята? — хриплым голосом сказал он. — Какой Институт? Какие жизни? Смеетесь? Сколько времени?

— Половина третьего ночи, — сказал я.

— Идите спать, хорошо? Удумали невесть что... — недовольно пробурчал старик и снова положил голову на подушку.

— Вам нечего бояться в Институте, — сказал Каменев. — Я гарантирую, что вам не сделают ничего плохого.

Харон Семенович недовольно скривил лицо, раздраженно фыркнул, приподнялся на кровати, неуклюже свесил паучьи лапки и сел, недобро глядя на нас снизу вверх.

— Идите отсюда вон, — сказал он жестким голосом. — Вам ясно?

Мы с Каменевым вновь переглянулись, он вздохнул, вытащил из кармана пистолет и приставил к виску старика. Я сделал то же самое.

— Если вы попробуете позвать на помощь соседей или устроите еще какой фокус, я выстрелю, — с железом в голосе сказал Каменев.

— Или я, — добавил я.

Харон Семенович испуганно замер, глядя по сторонам одними зрачками, нижняя губа его задрожала, паучьи лапки хаотично заерзали по полу.

— Что, значит, решили за мой счет вылечиться? Думаете, поможет?

— Возможно, — сказал Каменев. — И это поможет не только нам. Это поможет всем людям здесь. Это единственный шанс спасти весь этот сраный Покров-17 и, может, открыть его границы.

Харон Семенович вдруг тихо захихикал, а потом снова поднял на нас глаза и сказал, не переставая смеяться:

— А вы уверены, что я был нужен институту для вакцины? Вы уверены, что вообще знаете, чем они там занимаются? Что они вообще ищут способ прекратить это все, а не...

— Нет, — отрезал Каменев. — Но это возможность. И мы намерены использовать ее. Вставайте.

Харон Семенович послушно встал, свешивая лапки одну за другой, натянул дырявый свитер, и мы проводили его к выходу под дулами пистолетов.

Во дворе было все так же холодно и промозгло. Харон Семенович посматривал на нас со злобой.

Мне было до отвращения стыдно.

Каменев подошел к калитке, снял крючок и выглянулся на улицу.

— Держи его на мушке, — сказал он мне. — Следи. Не спускай с него глаз. А я пойду за машиной.

Харон Семенович язвительно усмехнулся.

— Еще и машину у соседей угнать решили?

— Не угнать, а реквизировать на общественное благо, — ответил Каменев и исчез за калиткой.

Харон Семенович обреченно уселся на скамейку возле забора. Я сел на крыльцо, не спуская с него дуло пистолета.

Никогда не подумал бы, что однажды буду вот так сидеть с пистолетом, наставленным на человека. Даже если он только наполовину человек. Нет, не так — тем более если он только наполовину человек.

— Не обижайтесь, Харон Семенович, — сказал я, не зная, что в такой ситуации говорить. — Мы хотим выжить.

Старик сделано удивился, ахнул, скривил лицо в усмешке.

— Ой! Ну тогда ладно, конечно, никаких обид, что вы!

И вновь стал серьезным.

— Вам это аукнется, — продолжил он. — Обязательно аукнется. Вы даже не представляете, как скоро.

За калиткой что-то зашуршало. Видимо, Каменев уже вернулся, решил я. Но почему без машины? Не смог завести? Калитка стала медленно, со скрипом отворяться, и в этот момент Харон Семенович вдруг хищно улыбнулся, глядя на меня с вызовом и легким смешком в глазах.

Калитка открылась.

На пороге стояла черная тень с сияющим алым нимбом. Воздух вокруг ее силуэта дрожал, как мираж в середине июля.

Я замер, сидя на крыльце, и не мог перестать смотреть.

Тень стояла на месте, не двигаясь и не издавая ни единого звука. Она смотрела на меня. У нее не было лица и глаз, но она совершенно точно смотрела на меня. Я знал это.

Мое дыхание перехватило, задрожала рука с пистолетом.

Этого секундного замешательства хватило, чтобы Харон Семенович вскочил с лавки и бросился на меня.

Меня придавило к крыльцу, ногу больно прижало к ступеньке. Надо мной нависло серое месиво из тонких паучьих лап, покрытых щетиной, и жирного брюшка, и чуть выше — морщинистое лицо старика.

Одной лапой он прижал мою руку с пистолетом к крыльцу, другими крепко обхватил туловище; я не видел больше ничего,

кроме его переплетенных ножек и рыхлого брюшка. Его тело воняло мочой, пылью и старческим потом.

Старик зашипел, схватил меня за шею, придавил к крыльцу еще сильнее, ударил головой о ступеньку и принял душить.

Всё перед глазами смазалось; я пытался кричать, но получалось лишь беспомощно хрюпеть. Рука с пистолетом слабела, и я понимал, что вот-вот выроню его.

Я крепко скжал зубы, напряг мышцы в нечеловеческом усилии, воткнул ствол Макарова в брюшко и спустил курок.

Грохнул выстрел.

Я выстрелил еще.

Руки, державшие мою шею, обмякли, паучьи лапы обвисли, и огромное рыхлое тело завалилось на меня.

Все еще задыхаясь от тяжести тела и нестерпимой вони, я с трудом выбрался из-под тела и свалился с крыльца.

Со стороны улицы зарычал приближающийся мотор, взвизгнули тормоза.

Я бросил взгляд на открытую калитку. Тени с красным нимбом больше не было. На пороге стоял Каменев. Его лицоискривилось в ужасе, а затем он разразился благим матом.

— Блядь! Пиздец! Ты что натворил, мудила?

Я не мог отдышаться, говорить было трудно.

Труп Харона Семеновича лежал на ступенях крыльца, безвольно свесив паучьи лапки. По доскам стекала кровь вперемешку с серой слизью.

— Тут был мертвый святой, — сказал я. — Самый настоящий. С красным нимбом...

Каменев, не отвечая, подбежал к телу, поднял его голову.

Глаза старика помутнели, из открытого рта вывалился язык.

— Какой еще святой, откуда? — взревел Каменев. — Он мертв! Ты нахуя его пристрелил, долбоебина? Блядь, это пиздец!

Я наконец отдышался и уселся на мокрой траве, показал пальцем на калитку.

— Он появился там. Я на него смотрел, и этот старик кинулся на меня. Пытался задушить...

— Господи, — сказал Каменев. — Что делать-то теперь...

Он поднял лапку Харона Семеновича и отпустил.

— Ладно, — продолжил он. — Погрузим в кузов и отвезем в институт. Может, успеем. Ну, что расселся, давай!

Мы приподняли тело с двух сторон и потащили к выходу со двора. Нести оказалось тяжело — лапки скребли по земле, брюхо болталось из стороны в сторону.

— Давай, давай, быстрее, — приговаривал Каменев. — Сейчас соседи проснутся...

Вытащив тело наружу, мы приподняли его вверх и перевалили за борт. Труп с мягким звуком шмякнулся в кузов.

Каменев посмотрел в сторону дома, у которого раньше стоял пикап. В окнах горел свет. Кто-то выбегал с крыльца на улицу.

— Ох черт, — сказал он и запрыгнул в кабину на место водителя. — Садись, погнали!

Я сел в машину, полковник тут же дал по газам. Пикап сорвался с места, нас затрясло.

В зеркале заднего вида я увидел, что на дороге в полоске света стоит стариk, целясь в нас из ружья.

— Сейчас стрелять будет! — взревел я. — Пригнись, гони быстрее!

— Я и так гоню!

Грохнул выстрел. Нас засыпало осколками заднего стекла, машину занесло вправо, но Каменев смог вырулить.

— Давай-давай-давай! — кричал я.

Мы вырулили за поворот и погнали по пыльной дороге. Тело Харона Семеновича тряслось и качалось в кузове.

Бешено колотилось сердце, ком тошноты застрял в горле и отчего-то дергался локоть — совсем нервы ни к черту.

Я вспоминал навалившегося на меня старика с телом паука, его вонючее дыхание, его щетинистое брюшко, пистолет в моей руке, два выстрела и его предсмертный хрип.

— Я убил человека, — сказал я.

Каменев на секунду отвлекся от дороги и взглянул на меня с неодобрительным смешком.

— И не впервые в жизни, — сказал он.

Да, точно. Майор Денисов.

— Это другое, — сказал я. — Я не помню, как это произошло.

— Ха! Обманывай себя. Не помнит он... И что с того, что не помнишь?

— Да, да, ты прав.

— Не помнит... Мертвецу от этого ни жарко, ни холодно. Еще ты убил как минимум троих ширликов, а ведь они тоже когда-то были людьми. Или тоже не помнишь? Ты убийца, писатель. Смирись. Это нормально.

— Нормально? — не понял я.

— Ты ангельский нимб-то с головы сними, он тебе не идет. А когда ты на меня пистолет в институте наставил? Нет, братишка, тебя это место уже перепахало под себя. Тут приходится убивать, чтобы не убили тебя. А что делать? Ты же про войну писал, с фронтовиками общался, знаешь, как это.

— То война.

— Это другое? — передразнил полковник. — Ну да, ну да... Слушай, писатель, не пытайся быть хорошим. Нет в мире хороших людей. Будь таким, какой ты есть. Теперь ты такой.

— Какой? — угрюмо спросил я.

— Ты знаешь цену жизни. Ее нет. Такова реальность. Понимаешь? Черт, я же видел твои глаза, когда ты в меня целился. Тебе это нравилось.

Я хмуро кивнул, разглядывая в окно проносящиеся мимо черные деревья.

— Знаю, ты хочешь быть хорошим, — продолжил Каменев. — А что такое быть хорошим? Ты знаешь, сколько дерьяма делают люди исключительно ради того, чтобы казаться себе хорошими? Правдивыми, честными... Люди пытаются показать себя правильными и не понимают, что делают это только для самих себя. Чтобы спалось спокойно. Чтобы говорить себе: вот, я добрый, я хороший. Чтобы гладить себя по головке и успокаивать... Себя, заметь. На других им плевать. Они пройдут сапо-

гами по разбитым черепам и даже не увидят этого, но будут по-прежнему считать себя честными и правильными. Как эти придурки из «Прорыва», этот старик поехавший. Тупорогие ебанаты с одной извилиной между ушей! К чертям все это. Есть фантазии, а есть реальность.

— Ты же сам идеалист, — возразил я.

— Я? Идеалист? — он расхохотался, выруливая на трассу.

— Ты же государственник. Ты же за порядок. Хранитель закона.

— Причем тут идеалы? Это моя работа. То, чем я должен заниматься. В законе и порядке нет хорошего и плохого, есть реальность, с которой надо считаться, чтобы не потерять всё. Глупые вы, писатели. Все мы из одного мяса сделаны. Нечего ангелочеков из себя строить.

Я задумался.

— Но есть же в мире настоящее зло, — сказал я после паузы. — Зло, которое меняет мир к худшему само по себе. Которое убивает без разбора. С которым надо сражаться не потому, что ты весь такой добрый и правильный, а просто потому что ты живой человек. Не знаю. Фашизм. Рак. Покров-17.

Каменев хмыкнул, глядя на дорогу перед собой в свете желтых фар, и сказал:

— Это другое.

Мы ехали и молчали. Небо становилось светлее, часы показывали половину шестого утра. До города оставалось полчаса езды. Я старался не оборачиваться на мертвую тушу в кузове — именно тушей можно было называть мертвого старика с паучьим телом. Но когда я не удерживался и бросал на него взгляд, оно дрожало и покачивалось от дорожной тряски, и его побелевшее лицо с синими губами выглядело до тошноты отвратительным.

Чтобы не думать об этом, я снова вспоминал Москву, нервозную обстановку, в которой покинул город, последние новости, всю эту чертовщину. Что там происходит?

— Можно включу радио? — спросил я.

Каменев кивнул. Я повернул выключатель, зашипел приемник. Передавали песню Евгения Осина. «Вся в слезах, и в губной помаде перепачканное лицо...»

Я снова покрутил ручку. Сквозь помехи послышался хриплый голос ведущей.

— Напомним, что минувшим вечером возле станции метро «Баррикадная» произошло столкновение между бойцами ОМОН и сторонниками Верховного Совета. Протестующие заблокировали около десятка грузовиков с сотрудниками ОМОН. Сотрудникам правоохранительных органов удалось разогнать толпу. Количество пострадавших неизвестно. В десять часов вечера здание Белого дома было полностью отключено от тепла и электричества. В течение ночи активисты перекрыли бетонными плитами проезд к Белому дому со стороны гостиницы «Мир». В настоящее время обстановка относительно спокойная...

— Будет кровь, — глухо сказал Каменев. — Очень много крови.

Ясное дело, подумал я.

Выключил радио.

Вдалеке на фоне хмурых облаков с мутно просвечивающим утренним солнцем показался город.

* * *

*ИЗ ПРОТОКОЛА ОПРОСА
БОГОЕДОВА ХАРОНА СЕМЕНОВИЧА
ОТ 20.12.1989*

ВОПРОС. Харон Семенович Богоев — ваши настоящие имя, фамилия и отчество?

ОТВЕТ. Почти. Я детдомовский. В двадцатые годы, сами знаете, любили придумывать детдомовским странные фамилии. А Хароном стал, потому что записали так вместо Харитона. Я и не возражал.

ВОПРОС. Расскажите, пожалуйста, о вашем детстве.

ОТВЕТ. Да какое детство? Я даже не знаю, в каком году родился. Помню только отца, пил как черт, да и спился. Ну а я беспризорничал, по Калуге да по всей губернии шлялся. В двадцать седьмом году оказался в детдоме, мне было десять или двенадцать... Детдом — сами знаете, место хреновое. Что тут рассказывать? Не было у меня детства.

ВОПРОС. Что вы делали после детского дома?

ОТВЕТ. Мечтал стать художником. А стал маляром. Потом поступил в училище, хотел выучиться на художника-оформителя, но тут война.

ВОПРОС. Где вы воевали?

ОТВЕТ. Сами знаете. Здесь и воевал. 837-й стрелковый полк.

ВОПРОС. Вы участвовали в боях за Недельное?

ОТВЕТ. Я ведь говорил уже.

ВОПРОС. Это для протокола.

ОТВЕТ. Участвовал.

ВОПРОС. Когда вы впервые увидели мертвых святых?

ОТВЕТ. В бою возле храма. Это была зима сорок первого, мы закрепились в Недельном, а через несколько дней немцы пошли в контратаку. Накрыли нас артогнем, аж земля тряслась... Прямо по храму били, по площади, живого места не оставалось. А мы тогда в том храме и стояли — рота автоматчиков, нас в резерве оставили, да кто ж знал, что всем сразу туда придется. И там, в этом храме, на стенах были такие росписи... Вроде обычные святые, но лица темные-темные, и нимбы казались красными. И так от обстрела голова ходуном ходила, что казалось, будто они шевелятся.

ВОПРОС. Это и были те самые мертвые святые?

ОТВЕТ. Да. И нет. В какой-то момент так накрыло огнем, что мне показалось, будто это и есть немцы. Стал стрелять прямо по этим фрескам. Бойцы рядом орут — ты чего по стенам стреляешь, а у меня в голове что-то переклинило, и не могу не стрелять. Дурак, конечно, только боекомплект потратил. А потом еще взвод

наших в храм подтянулся, отступали, решили закрепиться прямо здесь. Хорошие ребята были. И вот я высовываю голову из окна и вижу — там, где должны быть немцы, эти тени с красными нимбами. Те самые. Настоящие. Бегут, стреляют, а вокруг голов сияет нестерпимо красным, глаза слепит. Аж дух перехватило. Пули над головой свистят, а я смотрю, как заколдованный, и не могу оторваться. Оборачиваюсь на своих — а они тоже...

ВОПРОС. Тоже тени?

ОТВЕТ. Все тени. И я тень.

Беседовал

младший научный сотрудник НИИ АСЯ

А. В. Пепеляев

* * *

Я не заметил, как задремал в дороге. Разлепив глаза, я увидел, что мы уже едем по пустынным улицам города, среди безликих серых панелек, заросших газонов, разбитых автобусных остановок и черных витрин. Меня опять мучило.

В тот короткий момент пробуждения, когда я уже проснулся, но еще не открыл глаза, отчетливо представилось опять, будто нет никакого Покрова-17, и я задремал в автобусе по пути в редакцию, и скоро будет Пискарев со своими заданиями, утренняя планерка, мои коллеги, стол и пишущая машинка, и будет хмуряя осенняя Москва, где всё шло своим чередом. Но эта мысль, которая раньше отдавалась тягучей тоской в груди, теперь не вызывала ровным счетом ничего.

Нет никакой утренней планерки и не было никогда.

Вот она, моя реальность. В этом хмуром небе, в разбитой дороге, в поросших высокой травой детских площадках, в заколоченных окнах и бесконечной серой пустоте Покрова-17.

В смерти.

В том, что я научился убивать.

Я взглянул на Каменева — тот сосредоточенно смотрел на дорогу, поджав губы. Казалось, ему тоже плохо. Сзади в кузове по-прежнему колыхалось и вздрагивало тело старика с паучьим брюшком. Небо совсем посветлело, из открытого окна пахло утренней свежестью.

— Извини, задремал, — сказал я, зевая и пытаясь унять тошноту.

— Ничего, — ответил полковник. — Скоро приедем, минут десять осталось.

Опять болело место укола на руке. Я взглянул на запястье. Кожа стала толстой и мозолистой, как на пятке, и еще показалось, будто укоротились пальцы.

— Как думаешь, у меня вырастут рога и копыта? — спросил я, разглядывая руку. — Или клюв, хобот, ослиные уши...

— Надеюсь, до этого не дойдет. Не думай об этом. Отвлекись на что-нибудь.

Отвлечься. Смешно, подумал я. Отвлечься...

— У меня вообще на руке какие-то чешуйки появились, — сказал Каменев. — Наверное, превращаюсь в рептилию. Может, не так уж и плохо, а? Вон, в газете «Голос Галактики» пишут, что рептилии правят миром.

Усиливалась тошнота, в животе бурлило и кипело, хотя я почти ничего не ел. Я потрогал лоб — пальцы оказались мокрыми от пота. Опять температура.

— Нам ничего не поможет, — сказал я.

Полковник молчал.

Меня опять клонило в сон, пересохли губы, и все перед глазами смазывалось в разноцветную нелепицу.

— Мне очень плохо, — сказал я.

Полковник повернулся ко мне. Его лицо оказалось мордой многоглазого чудовища без носа и ушей, с огромной слюнявой пастью и белыми клыками. Глаза его то исчезали, рассасываясь по серой пупырчатой коже, то вновь появлялись уродливыми красными отверстиями, из которых, как маленькие червячки,

выглядывали глазные яблоки. Потом я понял, что это и впрямь черви, их бледно-желтые тельца заканчивались глазными яблоками; они ползали по его лицу и переходили из одной глазницы в другую, путались, копошились, дрались, падали вниз, на его мундир, на руки, держащие руль...

— Не ссы, всё нормально будет, — сказал полковник, но его голос раздавался не здесь, а где-то со стороны, снаружи автомобиля. — Ты чего, эй?

Машина уже никуда не ехала. Мы стояли посреди пустой улицы. Я не мог оторвать взгляд от лица полковника, а сзади поднимался, шевеля лапками, мертвый Харон Семенович. Он вздрагивал, двигался, и его брюхо становилось всё больше и больше, а лапки всё длиннее и длиннее, и черви на лице полковника заполнили всю его чудовищную морду, он теперь состоял целиком из червей с глазными яблоками.

Харон Семенович, медленно поднимаясь над кузовом, напоминал пластилиновое чудовище из старых фильмов ужасов. Он заполз сверху на машину, придавил ее своей массой и запустил в салон паучьи лапки, пронзив насеквоздь меня и полковника.

Стало больно и темно.

Вдалеке завыли сирены.

Полковник хлопал меня по щекам и отчаянно матерился, но я едва слышал, что он говорит. Странно, почему он еще что-то говорит, ведь его, как меня, проткнул насеквоздь паучьими лапками восставший из мертвых Харон Семенович и нас парализовало смертельным ядом. Теперь мы не можем двигаться, видеть, слышать и говорить. Мы умираем. Мы умерли.

Я умер много лет назад. Меня убили на войне. Мертвые святые превратили меня в Черный Покров. Я и есть Покров-17. Я темнота. Я абсолютное поглощение светового потока. Я породил угольки и мерзких тварей, их поедающих.

Меня отгородили от мира колючей проволокой и армейскими блокпостами, но я вырвусь на волю. Я сильнее этого мира. Сильнее всего на свете.

Так громко ревут сирены, и так темно вокруг, но я и есть эта тьма, я и есть эти сирены, я этот город, непроглядно черное небо, отправленный слепотой воздух.

Снова они, с красными нимбами, идут ко мне. Я иду к ним. Я же знаю их. Я писал о них в книге. Я был одним из них, но стал чем-то большим, что невозможно представить.

Телекомпания «ВИД» представляет.

Прав был Пискарев, нечего тут геройствовать, надо беречь себя, но кто же знал, что в груди майора Денисова окажется нож.

Я нож в груди майора Денисова.

Я майор Денисов.

Я Харон Семенович, воткнувший паучью лапку мне в грудь.

Я полковник с червями на лице.

Я вещество Кайдановского.

Я Кайдановский.

Я пуля во лбу Кайдановского.

Я Старик.

Я «Прорыв».

Я Капитан.

Привет, Капитан, как ты там поживаешь, кто же ты такой, почему ты говорил, что находишься здесь не полностью, откуда ты вообще, что ты такое.

И вот Капитан стоит передо мной возле костра, а я сижу на пеньке в темном предутреннем лесу, вокруг туман, ухают совы, трещат поленья и летят в небо желтые искры. Ужасно болит голова, перед глазами всё плывет.

Капитан смотрит на меня.

— Очнулись наконец, — говорит он. — Я уж боялся, что ваш организм такого не вынесет. Ужасно прошу прощения за всё это, надо было как-то победить вашу болезнь. Выход был только один. Не все выживают.

Не понимаю, что происходит.

— Любое лекарство в больших дозах может стать ядом, а яд в малых порциях может оказаться лекарством, понимаете? —

продолжает Капитан. — Небольшое количество вещества Кайдановского, разведенного в отваре из грибов, дубовой коры и кое-каких травок, а на последнем этапе добавляется капля крови Харона Семеновича и еще один секретный ингредиент. Самый важный. Угадайте какой?

Почему-то я не могу говорить. Мотаю головой.

— А, да, вы не можете говорить, но это скоро пройдет. Побочный эффект. Что ж, расскажу потом. Пока что можете считать, что это секрет фирмы. Не беспокойтесь, всё узнаете. Всему свое время.

Смотрю на свою руку. Она в полном порядке — нет даже следа от укола.

Капитан улыбается белозубым ртом, его глаза светятся от радости.

— Красиво тут в лесу, правда? — говорит он. — А вы знаете, что здесь живут гигантские енотовидные обезьяны?

Опять мотаю головой.

— Огромные, десятиметровые, у них тело гигантской обезьяны типа Кинг-Конга и голова енота. Раз в год они собираются здесь на битву гигантских енотовидных обезьян. Они вырываются с корнем деревья и сражаются на них. Видели бы вы, как легко, будто перышко, они вырывают из почвы столетние дубы, тонкие пихты, стройные осины, пахучие можжевельники! Победитель становится королем енотовидных обезьян и всего леса. Он правит до следующей битвы. Он издает законы, по которым живут все обитатели леса: и шустрые зайцы, и хитрые лисицы, и даже царь зверей лев должен повиноваться им, несмотря на свою царственную природу. Единственные, кто не признает сложившийся порядок вещей — суровые одионокие волки. Поэтому они так часто воют на луну. Они просят лунных жителей прийти и победить енотовидных обезьян, свергнуть их тиранию и установить демократический режим, в котором все звери жили бы дружно и счастливо. Знаете, как выглядят жители Луны? Это летающие телевизоры, по кото-

рым постоянно показывают заставку телекомпании «ВИД». Они разговаривают друг с другом с помощью разного набора звуков из этой заставки, и поэтому их общение звучит как чудовищная какофония из труб и фанфар. И однажды они, эти летающие телевизоры с заставкой телекомпании «ВИД», вняли просьбам волков. Они прилетели сюда и объявили войну гигантским енотовидным обезьянам. Но енотовидные обезьяны убили их всех, закопали в землю, и на их могилах выросли грибы в форме той самой страшной головы, которую показывают в заставке. Эти грибы с тех пор так и называли: гриб-видовик. Гриб-видовик! Понимаете? Пойдемте же немедленно собирать, у меня есть нож и корзина, их сейчас столько выросло после дождя...

Я встаю с пенька, и мы с Капитаном идем собирать гриб-видовики. Они действительно растут прямо из земли — маленькие, серые, сморщеные, и они похожи на ту самую странную голову из телевизионной заставки. А там, где они растут, из рыхлой мшистой почвы торчат ржавые остатки разбитых телевизоров. Эхо страшной войны между лунными жителями и гигантскими енотовидными обезьянами.

Набрав целую корзину грибов, мы сидим у костра и жарим их на деревянных прутьях. В синем небе занимается рассвет. Я хочу спросить у капитана, что в итоге случилось с волками, но по-прежнему не могу говорить.

— Вы спросите, а что же волки? — говорит Капитан, прочитав мои мысли. — А волки с тех пор так и воют на Луну, веря, что лунные жители снова придут и возьмут реванш над енотовидными обезьянами. Но они не придут. Победив в войне, обезьяны запустили на Луну ракету с ядерной боеголовкой, которая хранится в самом центре Покрова-17, в том месте, которое называется Объект-1. Это самое разрушительное оружие в истории человечества. Оно попало в Луну и взорвало ее. Луны больше нет! Вместо нее теперь на небе картонный муляж, покрытый золотистой фольгой. Правительства всех стран молчат

об этом. Волки воют на картонный муляж Луны и не знают этого. Они до сих пор верят, что лунные жители вернутся. Необычайно грустная история, не правда ли?

И тут я чувствую, что наконец-то могу разговаривать.

Ура, могу разговаривать!

Открываю рот и пытаюсь что-то сказать, но слова путаются во рту, прилипают к языку, смешиваются в невнятную кашицу, получается только сдавленно стонать и хрипеть.

Капитан бьет меня по щеке. А потом еще и еще.

— На, понюхай, — говорит он и сует под нос жареный гриб-видовик.

От него пахнет нашатырем.

Я открываю глаза и вижу полковника Каменева. На его лице нет и не было никаких червей. Он держит у моего носа стеклянный пузырек.

— Наконец-то, — говорит он. — Честно, хотел уже пристрелить, чтоб не мучился.

Я непонимающе оглядываюсь. Мы в машине посреди улицы, сквозь серые облака пробивается рассвет.

— Была темнота, — сказал полковник. — А когда прошло, вижу — ты сидишь и дергаешься, как эпилептик, с пеной на губах.

— Говнище, — сказал я.

Сильно болела голова.

— Ладно, жив — и то хорошо. Давай уже довезем его.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

*Из книги Андрея Тихонова «На Калужский большак»
26 декабря 1941 года, поселок Недельное*

Рано утром 26 декабря, после трех дней бездействия, взвод Старцева вытащили из резерва и направили к остальным силам батальона, который прикрывал подходы к Недельному с севера — на передовое охранение со стороны поселка Дурной Клин. Настроение витало тревожное: чем дольше затишье, тем больше опасение, что враг вот-вот перейдет в контратаку. Вдобавок, как донесла накануне разведка, немцы уже накапливали силы на подступах.

Забрали снаряжение и котелки, взвалили на плечи вещмешки и пошли строем к остальным силам батальона, попрощавшись с автоматчиками у церкви.

На переходе отчего-то приуныл Пантелеев: не балагурил, не подкалывал бойцов, даже когда острое словечко так и просилось на язык. Молчал и Игнатюк, молчали остальные; Селиванову казалось странным такое поведение, но желанная ему тишина была редким гостем во взводе. Поэтому он тоже молчал.

Миновали подготовленный оборонительный рубеж, где уже окопали пушки и минометы, расставили пулеметные точки. Дальше — передовое охранение.

Погода стояла тихая, ясная, хрустел притоптанный снег под сапогами, каркали на крышах вороны. Наверное, эта тишина

и напрягала бойцов, усиливая чувство тревоги и неизвестности перед неизбежной контратакой немцев.

Селиванов редко начинал разговор, но сейчас ему, так любящему тишину, хотелось хоть как-то подбодрить ребят. Никакие слова не шли на ум.

— Так тихо, — сказал он первое, что пришло в голову.

— Это потому что немцев пока нет, — хмуро улыбнулся ему Пантелейев.

— Думаешь, скоро?

— Да пес их знает. Не зря же нас на передний край теперь отправляют. Наверное, скоро.

Разговор не клеился.

Дойдя до позиций возле крайней избы, увидели, что бойцы батальона уже поставили у дороги полковую пушку, завалили всё что можно мешками, оборудовали огневые точки. Вдалеке дорога уходила в лес. Оттуда можно было ждать чего угодно.

— Располагаемся, — бросил бойцам Старцев. — Тут и будем торчать.

Взвод устроился посреди развалин избы, в разбитом окне установили пулемет: через двор со снесенным забором отлично простреливалась дорога и окрестные поля.

Только расположившись на позициях, сделав всё, что должно, разведя костер и перекусив, бойцы взвода Старцева выдохнули и вернулись к прежнему расположению духа.

Вернулся сержант Громов, притаранил с собой немецкую гармонь, попросил Максимова сыграть и что-нибудь спеть. Максимов славился у взвода хорошим голосом. Тот взял гармонь нехотя, не сразу к ней приноровился, но потом под просящими взглядами бойцов уселся поудобнее, вдарили пальцами по кнопкам и затянул песню.

Запел свою любимую «Конармейскую».

По военной дороге шел в борьбе и тревоге боевой

восемнадцатый год,

Были сборы недолги, от Кубани до Волги мы коней поднимали

в поход;

Среди зноя и пыли мы с Буденным ходили на рысях на большие
дела,
По курганам горбатым, по речным перекатам наша звонкая
слава прошла...

Подтянулись к костру бойцы остальных отделений, сели
слушать, кто-то подпевал сначала нестройно и робко, а по-
том раздухарились, заулыбались и подхватили дальше гул-
ким хором:

На Дону и в Замостье тлеют белые кости, над костями шумят
ветерки,
Помнят псы-атаманы, помнят польские паны конармейские
наши клинки!
Если в край наш спокойный хлынут новые войны проливным
пулеметным дождем...

И звонко грянули последними ударными строками на всю
улицу:

По дорогам знакомым за любимым наркомом мы коней боевых
поведем!

Стало хорошо, горячо и бодро; и не было уже никакой тре-
вожной тишины, неловкости, подспудного страха, в котором
никто не хотел друг другу признаться.

— Еще давай! — подначивал Игнатюк, повеселевший, раз-
горяченный. — Славно ты поешь, друг, забери-ка с собой эту
гармонь, а? Споешь еще. И здесь споем, и в Калуге еще споем,
и в Минске, и в Киеве... В Берлине споем, да так, что черти в аду
оглохнут!..

— Можно и еще, — сказал Максимов. — Моряки тут есть?
Моряков тут нет. А и ладно, кавалеристов тоже не было!

Он явно вошел во вкус, осмотрел собравшихся у костра,
снова развернул гармонь и запел морскую песню о лейтенанте.

Лейтенант молодой и красивый край родной на заре покидал...

И вдруг, гулко свистнув в воздухе, что-то грохнуло совсем рядом, оглушило, ослепило, подняло столб снега и красной кирпичной пыли.

— Твою мать! — взревел Старцев. — К бою!

Спотыкаясь, сталкиваясь друг с другом, задыхаясь в пыли, похватали винтовки из пирамиды.

— Занять позиции! — заорал Громов.

Всё пришло в движение: бойцы, пригнувшись, застегивали на подбородках каски, заряжали винтовки, занимали укрытия.

Первый снаряд никого не убил, но оглушило бойца из третьего батальона: тот сидел, привалившись к кирпичной стене, и держался за каску. Его привели в чувства, похлопали по щекам, указали на позицию.

Снова ударило — совсем рядом, очень громко, и у Селиванова заложило уши.

Он залег в снегу за кирпичными развалинами, выставил винтовку, присмотрелся к дороге. Он не сразу смог сфокусировать взгляд, а потом увидел, как со стороны леса ползет, ломая деревья, тяжелая черная лавина.

Из леса выезжали танки.

* * *

25 сентября 1993 года

*Закрытое административно-территориальное образование
«Покров-17», Калужская область*

— Я не знаю, что с ним делать.

Катасонов в растерянности стоял перед телом Харона Семеновича, лежащим на металлической кушетке. В морге веяло холодом. Рядом стоял Доценко, старательно отводя взгляд от трупа.

— А вы узнайте, — сухо ответил полковник. — Вы держали его тут взаперти несколько месяцев, когда он еще был жив, но ничего не сделали. Почему?

— Искали, что в нем не так, — ответил вместо Катасонова Доценко. — Искали, да и не нашли ничего. Ничего в его крови не было особенного, понимаете? Вообще ничего. Кровь как кровь, самая обыкновенная. Вы что думаете, нам тут делать совсем нечего? Мы ее и больным вливали, и что угодно пытались, ничего не получилось.

— У вас был человек, не поддавшийся болезни! — повысил голос полковник. — Так вот, друзья мои хорошие, либо вы за две недели досконально изучаете его тело и находите способ, либо я разгоню остатки вашего института ко всем чертям. Будете на помойках бомжевать, как те, что разбежались.

— У нас осталось мало людей, — тихо сказал Катасонов.

— А мне насрать. Делайте всё, что можете.

Катасонов взглянул на руку полковника, потом прямо в его глаза и сказал еще тише обычного:

— Я правильно понимаю, что вы тоже...

Полковник резко перебил его.

— Если об этом кто-то узнает, я пристрелю вас.

Катасонов послушно кивнул.

Я не знал, что сказать им, да и нечего было говорить. Я старался не смотреть на тело: от его вида тошнило еще сильнее, чем обычно.

— Вы хорошо поняли меня? — спросил полковник.

— Я понял, что нам нужно сделать невозможное, — угрюмо ответил Катасонов.

— Вот и сделайте.

Затем он повернулся ко мне и кивком показал на выход.

— Пойдем, — сказал он мне. — В отделение поедем.

— Зачем? — спросил я.

Полковник снова посмотрел на Катасонова и Доценко, затем на тело старика с паучими лапками, потом зачем-то на белый потолок морга, а потом снова на меня и коротко ответил:

— Бухать.

ПРОПОВЕДЬ СТАРИКА

(расшифровка радиоэфира от 25.09.1993)

Привет, печальные жители Покрова-17. Я Стариk, и это моя проповедь для вас.

Скоро что-то произойдет.

Не знаю что. Но знаю, что это закончит историю Покрова-17.

Я чувствую это. Я всегда чувствую такие вещи.

Я не пытаюсь запугать вас или произвести впечатление дешевыми пророческими понтами. Я не Нострадамус и не Кашпировский. Я не умею заряжать воду через телевизор — представьте себе, до сорока лет дожил, а так и не научился.

Но я чувствую, что история Покрова-17 скоро закончится.

Как именно кончится это? Хорошо или плохо для нас?

Вырвемся ли мы на свободу? Или, может, на нас сбросят ядерную бомбу, чтобы не мучились?

Я не знаю.

Всё зыбко, тяжело и непонятно. Сумасшедшее, злое, святое наше время! Никуда мы от него не денемся: надо быть такими же, как и оно, сумасшедшими, злыми, святыми. Вот он, наш выход, наш прорыв: встать рядом со временем, поднять голову, выпрямить спину, шагнуть в наше дерзкое будущее тяжелым отчаянным строем!

Вы — такие. Вы сможете. Вы сильнее, чем думаете о себе.

Приходите на железнодорожную станцию. Еды и оружия по-прежнему хватит на всех.

Пока не случилось ужасное и непоправимое, мы должны совершить прорыв.

Это был я, Стариk.

25 сентября 1993 года

*Закрытое административно-территориальное образование
«Покров-17», Калужская область*

И вот я опять в этом темном кабинете с заколоченными окнами, тускло освещенном лампочкой без плафона, и снова за спиной полковника висит на стене портрет Дзержинского, а рядом — глянцевый календарь за 1990 год с рыжеволосой голой женщиной, криво прикрепленный канцелярскими кнопками.

Я сидел за столом на том же самом стуле. Только меня больше не хотели пристрелить и не душили пакетом.

Полковник достал из стола два шприца уголька. Сделали себе инъекции. Стало чуть получше.

— Я вообще редко пью, — сказал я, опасливо оглядываясь.

Всё же это место по-прежнему пугало. Впрочем, видимо, из-за воспоминаний. Здесь я набрался не самых приятных впечатлений.

— Молодец, — сказал полковник, копаясь под столом. — Пьянство — зло. Но и мы тут не особо добрые.

Он выставил на стол поллитровую бутылку водки. За ней — еще одну. А потом еще. Поставил три граненых стакана, дыхнул в стекло, протер пальцем.

— Откуда у вас тут водка? — поинтересовался я.

— Солдаты на кордоне таки знают толк в коммерции, — ухмыльнулся полковник. — Мы делимся с ними провизией, которую привозят с Большой земли, они нам водку достают. Что ж, не люди, что ли?

— А почему стакана три?

— А сейчас третий придет. Закуску принесет.

И сразу раздался стук в дверь.

— Заходи, можно не стучать, — лениво пробормотал Каменев, открывая первую бутылку.

В кабинет зашел высокий парень в сером пятнистом камуфляже, он был без маски — светловолосый, остроносый, с квадратными скулами. В руках он нес трехлитровую банку с солеными огурцами.

— Как просили, товарищ полковник, — сказал он и поставил банку на стол.

Я узнал его голос.

И содрогнулся от воспоминаний.

— Это ты душил меня пакетом, — сказал я.

Парень пожал плечами, подвинул стул, уселся рядом со мной.

— Служба.

Заметив, как я смотрю на него, он широко улыбнулся и добавил:

— Извини уж.

— Да... — пробормотал полковник, задумавшись о своем. — Приходится делать херовые вещи, да, Серег?

Серега, точно, он звал его именно так. Помню. Как тут забыть.

Серега коротко кивнул и снова пожал плечами, глядя на меня.

Полковник без лишних слов налил каждому по полному стакану и сразу схватил свой.

— За свет, — угрюмо сказал он.

— За свет, — сказал Серега.

— За свет, — повторил я.

И выпили.

Водка обожгла язык и провалилась горьким льдом в нутро. Я сморщился, нашарил в банке огурец и закусил.

— Как-то задержали мародера, — сказал Серега, вытирая губы после водки. — Хлипкий мужичонка, лет сорок. Повели в отделение, идти было десять минут. Ведем его, а потом бац —

и сирены визжат. Пришлось остановиться, переждать темноту. А когда всё закончилось, смотрим — его нет нигде. Сбежал, падла! И главное — как? Не видно же ни хрена. Стали искать, как сквозь землю ушел, нигде нету. Ладно, черт бы с ним. Нашли на следующее утро. Он, оказывается, повесился прямо во дворе отделения. На дереве. Прикинь? Сбежал от нас, чтобы повеситься у нас под носом!

— А когда сняли с веревки, у него на руке здоровенный укус был, — продолжил полковник. — Старый уже, дня три, наверное, кровь засохла, волдыри по коже пошли. Ширлики покусали. Вот и решил, что лучше сдохнуть.

— В чем-то понимаю его, — угрюмо ответил я, глядя в стакан, где еще оставалась водка.

— Ну, давайте еще, — сказал полковник и поднял стакан.
Выпили.

— Слушай, — сказал я полковнику, осмелев. — А что там со второй частью уговора?

— Уговора? — переспросил тот.

— Ты хотел, чтобы я помог тебе найти Капитана. Как мы это сделаем?

— А...

Каменев махнул рукой, поморщился и долил всем водки.

— Честно? — продолжил он. — Насрать уже. Лишь бы эти в Институте со всем разобрались. Потому что если не получится, то к чертям собачьим всё это. Я бы сбросил на весь этот город здоровенную атомную бомбу, и пусть всё горит.

Он снова поднял стакан.

— Давайте за тех, кого с нами нет.

Серега коротко кивнул.

— За Зверобоя, за Лёху, за Никиту, за Антонова... Ну и за Игоря.

При упоминании Игоря оба покосились на меня.

— Это майор Денисов, — сухо сказал полковник. — Ладно, с богом.

Я выпил за человека, которого убил. Вкус водки не чувствовался.

Спирт ударили в голову, смягчил тяжелые мысли, развязал язык.

— Мне очень жаль, — сказал я. — Я не хотел убивать его. Вы же сами знаете, это был не совсем я. Его убили моими руками.

— Да насрать уже, — ответил мрачно Каменев. — Выпьем еще.

Выпили еще.

— Слушай, Серег, а сыграй нам, — сказал Каменев, опустившись стакан.

— Говно вопрос, — улыбнулся Серега. — Гитара-то здесь?

— Обижаешь.

Каменев встал из-за стола, пьяно пошатнулся, усмехнулся, подошел к шкафу и вытащил из него гитару. Вручил Сереге.

— Настроить только надо... — пробормотал он.

Серега начал крутить колки, дергая струны и вслушиваясь в звуки.

— А что сыграть-то? — спросил он, настроив гитару.

— Что-нибудь... Не знаю. Военное.

Каменев, видно, уже захмелел. В моей голове тоже стало туманно и весело.

— Венский вальс! — крикнул вдруг Серега и ударил по струнам.

И заиграл старую советскую песню. Одну из моих любимых. Про весну сорок пятого года. Про синий Дунай. Про русского солдата, играющего вальс на площади Вены спасенной.

— Весна сорок пятого года, как ждал тебя синий Дунай... — запел Серега под вальсовый перебор гитары.

Люблю эту песню.

— Народам Европы свободу принес жаркий солнечный май!.. — продолжал Серега.

Вдруг полковник Каменев вскочил из-за стола, двумя неловкими шагами обошел его, схватил меня за руку и поднял со

стула. Я пошатнулся, но устоял. Полковник лихо ухватил меня под левое плечо, а правую руку крепко сжал в кисти.

— Умеешь? — проговорил он хмельным голосом.

От него пахло спиртом.

— Что? — не понял я.

— Танцевать, писатель. Вальс.

— А... немного.

Вообще, я не умел танцевать. У меня получалось только спящую. Впрочем... Ах да.

— На площади Вены спасенной собрался народ стар и млад... — пел Серега.

И полковник затащил меня в вальс, увлек в танце, закружился со мной по кабинету.

Я споткнулся, потом выровнял шаг и вошел в ритм.

Неожиданно.

Сначала мы медленно и четко шли в квадрате, стараясь словить ритм Серегиной гитары, а потом начался припев.

— По-о-омнит Вена, помнят Альпы и Дуна-а-ай!

И мы закружились в вихре вальса — резко, быстро, пьяно, неловко, наступая друг другу на ноги и заваливаясь набок.

Охренеть. Дожили. Танцую с мужиком.

Впрочем, полковник действительно неплохо танцевал.

— Вихри венцев в русском вальсе сквозь года... — пел Серега.

— Помнит сердце, не забудет никогда! — прокричали мы хором, кружась в вальсе по кабинету.

И мы танцевали в пьяном угаре, забыв обо всем, что происходит вокруг, и не было черноты, не было ширликов, не было старика с паучими лапками, и этих мертвых святых, и Стари-ка, и «Прорыва», и всего этого мрачного деръма — был только вальс и какое-то непонятное, новое для меня безумие в этом затхлом кабинете. А парень с улыбкой счастливой гармонь свою к сердцу прижал, как будто он волжские видел разливы, как будто Россию обнял.

— По-о-мнит Вена, помнят Альпы и Дуна-а-ай!

Мы наткнулись на стол, запнулись о ноги друг друга и свалились, сметя со стола папку с бумагами. Кое-как поднялись, отряхнулись.

Дышать после этого вальса оказалось трудно. Не подростки уже.

Полковник рухнул без сил на стул, сразу налил еще водки всем троим.

Серега, увидев наше моральное падение, перестал играть и схватил стакан.

— Фуф... — полковник пытался отдохнуться, но не мог. — Хорошо танцуешь.

— Ага, — ответил я.

Так, стоп, это я только что танцевал вальс с мужиком? Ладно. Хорошо. Постараюсь не вспоминать об этом.

— Хороший ты мужик, писатель, — сказал Каменев, хватаясь за стакан.

— И ты хороший, — сказал я, делая то же самое.

Снова выпили.

— Ты не думай, я не это... — продолжил он, не зная, что сказать дальше.

— И не думаю, — ответил я.

— Хорошую ты песню спел, Серега, — сказал Каменев. — Слушай, писатель, а вот книга твоя...

Он замолчал и пьяно задумался, глядя в пустой стакан.

Я взял бутылку и разлил всем водку.

— Да, — сказал полковник, будто очнувшись. — Я не буду спрашивать, откуда ты знаешь про мертвых святых.

Я не знал, что ответить.

Мертвые святые во сне красноармейца Селиванова. Откуда это в моей книге?

Я попытался вспомнить, когда и в каких обстоятельствах написал этот фрагмент, но голова не соображала.

— Не знаю, — сказал я.

Полковник без тоста опрокинул стакан. Мы с Серегой последовали его примеру.

Туман в голове, господи, какой сладкий пьяный туман, как же этого здесь не хватало.

— Но хрена с ними, — продолжил полковник. — А вот твой Селиванов. Он выживет? Я просто книгу не дочитал.

Красноармеец Селиванов.

Помню, как придумывал его. Этого юношу из интеллигентной ленинградской семьи, попавшего на войну. У него дома, в голодном осажденном городе, добрые родители и пес Альберт. И он пишет стихи в блокноте, стесняясь показывать их однополчанам. Молчит. Мало шутит. Не то что балагур Игнатюк и его друг Пантелеев...

— Извини, — сказал я. — Он погибнет в бою за Недельное. Его отделение спрячется от обстрела в разрушенном храме, и их расстреляет штурмовой отряд немцев. Погибнут все.

— Ну вот что ж так, — грустно сказал полковник. — Мне нравится твой Селиванов. Что-то в нем... живое. Хотя и понятно, что не было его никогда.

Полковник загрустил, непослушной рукой взял бутылку — водка в ней кончилась.

— Твою мать, — сказал он и открыл вторую.

Разлил по стаканам.

— А может, перепишешь книгу? — сказал он. — Пусть Селиванов твой выживет? А?

Я не понимал. Впрочем, мне вообще трудно было что-то понимать. Пьяная голова, пьяная, мать ее, голова.

— Не понял. Переписать? Но ведь книга уже вышла давно.

— Не знаю! — отрезал полковник. — Второе издание, или как у вас там? Пусть выживет. А? Пусть! Ты же писатель, ты творец, ты можешь! Пусть он еще и Берлин возьмет!.. Пусть на гармони играет у развалин Рейхстага! Пусть едет домой из Берлина, пусть к семье вернется, к своему псу Альберту, пусть живет еще свою долгую счастливую жизнь! Пусть будет живой.

Пожалуйста. А?.. Пусть переживет всё вот это. Срань всю эту нашу безбожную, этот наш стыд и срам, всё это жалкое бессознательное время. Стыдно, твою же мать, как же стыдно. Как представляю, что они смотрят нам в глаза...

И снова выпил.

Я взглянул на Серегу — он был пьянее всех, глаза его помутнели, он раскачивался на стуле и смотрел на нас отупевшим взглядом с ангельской улыбкой. Кажется, он уже не здесь.

Полуголая женщина с календаря на стене смотрела на нас и призывающе улыбалась белыми зубами.

— Блин, бардак устроили... — сказал полковник и нагнулся за листами бумаги, которые мы опрокинули на пол в танце.

Поднял несколько листов, стал рассматривать их помутневшими глазами.

Вдруг, глядя на один из листов, замер и широко раскрыл глаза. Стал беззвучно шептать что-то губами, быстро пробегая зрачками по тексту.

— Что-то не так? — спросил я.

Полковник не ответил. Он читал документ.

— Быть не может, — сказал он ошелевшим голосом.

А потом взглянул на меня.

Мы смотрели друг другу в глаза и молчали.

— Да что такое? — нетерпеливо спросил я.

Даже Серега, кажется, очнулся и наблюдал за полковником непонимающим взглядом.

Каменев снова перечитал документ. Он читал его снова и снова, не веря в то, что видит.

Схватился рукой за щеку, замотал головой, будто пытался прогнать дикое наваждение.

— Быть не может, — повторил он.

И снова посмотрел на меня.

А потом медленно заговорил:

— Когда ты убил майора Денисова, на месте был составлен протокол осмотра. Это такая бумага для следствия. Где, когда

обнаружено тело, как оно лежит, что рядом, какие найдены улики, что изъято.

— И? — спросил я.

Полковник раскрыл папку на столе, стал копаться в бумагах, извлеч оттуда лист и отдал его мне.

— Вот. Читай. Это копия протокола осмотра, которую отдали мне и которую я пришил к делу.

Я начал читать.

Труп старшего оперуполномоченного ОВД № 143 Восьмого ГУ МВД Денисова Игоря Валентиновича. Тело лежит лицом вверх. Голова расположена на юго-восток, левая рука направлена на восток, правая рука согнута под телом, левая и правая ноги направлены в сторону северо-запада, правая нога полу-согнута в колене.

Ладно, хорошо. Это я его так выкинул из машины.

Финский нож в груди до упора. Следов борьбы не обнаружено. Сняты отпечатки пальцев. Всё как полагается.

На обочине следы транспортного средства, переходящие на асфальтированную дорогу. Анализ ширины колеи и беговой дорожки. Легковой автомобиль ВАЗ-2106 «Жигули». Ну да, моя машина.

А дальше целый абзац вымаран черной ручкой.

Я поднял взгляд на полковника. Тот смотрел на меня хмуро и пристально, будто вмиг отрезвел.

Дальше в документе — изъятые улики, время, дата, подписи...

— Видишь, что закрашено черной ручкой? — спросил полковник.

Я кивнул.

— А теперь смотри, — сказал он и протянул мне листок, который нашел на полу. — То была копия. А вот оригинал. Только сейчас увидел его.

Я взял листок и увидел, что здесь фрагмент текста уже не закрашен черным.

«Анализ рисунка протектора на асфальте показал, что автомобиль ВАЗ-2106 «Жигули» до совершения преступления направлялся от Покрова-17 в сторону блокпоста № 3. Далее обнаружены следы резкого разворота обратно».

Я ничего не понял.

Перечитал еще раз.

От Покрова-17 в сторону блокпоста № 3.

Полковник глядел на меня хмуро и сосредоточенно, будто заново узнавая мое лицо, а потом забрал листок, пробежался по нему взглядом еще раз и сказал:

— Ты не ехал в Покров-17. Ты ехал из Покрова-17.

* * *

Газета «Голос Галактики», № 10, 1993 г.

**ТАЙНА ПОКРОВА-17: НОВЫЙ ЧЕРНОБЫЛЬ ИЛИ
ПСИХОТРОННЫЙ ГУЛАГ ДЛЯ ПРИШЕЛЬЦЕВ?**

О существовании закрытого города Покров-17 стало известно год назад из письма анонимного читателя в «Комсомольскую правду»; многие отнеслись к этому сообщению как к бреду сумасшедшего, однако затем многочисленные свидетельства и рассказы анонимов стали появляться всё чаще.

Мы тоже неоднократно публиковали новые слухи о загадочном городе (см. №№ 2, 7, 9). Теперь же мы решили собрать всю информацию о Покрове-17, доступную на данный момент, а также привести интереснейшее письмо читателя, которое, может быть, позволит приподнять занавес тайны.

В настоящее время доподлинно известно только одно: в Калужской области на месте города Недельное, который не появлялся на картах и автомобильных атласах СССР с 1981 года, существует закрытое территориальное образование, известное под названием Покров-17. Въезд строго воспрещен: на дорогах стоят армейские блокпосты, вся территория оцеплена стена-

ми с колючей проволокой и вышками. Внутрь регулярно проезжают колонны армейских грузовиков, спустя пару дней они выезжают обратно.

Один из журналистов «Голоса Галактики» в июле этого года попытался проникнуть внутрь. Однако единственное, что он смог увидеть — армейский блокпост, на котором его задержали солдаты, проводив затем в ближайшее отделение милиции и составив протокол об административном правонарушении.

«Нечего тебе тут делать», — говорили ему солдаты. Отвечать на вопросы они отказывались.

Удивительно! В стране давно объявлена гласность, широко освещаются кровавые преступления коммунистической власти, раскрываются ужасные архивы КГБ, но о Покрове-17 до сих пор не известно ровным счетом ничего. Не значит ли это, что правда об этом таинственном городе еще более чудовищна, чем может показаться?

Что происходит внутри? Откуда такой режим секретности?

Главный редактор «Голоса Галактики» Юрий Куропаткин попытался найти ответы на эти вопросы.

Одна из ключевых загадок — что же случилось с городом Недельное в 1981 году? Тут есть множество версий. Одна из них предполагает, что в городе случилась некая катастрофа, из-за которой местных жителей пришлось эвакуировать, а саму территорию — закрыть для въезда. Это могло быть нечто вроде чернобыльской аварии. Или же испытание ядерного оружия. Но, согласно замерам, уровень радиации вблизи закрытой зоны соответствует нормам.

Значит, перед нами нечто совершенно иное.

Могло ли случиться так, что в 1981 году над городом Недельное потерпело крушение НЛО? Все мы помним Розуэлльский инцидент в 1947 году, когда американские военные захватили летающую тарелку: эта загадка до сих пор будоражит умы уфологов по всему миру. Почему бы не случиться такому и в Калужской области?

Зачем еще нужен настолько строгий режим секретности? Что скрывает от нас власть? И не держат ли в Покрове-17 захваченных пришельцев в плену, проводя над ними опыты? Это вполне в духе советской власти: построить ГУЛАГ даже для потерпевших крушение инопланетян.

Но если так, то для чего это им нужно? Уж не ведутся ли там разработки психотронного оружия на основе инопланетных технологий? Не связано ли это с всплеском психических заболеваний в последние годы?

Мы призываем власти раскрыть архивы о Покрове-17 и рассказать народу всю правду. Люди имеют право знать, что происходит в этой закрытой зоне.

И в качестве постскриптума приводим без купюр письмо нашего читателя, которое косвенно подтверждает догадки о том, что в Покрове-17 происходит нечто странное и, возможно, ужасное с точки зрения общечеловеческой морали.

«Дорогая редакция „Голоса Галактики“! С огромным удовольствием читаю каждый ваш новый выпуск и уверен, что ваша газета — пример качественной, ответственной, смелой журналистики, так необходимой в наше непростое время. И впрямь, кто еще расскажет простому русскому человеку правду о чудовищных тайнах, которые все это время скрывали от нас власти?»

Надо сказать, что меня весьма заинтересовали ваши заметки о закрытом городе Покров-17. По долгу службы я имею некое отношение к этому городу. Не имея полномочий разглашать секретную информацию, могу лишь подтвердить: да, здесь действительно происходит нечто невероятное! Даже скажу так: здесь происходит нечто нереальное; то, чего совершенно никаким образом не может быть.

Мы можем с полным правом говорить о двух параллельно существующих реальностях: о России 1992 года и о Покрове-17. Безусловно, две эти реальности связаны друг с другом, они расположены в одной плоскости, в одном пространстве, в одном време-

мени. Но то, что породило Покров-17, никак не соответствует вашим представлениям о реальном. То, что произошло здесь — не только за пределами человеческого понимания, но и за пределами нашего знания о жизни и смерти.

Скажите, вы когда-нибудь умирали? Знаете ли вы, что такое умирать? Что есть смерть? Это конец реальности. А может ли случиться так, что конец одной реальности порождает другую? Быть может, многочисленные реальности порождают друг друга в бесконечном цикле смертей?

Столько вопросов, дорогие друзья, столько вопросов! А ответы... Так ли они вам нужны?

Быть может, ответ на этот вопрос по-настоящему нужен только одному человеку.

Реален ли он?

Реальны ли вы?

Вот какие вопросы нужно задавать. Понимаете?»

Это письмо мы обнаружили в редакционном почтовом ящике, уже почти сверстив новый номер газеты. Автор послания подписался довольно просто: «Капитан». Служит ли он в армии, милиции или спецслужбах, остается для нас загадкой.

*Главный редактор
газеты «Голос Галактики»
Юрий Куропаткин*

* * *

— Может, он просто проехал тут пару километров и развернулся обратно к блокпосту? — предположил Серега.

— Ты фотографии в деле видел? — оборвал его Каменев. — Следы на асфальте только одни.

В голове шумело, сердце колотилось, я совершенно ничего не понимал.

— Как я мог ехать оттуда, если я ехал туда? — вскрикнул я, хлопнув ладонью по столу.

Хмель мгновенно улетучился из головы.

— Не знаю, — сказал Каменев.

— Может, вы что-то скрыли от меня? — спросил я.

Каменев с недоверчивым выражением лица поджал нижнюю губу, угрюмо хмыкнул и сказал:

— А может, это ты всё это время врал?

Во мне моментально вскипела злость.

— Как я могу врать, если ничего не помню? — вскрикнул я. — Ни-че-го! Вообще! Откуда я ехал? Куда? Что вообще происходило? Черт...

Нашарил в кармане пачку, вытащил сигарету и только теперь понял, как сильно дрожат пальцы.

— Ладно, — добавил я. — Думаешь, я вру? Давай, выясни правду! Где пакет? Твой любимый метод, ну, давай, прикажи ему!

Я кивнул на Серегу. Тот беспомощно развел руками, глядя на Каменева.

Полковник молча покачал головой. Потом тоже достал сигарету, закурил, выпустил клуб дыма.

— Не нервничай так, — сказал он. — Рога кривые вырастут.

— О своих подумай, — ответил я.

Полковник задумчиво хмыкнул, кивнул.

— Справедливо, — и затянулся сигаретой.

Серега провел рукой по лицу и попытался сосредоточиться, но в итоге его взгляд остановился на бутылке водки. Полковник, увидев это, снова разлил всем по стакану.

— Вообще не понимаю, — сказал Серега, взявшись за стакан. — Если ты ехал из Покрова-17, то твою машину должен был остановить патруль. Мы всегда останавливаем, ну... всех подозрительных. А тут мало у кого есть машины, тем более в таком новом состоянии. Тут бензин-то на вес золота.

— Да, — согласился Каменев. — Незамеченным ты бы тут точно не оказался. Если бы...

Он задумался и немедленно выпил.

Крякнул, жадно закусил огурцом.

— Если бы ты не проехал во время темноты, — продолжил он, жуя огурец. — Но это невозможно. Когда наступает темнота, тут даже идти трудно, а уж машиной управлять...

— А ведь тогда утром была долгая темнота, — сказал Серега. — Как раз на полтора часа.

— А есть какой-то способ видеть в этой темноте? — предположил я. — Может, институтские что-то знают, но не говорят?

Полковник подвинул мне стакан с водкой.

— Ты пей, пей. Вот черт его знает. Мы испытывали тут приборы ночного видения, как их там, «Квакер», кажется. Не берет. Но в Институте могли что-то придумать. Могли. Запросто, да.

Я опустошил стакан, но водка больше не шла. Поморщился, откусил кусок огурца.

— Они же как-то делают вылазки под купол Объекта, — сказал Серега. — А там наверняка всегда полная темнота.

— Откуда ты знаешь? — спросил полковник.

Серега смутился и понял, что сморозил глупость.

— Просто подумал. Темнота же оттуда идет. Значит, там должно быть всё время темно.

Полковник засучил рукав, почесал руку. Она выглядела ужасно: гнойнички, волдыри, мелкие белые чешуйки. Совсем как у меня.

Серега отвел взгляд.

На свою руку я не хотел смотреть. Наверное, она выглядит еще хуже.

— Сраный Институт, — сказал полковник сквозь зубы. — Сраный Катасонов. Он точно что-то скрывает. Он всегда был мерзким, а после смерти Юферса как будто власть почуял. Правильно майор Денисов ему не доверял.

— Поэтому вы их захватили? — спросил я.

— В том числе. Эту хитрую жопу давно пора было прищучить. Я не верю ни одному его слову. Прикидывается вежливым

интеллигентом, мать его, а сам — гниль, мразь предательская. Ему не здесь место, а там, в Москве, среди этих, которые строят новую Россию для себя. Ничего, ничего. Теперь вся эта шваль будет сидеть под шконкой и не рыпаться. Будут искать лекарство. А не найдут — сдохнут. И мы все сдохнем. И ядерную бомбу, нахуй, на весь этот город.

Полковник злобно сжал в руке стакан и резким движением опрокинул водку в себя. Закусывать не стал.

Потом взглянул на меня помутневшими глазами.

— Ты же понимаешь, что я тут теперь хозяин всего? Это мой город. Захочу — уничтожу в пыль и прах. Захочу — спасу. А что сдохну, так и пускай.

Я отставил стакан в сторону. Опять начало тошнить.

— Пал Вавилон великий с его бесконечным днем, — зачем-то проговорил я, глядя в стол перед собой.

— Что?

— Ничего. Вспомнилось. Так говорил тот парень, Капитан.

Мне захотелось в туалет. Извинился, встал из-за стола, пошел к коридору и почувствовал, что водка всё же дала в голову сильнее, чем казалось. Слегка пошатнулся, оперся о стеночку, вышел в коридор.

В плохо освещенном туалете воняло мочой. Я едва не поскользнулся на скользком кафеле. Из крана в раковине размerrенно капала вода.

Сделав всё, что нужно, я подошел к раковине, над которой висело треснутое зеркало с жирными разводами, выкрутил кран на полную — воды не было, только капли. Наверное, это ручка для горячей воды, да, откуда же ей тут быть. Повернул другую. Полилась узкая ржавая струйка, пахнущая отчего-то рыбой.

Кое-как умыл руки, набрал в ладони воды и опустил лицо.

Вода, пусть даже такая, хоть как-то освежала. Было бы лукавством сказать, что это приводило мысли в порядок, но, кажется, стало чуть получше.

Я поднял голову и увидел, что зеркало стало абсолютно черным.

Будто покрыто копотью.

Почему так? Только что я видел в нем свое отражение.

Я натянул рукав свитера на кулак, провел им по черной поверхности. Часть сажи со скрипом оттерлась, появилась гладкая зеркальная полоска.

Я стал тереть дальше круговыми движениями, еще несколько раз провел рукавом по зеркалу, почти очистив его.

И увидел, что за моей спиной стоит человек.

Солдат в грязной шинели с полевыми петлицами. С винтовкой за спиной.

В пыльной каске, с черным от копоти лицом и приоткрытым в ужасе ртом.

Он смотрел через отражение в зеркале прямо на меня, нет — в меня, и даже сквозь меня, и сквозь зеркало, и сквозь самого себя. Взгляд его синих глаз, пустой и страшный, пробрал до самого позвоночника.

Я обернулся.

Сзади никого не было.

Снова повернулся к зеркалу.

Вместо солдата на его месте стоял ребенок.

Лет пяти, белобрысый, в заляпанной красной футболке с Дональдом Даком и помятых детских шортах. С большими синими глазами.

Я отшатнулся от зеркала и вновь обернулся: но ребенок не исчезал, как тот солдат, он точно так же стоял на месте, сунув руки в карманы и с интересом глядя на меня.

Что за?..

Откуда он?

— Ты кто? — спросил я.

Ребенок сделал расстроенное лицо и ответил тихим, тонким голосом:

— Тебе опять плохо, да?

— Мне? В смысле...

— Тебя бабушка звала на кухню телевизор смотреть, — сказал ребенок. — Там Ельцина опять показывают.

— Какая бабушка... — пробормотал я.

Присел перед ним на корточки, стал вглядываться в его лицо. Маленькое, круглое, с обеспокоенными глазами, будто он чего-то боялся — но чего? Меня?

— Тебя как зовут? — спросил я.

Ребенок вздохнул и терпеливо ответил:

— Саша.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Из книги Андрея Тихонова «На Калужский большак»

26 декабря 1941 года, поселок Недельное

Танки!

Они надвигались неумолимой серой массой, взрывая гусеницами снег; с ними шли немцы в длинных шинелях, вскинув наизготовку автоматы и ружья.

— Их там дохрена! — крикнул кто-то.

— Не ссать! — раздался позади голос лейтенанта Старцева. — Всем занять позиции!

Селиванов обернулся вправо: на дороге артиллеристы готовили к бою полковую пушку.

Рядом с ним в снег залег боец с противотанковым ружьем.

— Щас мы им... — сказал солдат то ли Селиванову, то ли самому себе.

— Не стрелять! — крикнул кто-то сзади. — Ближе пусть подойдут!

Мы же не сможем, думал Селиванов, мы же не удержим, ведь их там тьма, целая тьма...

«А ну брось эти мысли», — сказал он себе.

Танки приближались, и уже можно было разглядеть черные кресты на броне, бортовые номера и короткие пушки.

Игнатюк занял позицию справа от Селиванова, а за безымянным бойцом с ПТРД расположился Пантелеев. Остальных пока не видно — значит, рассредоточились где-то дальше.

Селиванов увидел, как один из танков, подойдя еще ближе, встал, и немцы рядом с ним залегли в снегу, а башня стала медленно поворачиваться. Дуло остановилось, глядя прямо на него.

Что-то вздрогнуло внутри, участилось дыхание. Захотелось зажмуриться, но нельзя, нельзя закрывать глаза, когда...

Гулко бухнуло вдалеке, будто выбило пробку из бутылки, взвился серый дымок у ствола, и через долю секунды грохнуло прямо над головой, оглушив, ослепив, засыпав грязным снегом и крошевом красного кирпича.

Селиванов понял, что лежит лицом в снегу, мертвый хваткой вцепившись в винтовку, и не видит ничего перед собой. Разлепил глаза. В голове гудело.

«Жив... жив... жив...» — стучало в мозгу с каждым ударом сердца.

— Дер-р-ржать позиции! — заорали сзади.
Вновь громыхнуло, но уже совсем рядом, где-то справа. Это ударила полковая пушка. Возле одного из танков вздыбился белым фонтаном снег, немцы рассыпались в стороны. Мимо.

— Заряжа-а-ай! — раздалось со стороны дороги.
Танки продолжали движение на поселок.
— Артиллерию подогнать! Артиллерию! — ревел сзади Старцев, видимо по связи. — Нам же тут крышка совсем! Когда? Сколько? Да их тут больше двадцати штук! Короткова мне! Короткова!..

И вновь прогремело оглушающим ударом где-то рядом, опять засыпало снегом и кирпичом.

А вслед за грохотом раздался нечеловеческий вопль.
— Нога-а-а! Нога-а-а! А-а-а-а!

Не думать, не думать, не думать ни о чем, говорил себе Селиванов, и сердце его колотилось, и вздулись виски, и высохли губы.

Бахнул выстрел совсем рядом — это боец с ПТРД, прицелившись, спустил курок.

— Попал, сука! — прошептал он.

В самом деле, один из танков остановился и закрутил башнейкой: порвало гусеницу.

Но что теперь один выстрел?

Снова ударила полковая пушка, и еще один немецкий танк остановился в клубах черного дыма. Кажется, выстрелом ему свернуло башню.

И опять громыхнуло со стороны поля, опять оглушило, опять засыпало.

И снова страшные вопли сзади.

Танки всё ближе, и немцы уже засели в снегу, целясь в сторону линии обороны, и захлопали первые винтовочные выстрелы.

— По пехоте ого-о-онь! — взревел сержант Громов.

Захлопали выстрелы, застремотал пулемет. Селиванов прицелился в серую фигурку на фоне снега и спустил курок. Фигурка рухнула. Убит? Просто залег? Черт его знает.

А Старцев всё орал в телефон.

— Не можем ждать! Да не можем мы! Да их тут...

Опять громыхнуло. Совсем близко — да так, что Селиванову дало в голову, будто ударили по жестяному ведру.

— Никак нет! — вопил Старцев. — Есть! Так точно!

И закричал что было силы бойцам:

— Приказ отступать! От-сту-па-а-ть!

Не знали ни Селиванов, ни Громов, ни один из бойцов на рубеже — только Старцев уже знал от командования, что немцы перешли в контратаку одновременно по всем направлениям. Передовые немецкие части при поддержке танков уже входили

в поселок со стороны Поречья, разбив передовое охранение мощным обстрелом.

Положение оказалось таким тяжелым, что батальону было приказано отступать уже даже не на оборонительные позиции, а еще глубже в поселок — к церкви. Туда стягивались и остальные подразделения 837-го стрелкового полка.

* * *

22 июля 2002 года

Село Недельное, Калужская область

Жара стояла несносная. Купол храма сиял на солнце яркими бликами, а на площади перед ним курлыкали, столпившись в серую кучу, грязные голуби.

Такая деревня это Недельное! Впрочем, ну да, деревня, никаких тебе многоэтажных панелек. Вот, в самом центре стоит церковь, а вокруг утопают в зелени деревянные домики. Тут домики даже приличные, по два этажа, а дальше — совсем избушки на куриных ножках.

Ехали долго — пришлось свернуть с шоссе и обогнуть Малоярославец. Впрочем, времени они потеряли немного. Да и что ни сделаешь ради деда.

Саша, тощий белобрысый подросток с красноватым лицом, отстегнулся и вылез из машины. Отец тоже. Он был толст, с пышными черными усами и в камуфляжной футболке.

— Ну и жарища, — сказал Саша, оглядываясь.

— Да нормально, — засмеялся отец. — Радуйся, отдохнешь от наших болот туберкулезных.

Саша подошел к задней двери, открыл, подал руку деду.

— Ну ты как? — спросил он деда. — Рад?

Дед, опершись на руку, медленно вылез из машины, тут же нашупал морщинистыми пальцами темные очки в нагрудном кармане, нацепил их на нос и осмотрелся по сторонам.

Увидев храм, он снова снял очки, поглядел на купол, за-
жмурился от света, улыбнулся. Кивнул головой.

— Никак не пойму, — сказал отец, опершись на открытую
дверь. — Ты же коммунист упертый и в бога не веришь, а тут
вдруг к храму его отвези.

— Нам же по пути, — сказал дед, не переставая глязеть на
храм. — А в бога я и не верю.

Отец развел руками.

— Ну да, — ответил он. — Но крюк всё равно пришлось сде-
лать. Впрочем... Ладно уж, ты хотел.

Дед обошел машину, вышел к храму. Он теребил в руках
очки, жадно оглядывался по сторонам, будто впитывая каж-
дую деталь, будто хотел навсегда запечатлеть в глазах это
солнце, этот купол, деревянные домики и даже голубей на
площади.

— И правда восстановили, — сказал дед. — Удивительно.

— Что, в бога поверил? — спросил ехидно Саша.

Дед улыбнулся, сверкнув металлическим зубом, надел тем-
ные очки и ответил:

— Дурак ты. Религия тут вообще ни при чем. И бог ни при
чем. А вот сам храм...

Отец захлопнул-таки дверь, поставил машину на сигнали-
зацию, подошел к деду, встал рядом.

— Ага, храм, — сказал он деду. — Может, расскажешь нако-
нец, что в нем такого?

— Расскажу, — ухмыльнулся дед. — Потом. Может, книгу
напишу.

Отворилась дверь церкви, вышел на порог молодой долгог-
вязый священник в черной рясе и с густой бородой, стал под-
метать веником крыльцо.

— Внутрь зайдем? — предложил отец.

Дед отчего-то перепуганно посмотрел на него.

— Нет-нет, — сказал он. — Я так... Сфотографирай меня про-
сто на фоне.

Отец пожал плечами и достал из барсетки серебристый фотоаппарат. Дед медленно пошел к храму, не переставая смотреть на его купол. Остановился в двадцати шагах, повернулся, кивнул: мол, можно снимать. Выпрямил спину, расправил плечи.

Отец приложился к глазку фотоаппарата и несколько раз щелкнул.

— Есть!

Дед кивнул и быстро зашагал обратно к машине.

Прячась от жары, Саша сел на пассажирское сиденье и принялся безучастно листать брошюру о храме, которую выдали неподалеку.

Первое упоминание о храме — в писцовых книгах конца XVII века. А потом легенда о Екатерине II, которая, остановившись в Недельном, повелелаозвести каменный храм вместо деревянного. Забавно: наверное, у каждого захолустного городка в России есть легенда о том, как в нем остановилась Екатерина.

В 1804 году построили Покровскую каменную церковь. В 1930-х храм закрыли и стали использовать под склад. Потом война, декабрь 1941 года, храм стал эпицентром битвы за село, несколько раз переходил из рук в руки... Освободили поселок только в 42-м.

После войны здание медленно разрушалось, а в 95-м году по указу Ельцина церковь передали епархии.

Саша усмехнулся. Дед же всегда ненавидел Ельцина.

Работы по восстановлению храма начались в 2001-м...

— Ну что, дело сделано, — сказал дед, подойдя к машине. — Едем обратно.

— И это всё? — спросил отец. — Ты просто хотел посмотреть и сфотографироваться?

— Просто посмотреть. Сфотографироваться — это я уже сейчас придумал. Спасибо.

Перед тем, как сесть в машину, дед еще раз взглянул напоследок на храм.

А потом, кряхтя, сел, захлопнул за собой дверцу и хитро подмигнул Саше в зеркало заднего вида.

* * *

25 сентября 1993 года

*Закрытое административно-территориальное образование
«Покров-17», Калужская область*

Ребенок, который назвал себя Сашей, смотрел на меня болезливо и с любопытством, будто ощущал какую-то угрозу, но не понимал, что именно происходит.

Я тоже ничего не понимал.

— Где твои родители? — спросил я.

Ребенок вздохнул и не стал отвечать.

— Они здесь? Почему тебя оставили одного?

Я сделал шаг к нему, но тот попятился к стенке.

— Ты боишься меня? — спросил я.

Ребенок кивнул.

— Почему? Что плохого я сделал?

И в этот момент снаружи взревели сирены.

Горький запах дегтя ударил в ноздри.

Я сделал еще один шаг к ребенку.

— Слушай, сейчас тут станет темно и опасно.

Но он снова попятился и вжался в стенку. Задрожал, замотал головой.

— Не бойся. Пожалуйста.

Сделал еще один шаг.

Выли сирены, воздух терял прозрачность, перед глазами всплывала черная муть, очертания ребенка становились зыбкими и волнистыми.

— Не бойся, — повторил я, протянув к нему руку. — Всё будет хорошо.

Он еще сильнее замотал головой, а потом выскочил из туалета, уклонившись от моей руки, и побежал в коридор.

— Ты куда? — вскрикнул я, выбежав за ним.

Но он уже растворился в темноте, и не стало видно конца коридора, а стены его окрасились в черноту, и сам свет от тусклой лампы под потолком стал черным.

Я растерянно стоял посреди коридора, пока мир вокруг погружался в абсолютную темноту.

Какой еще ребенок? Откуда здесь вообще могут быть дети?

Галлюцинация?

Точно, чем же еще это может быть.

Парадокс: мысль о галлюцинации успокоила меня. Значит, это только в голове, а не в реальности.

Внутри страшнее, чем снаружи.

Я сел на пол, нашупав руками перед собой стену, и привалился к ней, чтобы переждать темноту. Сколько она будет длиться? Пятнадцать минут? Час? Полтора?

Когда приходит темнота, время начинает вести себя странно: кажется, что прошло десять минут, а на деле это длится уже час. А бывает и наоборот, когда время течет бесконечно и чувдится, будто счет пошел уже на часы, а в реальности всё заняло от силы минут двадцать.

Темнота ослепляет целиком, лишая не только зрения и частично слуха, но и чувства времени, даже восприятия самого себя. Прикосновения к предметам едва ощутимы, словно задубела и онемела кожа; ориентация в пространстве посыпает тебя ко всем чертям. Личность человека — мысли, ощущения, рассудок, способность осознавать собственное «я» — всё это искается в черном тумане, теряя мыслимые очертания.

Это смерть? Это сон?

Это провал в черную дыру небытия. Падение из существующего мира в бесчувственное «нигде и никогда».

Нет событий. Нет пространства и времени. Нет тебя.

А может, наоборот, подумалось вдруг мне. Может, темнота позволяет побыть настоящим собой. Чистым бестелесным сознанием, заполняющим всю пустоту мира. Сливаясь с темнотой, ты существуешь сугубо в себе, а твоя самость растворена до кристально прозрачного разума, с которым ты в силу человеческой природы не можешь пока совладать. Быть может, бестелесный дух — конечная стадия эволюции любого мыслящего существа?

Или все-таки это смерть?

А какая разница?

Сидя на полу в непроглядной темноте и пытаясь разобраться в спутанных мыслях, я почувствовал прикосновение чьей-то руки к моему плечу.

Я вздрогнул и в ужасе замер.

Рука. Чья-то ладонь. На моем плече.

Это не ребенок, которого я видел. Это другая рука. Сильная, крепкая, наверняка жилистая. Рука взрослого.

Кто-то видит меня. Кто-то прямо здесь, передо мной.

Потом я почувствовал, что невидимая рука хватает меня за запястье.

Сопротивляться не было сил. Я оцепенел и не мог двигаться.

И, убрав руку с плеча, этот невидимый — тот, из непроглядной черноты, тот, который видит меня, тот, который рядом — вложил мне в ладонь клочок бумаги.

* * *

ОТЧЕТ

ОБ ИНЦИДЕНТЕ ПРИ ОБСЛЕДОВАНИИ ОБЪЕКТА-1

6.09.1993

Инцидент произошел при плановом обследовании Объекта-1 и Объекта-1Б 6 сентября 1993 года экспедицией № 112.

В состав группы входили:

- старший научный сотрудник, врио директора НИИ АСЯ КАТАСОНОВ А. Е. (руководитель экспедиции);
- научный сотрудник ДОЦЕНКО Е. В.;
- научный сотрудник ВАСИЛЬЕВ П. П.;
- научный сотрудник КАУФМАН Г. В.;
- сотрудник охранной службы ЛЕБЕДЕВ В. А.

Радиосвязь с группой поддерживал научный сотрудник ГРАБЕР И. И.

Все члены экспедиционной группы были оснащены средствами индивидуальной защиты (общевойсковой защитный костюм из плаща ОП-1, защитных чулок и перчаток) и приборами АПСП-видения (темновизорами) «Фотон-2М». Также все оснащены термобельем и исправными средствами связи. Состояние здоровья всех участников группы удовлетворительное. Психическое состояние стабильное. Заряд темновизоров полный, техническое обследование перед экспедицией показало их исправность.

ВЫПИСКА ИЗ ЖУРНАЛА ЭКСПЕДИЦИИ № 112

10:16. Открыта внешняя дверь шлюза защитного сооружения.

10:17. Участники экспедиции прошли внутрь шлюза.

10:18. Внешняя дверь герметично закрыта.

10:22. Выполнена процедура обеззараживания согласно протоколу. Проверена связь. Настроено оборудование.

10:25. Запущен открывающий механизм внутренней двери шлюза. Включены индивидуальные темновизоры.

10:27. Внутренняя дверь шлюза открыта.

10:30. Экспедиционная группа проникла под купол защитного сооружения.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕРВИЧНОГО ВИЗУАЛЬНОГО ОСМОТРА

Первые визуальные наблюдения, проведенные в 50 метрах от непосредственно Объекта-1, показали, что он вновь

сместился в пространстве на 10 метров относительно предыдущего положения (см. схема 1 и фото 4). Данное смещение в рамках нормы.

Интенсивность АПСП под куполом защитного сооружения по-прежнему высока. Согласно данным фотометра, частицы света полностью поглощены объектами, их наблюдение невозможно. Тестовый фонарь не испускает свет. Открытый огонь из зажигалки не виден. Тепловая энергия не преобразуется в световую.

Новые разрушения наружной части Объекта-1 не зафиксированы. Пространство вокруг Объекта-1 не подверглось значительным изменениям. Почва по-прежнему покрыта притоптанным снегом с многочисленными следами. Копоть и пятна крови на подходе к Объекту-1 не меняли конфигурации.

Тело П. в руинах кирпичной пристройки не обнаружено. Это седьмой случай его исчезновения. Тело Р. по-прежнему прикрыто снегом и лежит в восьми метрах от ворот Объекта, его положение осталось прежним. Тело Г. сменило позу: если раньше оно лежало ничком, то теперь его лицо направлено вверх, правая рука не согнута, а вытянута вдоль туловища. Изменения в положении тел зафиксированы (см. фото 7).

Все обнаруженные тела продолжают вырабатывать вещество Кайдановского в виде густой черной эссенции, постоянно сочащейся из ран вместо крови. Спустя некоторое время вытекшая эссенция медленно испаряется в виде черного тумана. От каждого тела взяты пробы вещества.

(Прим.: испарения вещества Кайдановского, при наблюдении через устройства напоминающие черный туман или дымку, представляют собой частицы воздуха, максимально подверженные АПСП настолько, что с ними не справляются темновизоры.)

Температура воздуха под куполом защитного сооружения, как прежде, неизменно составляет -14 градусов по Цельсию.

10:50. Экспедиционная группа проникла через разрушенный оконный проем внутрь Объекта.

РЕЗУЛЬТАТЫ ВНУТРЕННЕГО ОСМОТРА ОБЪЕКТА

Передвижение внутри Объекта затруднено из-за обилия разрушений, осколков, завалов, упавших перекладин, разбитого кирпича, неровностей и воронок. По поверхности пола стелется низкий черный туман, исходящий от Объекта-1Б. Высота туманного покрова составляет около 7-8 см.

Зафиксирована новая пробоина в крыше диаметром около 70 см. Ящики возле входа вновь поменяли расположение (см. фото 9). В каменном полу появилась новая небольшая воронка диаметром 40 см. Отверстия от огнестрельного оружия на стенах также незначительно изменили конфигурацию.

Настенные изображения продолжают интенсивно двигаться, перемещаясь по поверхности стен (см. фрагмент видеозаписи 1). Движения силуэтов волнобразны, плавны, некоторые из них сливаются друг с другом и вновь расходятся. Отмечено, что скорость их движения заметно выше, чем в ходе предыдущей экспедиции.

Неопознанные тела №№ 1, 3, 4, 5, 6, 8, 10, 11 по-прежнему лежат на своих местах. Тело № 3 изменило положение, согнув правую ногу в колене. Тело № 6 повернуло лицо на юг, из его рук исчезло оружие. Тела №№ 2, 7 и 9 исчезли. Изменения зафиксированы (см. фото 13).

Тело Ст. по-прежнему лежит рядом с телом М., их положение не изменилось.

Тело И. сменило позу: оно обнаружено полулежащим, прислонившимся спиной к стене, глаза открыты (см. фото 15). Отмечается, что это первый за всю историю наблюдений случай, когда у тела И. открыты глаза.

Почти все обнаруженные внутри Объекта тела также исправно вырабатывают вещество Кайдановского, за исключением тел №№ 3 и 8: в них по неизвестным причинам реакция прекратилась. Взяты пробы.

Аномалия «Застывшая пуля» переместилась еще на 4 см от своей исходной точки и расположена на высоте 154 см от

поверхности; таким образом, за всё время исследований пуля продвинулась в воздухе на 107 см по направлению предполагаемого выстрела в сторону Объекта-1Б. В настоящее время расстояние от пули до местоположения Объекта-1Б составляет 120 см.

Какие-либо нарушения электромагнитного поля вокруг «Застывшей пули» по-прежнему не обнаружены. Природа явления неизвестна. Пуля по-прежнему сильно изъедена ржавчиной.

(приписка от руки: Зачем писать одно и то же в каждом отчете? — Катасонов)

11:23. Экспедиционная группа добралась до Объекта-1Б.

РЕЗУЛЬТАТЫ ОСМОТРА ОБЪЕКТА-1Б

Объект-1Б лежит навзничь на прежнем месте, в центре сооружения. Изменения: левая рука согнулась в локте, пальцы скрючены и вцепились в пол, глаза и рот открыты шире, чем раньше. Расположение ран на теле и повреждений одежды прежнее. Движение лицевых мышц отсутствует.

Как и прежде, более подробное изучение Объекта-1Б затруднено, поскольку возле него воздействие АПСП достигает максимальной интенсивности, с которой плохо справляются темновизоры. Объект-1Б постоянно вырабатывает вещество Кайдановского, которое испаряется моментально, окутывая тело густым черным туманом. Наблюдение возможно только по частям, когда туман, постоянно двигаясь и меняя конфигурацию, открывает для обзора отдельные фрагменты.

Объект «Светловолосый» лежит рядом с ним в прежней позе. Вещество Кайдановского из тела не вырабатывается.

ОПИСАНИЕ И ХРОНОЛОГИЯ ИНЦИДЕНТА

11:34. Сразу после осмотра Объекта-1Б научный сотрудник КАУФМАН Г. В. пожаловался на резкую головную боль в области висков, после чего его индивидуальный темновизор перестал

работать. Кауфман впал в паническое состояние и закричал, что ничего не видит.

Научный сотрудник ДОЦЕНКО Е. В. и работник охранной службы ЛЕБЕДЕВ В. А. взяли Кауфмана за руки. Члены экспедиции попытались успокоить Кауфмана. Его паническое состояние усилилось. Старший научный сотрудник КАТАСОНОВ А. Е. принял решение о досрочном прекращении экспедиции и немедленном возвращении обратно, о чем было доложено по радиосвязи ГРАБЕРУ И. И.

11:38. Группа начала движение к выходу из сооружения, держа Кауфмана за руки и пытаясь успокоить его.

11:40. Кауфман резко вырвался из рук, упал на пол и забился в судорожном припадке. Членам экспедиции пришлось крепко зафиксировать его руками.

Во время судорожного припадка Кауфман начал кричать, будто видит боевые действия, происходившие на территории Объекта, и принимает в них непосредственное участие.

РАСШИФРОВКА ПЕРЕГОВОРОВ ПО РАДИОСВЯЗИ (с 11:39 по 11:45)

КАУФМАН. Господи, господи, это просто пиздец, просто полный пиздец, я не могу так, я не могу.

КАТАСОНОВ. Давай, давай, держись, мы уже идем обратно, всё, всё.

КАУФМАН. <неразборчиво> и ничего не вижу, мне очень страшно. Пиздец!

ДОЦЕНКО. Мы рядом, мы с тобой.

(11:40 – Кауфман падает в судорожном припадке.)

КАТАСОНОВ. Господи.

ЛЕБЕДЕВ. Ребят, держите его, он же дергается. <неразборчиво> голову.

ДОЦЕНКО. Паш, хватай за руку, я возьму другую.

ВАСИЛЬЕВ. Охренеть он сильный.

КАТАСОНОВ. Лебедев, хватай за ноги. Поддержу голову.

КАУФМАН. Опять стреляют. Где командир? Где Старцев?

КАТАСОНОВ. Что? Здесь никто не стреляет.

КАУФМАН. Ложись! Опять они!.. Мы тут все сдохнем!.. Нет, не говори так, а ну не ссы, ты же боец! Не ссы, говорю! А-а-а-а! <неразборчиво> и Кричевского убили! Залегай!

ДОЦЕНКО. Господи, что с ним такое.

КАТАСОНОВ. Никогда такого не встречал. Держите крепче.

КАУФМАН. Давай залпом! Раз, два... Твою мать!.. Немцы еще идут! Возьми себя в руки, ты же мужик!

КАТАСОНОВ. Гриш, успокойся. Все хорошо. Никаких немцев тут нет.

КАУФМАН. Игнатюк! Где Игнатюк? Какого хера? И его тоже? Лезут и лезут, твари... Давай, ты и я... Патроны? Да где! Сука!.. Опять лупят! <неразборчиво> лейтенант!

ГРАБЕР. Ребята, надо что-то делать. Тащите к выходу.

КАУФМАН. Там лейтенант... Не вижу. Лежит, не двигается. Господи, спаси и сохрани. Спаси и сохрани. Спаси и сохрани.

(расшифровано верно — Грабер)

11:45. Кауфман потерял сознание. Экспедиционная группа приняла решение вынести его из Объекта на руках.

11:49. На выходе из сооружения Доценко, по собственным словам, обернулся и увидел, что Объект-1Б стоит на ногах, встав в полный рост, поднимает винтовку и целится прямо в него.

11:59. Экспедиционная группа добралась до внутренней двери шлюза. Запущен открывающий механизм.

<...>

12:15. Экспедиционная группа покинула защитное сооружение. Обследование Объекта-1 досрочно завершено. Кауфман по-прежнему без сознания.

ПОСЛЕ ИНЦИДЕНТА

Кауфман пришел в сознание в 12:20, спустя пять минут после выхода из защитного сооружения. Заявил, что ничего не помнит. Температура тела повышенная, речь спутанная,

сбивчивая. Движения плохо скоординированы, взгляд блуждающий. Жалуется на головную боль.

Доценко рассказал о вставшем на ноги Объекте-1Б.

По прибытии в институт Кауфман госпитализирован в медсанчасть, остальные участники экспедиции направлены на обследование.

РЕКОМЕНДАЦИИ

Необходимо всестороннее медицинское обследование Кауфмана. Вышедший из строя темновизор отправить в технический отдел для выявления причин сбоя. Начать подготовку к внеплановой экспедиции для дополнительного исследования Объекта-1Б с учетом доклада Доценко.

Отчет передать тов. Юферсу (*приписка от руки — Очень смешно. Катасонов*).

ОТЧЕТ СОСТАВИЛИ

Доценко Е. В.

Васильев П. П.

УТВЕРДИЛ

Катасонов А. Е.

7.09.1993 г.

* * *

22 июля 2002 года

Село Недельное, Калужская область

Отец Михаил, молодой долговязый священник с густой бородой, подметал ступени и поглядывал на старика, который вышел из машины фотографироваться на фоне храма. Чуть поодаль стоял с фотоаппаратом толстый усатый мужик, в машине сидел подросток. Занятно, подумал он: явно нездешние. Туристы? Да откуда же здесь туристы?

Ему показалось, что старик явно из воевавших. Вытянулся в струнку, встал перед фотоаппаратом, точно перед командиром, а потом быстрым шагом направился обратно к машине.

Обычно отец Михаил сразу узнавал воевавших. Он сам воевал в Чечне в девяносто пятом. Вспоминать об этом не любил. Да и кто любил?

Старик открыл дверцу, залез на заднее сиденье, и гости уехали.

Отец Михаил, подметя ступени, некоторое время смотрел вслед уезжающей машине. На лбу его выступили капельки пота — жара все-таки сильная. Забавно, конечно. Кажется, и вправду туристы.

А потом вздохнул, оставил метлу у входа, приоткрыл ворота и вошел обратно в храм.

Внутри стояла прохлада, воздух пропитался терпким запахом ладана, всё сияло начищенной позолотой и успокаивало небесно-лазурной росписью. Кроме отца Михаила, в церкви больше не было никого.

На полпути к алтарю, в центре храма, прямо под куполом отец Михаил, как всегда, замешкался и встал на секунду, задумавшись.

Странное место. И странное чувство.

Уже который раз каким-то непонятным образом отец Михаил чувствовал здесь, прямо на этом месте, присутствие другого человека.

Будто он стоит прямо здесь, перед ним, лицом к лицу.

Казалось, протяни руку — и коснешься его пальцами. Прислушайся — различишь чье-то дыхание и биение сердца. А если сосредоточиться и очень внимательно посмотреть, можно будет даже что-то увидеть. Хотя бы призрачные очертания.

Но нет, конечно же, никого здесь нет, и всё это только кажется. Просто пустое место. Просто храм. Просто необъяснимое чувство присутствия.

Очень странное ощущение.

Каждый раз на этом месте. Иногда сильнее, иногда слабее, но всегда.

Отец Михаил еще постоял, глядя в пол и размыщляя о странном ощущении, а потом усмехнулся себе в бороду и пошел в сторону алтаря, к царским вратам.

Справа от царских врат сохранился кусок старой настенной росписи, найденной здесь при реставрации храма. Фрагмент так повредился, что даже не было понятно, что за святой на нем изображен. Это был просто черный силуэт, и почему-то с красным nimбом.

Отец Михаил задержался у входа в алтарь, глядя на черный силуэт. Странно, подумал он: никогда раньше не обращал особого внимания на этот фрагмент.

Вдруг он почувствовал, будто кто-то смотрит ему прямо в затылок.

Отец Михаил обернулся.

Ерунда какая-то. Примерещилось.

На всякий случай перекрестился.

* * *

25 сентября 1993 года

*Закрытое административно-территориальное образование
«Покров-17», Калужская область*

Я ввалился в кабинет Каменева, чуть не сбив дверь с петель, тяжело дыша, почти не разбирай пути. Полковник и Серега сидели за столом, приходя в себя после черноты.

Полковник посмотрел на меня, в его глазах всё еще гулял хмель.

— О, явился, — сказал он. — Как ты там, нормально пережил? Волновались тут с Серегой.

Не зная, что ответить, я прошел к столу и безучастно рухнул на табурет.

Клочок бумаги, зажатый в моем кулаке, перевернул все представления о происходящем и запутал еще сильнее. Я не знал, что думать и кому верить, и боялся снова увидеть написанное: это реальность, которой лучше стоило оказаться сном. Я прекрасно понимал, что полковник не объяснит мне этого. И Институт не объяснит. Никто не объяснит. Никто на свете.

— Ну что как поленом прибитый? — усмехнулся полковник, наливая мне водку в стакан. — Пора бы привыкнуть. Вообще, это мы правильно выпили. Спьяну эта черная дрянь легче переживается. А вот с похмелья... У-у-у, с похмелья это натурально «ебани меня дробью, братан». Да, Серег?

Серега кивнул и подставил стакан.

Я молча смотрел, как водка льется из горлышка.

За окном, заколоченным черной фанерой, зашелестел крупный дождь.

— Ты это, конечно, не вовремя в сортир отошел, — усмехнулся полковник, разливая по стаканам остатки. — Сесть во время Черного Покрова, знаешь, такое себе вообще занятие! Пускаешь себе желтого вслепую, всё трясется, не видишь, куда струю направлять, забрызгиваешь всё вокруг... Ты как, не забрызгал?

Я схватил стакан и без слов опрокинул его до дна. Крепко обожгло глотку.

— А бывает такая темнота, что даже пипиську не нашупать, прикинь, — продолжал полковник. — Ты не смейся, я серьезно!

Я не смеялся.

— Кожа ведь тоже немеет, — пояснил он. — Собрался я как-то поссать, а тут темнота эта. Ну не терпеть же? Ширинку-то кое-как нашупал, а потом, такой, роюсь, копаюсь... Оп-па, ебаный лосось! А куда ж хуй подевался? Укради, что ли?

Серега засмеялся. Я вздохнул и сильнее сжал в руке листок бумаги.

— Так и обоссался, в общем, — захохотал полковник. — Прямо в штаны. Такая жизнь, блин. Я, правда, еще и бухой был в говнину... Ты-то как? Эй, писака, да что с тобой такое?

Я напряженно вздохнул, посмотрел в глаза полковнику. Бумажка в ладони стала мокрой от пота.

— Кто-то видел меня в этой темноте, — сказал я. — Кто-то, кто может видеть. Не знаю как. Но он видел.

Полковник и Серега непонимающе смотрели на меня.

— Он положил руку мне на плечо, — продолжил я. — И дал вот это.

Я разжал пальцы и выложил бумажку на стол.

Пока полковник читал, я достал дрожащими пальцами сигарету и закурил.

Это было мятое, оборванное, пожелтевшее от времени извещение с печатью Ленинградского горвоенкомата.

ИЗВЕЩЕНИЕ

Красноармеец Селиванов Василий Георгиевич, уроженец гор. Ленинграда, ул. Моховая, д. 32, за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был убит в бою 26 декабря 1941 года в пос. Недельное Малоярославецкого р-на Московской области. Похоронен: Московская обл., Малоярославецкий р-н, пос. Дурной Клин.

Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии (приказ НКО СССР).

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

*Из книги Андрея Тихонова «На Калужский большак»
26 декабря 1941 года, поселок Недельное*

Отступили на южный край Недельного подразделения 34-й отдельной стрелковой бригады. Не выдержала атак и 19-я стрелковая бригада, из-за чего попал в полуокружение 830-й стрелковый полк: им тоже пришлось отойти на другие позиции.

Гитлеровцы брали нахрапом, пользуясь эффектом внезапности, точно так же, как несколькими днями ранее брали Недельное советские войска. Но на стороне немцев вдобавок было превосходство в живой силе и технике.

Артиллеристы 693-го полка вступили в бой, когда немцы уже смели передовое охранение и стрельба велась на улицах.

Взвод лейтенанта Старцева спешно отходил к остальным подразделениям 837-го полка, готовым принять бой в районе церкви. Набились тесно в кузов «полуторки», помчали по узкой улице, трясясь на ямах и ухабах.

Кругом гремела артиллерия, свистели пули, трещали автоматы.

— Драпаем... Уж не подумал бы! — кричал в сердцах Игнатюк, крепко вцепившись в борт.

Старцев стукнул его легонько рукой по каске, ответил строго:

— Никуда мы не драпаем. Приказ отходить к церкви. Там мы бы уже ничего не сделали, а в центре нужно усиление.

— Без нас там на окраинах ребят крошат! — встрепенулся молчавший до того Пантелейев.

— А ребятам у церкви без нас совсем кранты! — вступил в разговор сержант Громов. — Там и будем держаться. Никуда уже оттуда не отойдем. Правильно говорю, товарищ лейтенант?

Старцев угремо кивнул, глядываясь назад, в ту сторону, откуда они отступали.

Селиванов тоже посмотрел назад.

Там гулко грохотало и рвалось, вздымались клубы черного дыма, бегали хаотично бойцы, падали, стреляли, снова падали...

Лучше смотреть вперед.

Трясло в грузовике так, что стволы винтовок бились о каски, гремел обвес, приходилось цепляться обеими руками за борты, чтобы не вылететь из кузова. Игнатюк попытался отпить воды из фляжки — ударило по зубам так, что от боли он схватился за челюсть.

Остановились на площади, повыскакивали из кузова. Возле храма творилась суета: бойцы спешно перетаскивали внутрь ящики с патронами, заваливали окна мешками, выставляли пулеметы. Со стороны Поречья один за другим примчали еще два грузовика с солдатами.

Еще один грузовик стоял, разбитый, возле поворота на переулок. Бойцы вытаскивали из кабины раненого водителя.

Грохнул снаряд возле площади, попал в здание старой лавки, той самой, где бойцы взвода стояли несколько дней назад. Разнесло по площади щепки, осколки стекла и вонючую пыль.

Несколько огневых точек с пулеметами обустроили прямо на площади, используя прилавки от старого рынка, мешки и ящики. Затащили пулемет на полуразрушенную колокольню церкви.

Глядя на всё это, Селиванов подумал, что, быть может, здесь и наступит тот самый момент истины. В какой-то момент происходящее будто бы замедлилось, как в долгом полуценном сне, и солдаты медленно бежали в укрытия, подтягивая снаряжение, и медленными движениями заряжали винтовки, и даже грохот снарядов растягивался долгим эхом, и с длинными паузами стрекотал пулемет с колокольни.

Тяжелый запах пороха висел в воздухе, приглушенные взрывы гулко ухали за спиной, и с каждым ударом сердца вздрогивало всё тело.

— На позиции! — закричал Старцев, показав на кирпичные руины церковной пристройки, где можно было укрыться.

А потом свистнуло что-то вверху, и Старцев заорал:

— Ложи-и-ись!

Залегли. Рвануло совсем рядом, оглушило, засыпало снегом и щепками. Селиванов поднял голову и увидел, что у грузовика, на котором они приехали, выбило стекла кабины.

К позиции пришлось подбираться пригнувшись. Немцы были уже совсем близко.

Взвод Старцева оказался на позиции, часть которой уже заняли бойцы роты автоматчиков.

Командование над подразделениями полка, готовыми принять бой у церкви, взял на себя замкомбата старший лейтенант Кричевский — высокий, худощавый, с щегольскими усиками, мечтавший закончить войну в звании капитана.

К этому моменту немцы заняли всю восточную половину Недельного и всеми силами прорывались к центральной площади. Вблизи уже трещали немецкие автоматы. Им на помощь спешили танки.

— Ну что, бойцы, — выпалил, запыхавшись, Старцев и засел с пистолетом за грудой кирпичей. — Сейчас мы им...

И пригнулся, потому что рядом прострекотала очередь.

* * *

25 сентября 1993 года

*Закрытое административно-территориальное образование
«Покров-17», Калужская область*

Дочитав извещение, полковник передал бумагу Сереге, нащупал в пачке последнюю сигарету, выругался и закурил, нахмурившись.

Серега прочел, беззвучно шевеля губами, и с непонимающим видом вернул документ мне.

— Что вы оба молчите? — спросил я взволнованно.

Полковник выпустил струю дыма и задумчиво сказал:

— Интересные дела.

— Интересные дела? — вскрикнул я. — Это извещение о гибели персонажа, которого я придумал! Его не было в реальности. А этот документ говорит, что был! И погиб точно там же, в том же бою и в тот же день, что и в моей книге!

Полковник пожал плечами, пьяно икнул.

— А ты уверен, что придумал его? Может, видел в каких-нибудь архивах или мемуарах. Отложилось в голове, а потом забыл.

— Уверен. Я помню, как придумывал его.

Действительно, я отлично помню, как взял для него фамилию моего школьного приятеля Лешки Селиванова, который прослыл в классе добродушным тихоней. Еще он писал стихи.

— Может, подделка? — предположил Серега. — Может, кто-то решил пошутить?

— Логично, — кивнул полковник. — Хотя, конечно, выглядит настоящей. Бумага старая, текст выцветший, написано чернилами, а не современной ручкой... Если подделка, то очень хорошая. Впрочем, умельцы сейчас всё могут.

— Если и фальшивка, то зачем это делать? — спросил я.

— Понятия не имею. Абсолютно. Слушай, писака, пострайся об этом не думать сейчас. Свихнешься еще. Черт, вод-

ка кончилась, тебе бы не помешал еще стаканчик. Не думай. Просто не думай.

— О секундах свысока, — хихикнул Серега.

Ага, подумал я, легко сказать.

— Меня больше интересует другое, — продолжил Каменев. — Кто это сделал? Кто-то, пользуясь темнотой, пробрался в наше отделение и всучил тебе эту бумажку. Значит, он может видеть в темноте.

— Слушайте... — медленно заговорил Серега, пытаясь соображать. — А помните, мы говорили, что у институтских могут быть эти штуки? Чтобы видеть в темноте.

— Точно, — сказал полковник. — И правда. Смотри, это же логика. Этот хмырь с бумажкой видел тебя в темноте. Значит, у него есть для этого какое-то устройство. Значит, они действительно существуют. А раз они существуют... то где они еще могут быть? Только в Институте.

— Да, — сказал я, задумавшись. — И эта история, как я выехал в темноте из города. Значит, со мной был кто-то с этим устройством. Значит, Институт должен об этом знать.

Полковник докурил до самого фильтра и с сожалением воткнул его в гору окурков из жестянной банки.

— Мда, — сказал он хмуро и злобно. — Всё. Собираемся. Поднимаем людей. Едем в Институт. Устроим блядям косорылым полный разнос.

Он встал из-за стола, слегка пошатнулся.

— Ну? — он окинул нас нетрезвым взглядом. — Что расселись? Серег, иди ребят поднимай.

И вдруг хрюпlo закашлялся, согнулся пополам, прикрыв рукой рот, оперся на стол и побледнел.

Его стошило на пол.

Он разогнулся, вытер рукавом дрожащие губы, а потом взглянул на запястье: оно покрылось желтовато-белыми чешуйками с кровоподтеками и крупными волдырями.

— Да насрать, — сказал он. — Идем.

Спустя полчаса я уже сидел на пассажирском сиденье в милицейском пазике. За руль уселся сам полковник: он был еще пьян, но отговорить его оказалось невозможно. Я плотно пристегнулся и тревожно поглядывал по сторонам.

С нами в автобус запрыгнули трое бойцов с автоматами, ими командовал Серега. К пьяному Каменеву за рулем они отнеслись совершенно спокойно: видимо, это далеко не впервые.

Когда мы выехали с площади на проспект, на дорогу вдруг выскочил уродливый ширлик с длинным, болтающимся, как шланг, носом, до невозможности жирный и вдобавок с тремя глазами.

— Эй, смотри! — предупредил я полковника.

— Насрать, — сказал тот и, не сбавляя скорости, врезался в ширлика.

Его безвольную тушку отбросило в сторону, автобус сильно тряхнуло. Бойцы сзади заматерились.

Я взглянул в боковое окно и заметил, что еще несколько ширликов бегут за нами по заросшему травой тротуару, подпрыгивая и улюлюкая.

Еще один испуганно выглядывал из разбитой витрины магазина.

И на дорогу вдруг кубарем выкатился еще один, с чудовищных размеров задницей, вдвое больше его самого. И вдогонку за ним — ширлик с четырьмя птичьими лапками и индюшачьим клювом.

— Да чтоб вас! — прикрикнул полковник, не сбавляя скорости и не сворачивая.

Бац! Бац! — и оба разлетелись в разные стороны.

— Машину сейчас разобьешь, — сказал я.

— Это мы их проблема, а не они наша, — резко ответил Каменев.

А ширлики все бежали и бежали по тротуару, из разбитых окон выпрыгивали новые, одни копошились в кустах и что-то искали, другие смотрели на нас вылупленными глазищами.

Когда мы подъезжали к сильно заросшему скверу с полуразбитым памятником Ленину, я заметил толстого старика в сером ватнике, который яростно отмахивался лопатой от двух агрессивных тварей.

— Давай поможем! — крикнул я.

Вместо ответа полковник громко посигналил. Ширлики встрепенулись и разбежались в стороны, а старику, завидев нас, удрал в кусты.

— Что-то их совсем дохера, чертей, — беспокойно сказал полковник. — Не припомню такого.

Действительно, так много ширликов в городе раньше не было.

— В бардачке лежит магазин, — сказал полковник. — Заряди пистолет на всякий случай, у тебя там патронов было мало.

Я немедленно сделал это.

На подъезде к Институту уродцев стало меньше.

Многие, кто бежал за нами по тротуару, останавливались, глупо посматривая друг на друга, и пятались обратно. Другие уже не бежали, а просто испуганно глядели то на нас, то в сторону Института.

Дорогу автобусу они больше не перебегали.

— Странное дело, — сказал полковник. — Что им всем тут было надо? Они как будто бежали в центр, не зная зачем, а потом сами же чего-то испугались.

Я покал плечами.

— Черт, надо же наших ребят на посту в Институте предупредить.

Полковник вытащил автомобильную радиацию, нажал кнопку.

— Прием, Седьмой, говорит Первый, прием, — заговорил он в радиацию.

Тишина.

— Седьмой? — продолжил полковник. — Черт...

Он тряхнул радиацией, ударили ею о бардачок, снова заговорил:

— Седьмой, Седьмой, отвечай, Седьмой!

— Он тебя не слышит, — сказал я хмуро.

— Блядь.

Полковник сильнее втопил педаль газа.

— Не надо так гнать! — крикнул кто-то сзади.

Полковник не ответил.

Мы въехали на площадь перед Институтом. Полковник проверил магазин в пистолете, выскочил из кабины. Я спрыгнул следом. Бойцы с автоматами вылезали из автобуса, а полковник стал нетерпеливо подгонять их матюгами.

На улице начинало темнеть, но в институте не горел свет. Здание нависало над площадью мертвой бетонной громадой с черными окнами.

В глазах полковника читалась тревога. Он дал бойцам знак рукой идти за ним и направился к входу, взяв пистолет наизготовку. Я пошел следом.

В вестибюле оказалось темно и пусто. На пункте пропуска, где должны были дежурить сотрудники отделения — никого.

Полковник включил нагрудный фонарик. Остальные последовали его примеру.

— Вот, возьми тоже, — прошептал мне Серега, подошел сзади и вручил маленький фонарик.

— Всё это очень плохо, — медленно проговорил полковник. — Тут должны были оставаться Витька и Леша. Где вообще все?

Кажется, теперь он окончательнопротрезвел.

Мы стояли посреди вестибюля и ощупывали темноту лучами фонариков. Пусто. Никого.

— На месте ширликов я бы тоже сюда не полез, — сказал я задумчиво.

На верхнем этаже что-то гулко громыхнуло, будто опрокинулся стул.

Я вздрогнул.

Мы замерли на месте.

Вдалеке вдруг еле слышно щелкнуло, зажужжало, и в вестибюле резко включился яркий свет. От неожиданности я захмурился.

— Электричество дали, — хмыкнул кто-то из бойцов.

— Э-э-эй! — крикнул полковник в никуда, и его крик раздался эхом по дальним коридорам. — Есть кто?

Тишина.

Мы выключили фонарики.

А потом что-то темное мелькнуло на периферии зрения; я повернул голову в сторону и увидел, что по лестнице с первого этажа медленно спускается, не касаясь ступеней, черная тень с красным нимбом над головой.

— Господи, — прошептал полковник.

Тень спускалась, низко паря над ступенями, медленно и плавно, сотканная из темного воздуха, с расплывчатыми очертаниями, оставляя за собой шлейф легкой черной дымки. Нимб над ее головой вздрагивал, то ярко вспыхивая, то тускнея, переливаясь багряным и алым.

Мы попятились.

— В сторону, — шепнул Каменев. — Не двигайтесь.

Он выставил перед собой пистолет, и рука его дрожала.

Тень, медленно сойдя по лестнице на пол, направилась к нам.

Она завораживала. В сиянии ее нимба, в непроглядной черноте ее силуэта и смазанности ее очертаний было что-то гипнотизирующее. Я боялся смотреть на нее и не мог перестать.

Осторожно передвигая ноги, мы отошли к стене, не прекращая следить за тенью.

Она не обращала на нас внимание.

Она проплыла мимо нас и растворилась за дверью вестибюля.

— Еще, — приглушенно прошептал Серега, показывая пальцем на дальний коридор.

Из глубины коридора на нас надвигались две тени.

— Не шевелитесь, — повторил полковник. — Даже не дышите...

Тени плыли по коридору тихо и спокойно, будто их, безвольных, влекло ветром, как листья поздней осенью. За ними появилась еще одна.

Три черных силуэта, как и первая тень, прошли мимо нас и скрылись за дверью.

Мы стояли и молчали, боясь пошевелиться, боясь даже взглянуть друг другу в глаза. Это продолжалось больше минуты.

— Откуда они здесь? — спросил полковник и посмотрел на меня, будто я мог знать ответ.

Я промолчал.

— Они не обратили на нас никакого внимания, — сказал Серега. — Обычно они встают перед тобой и смотрят. Сматрят и смотрят...

— Что они вообще делают? — спросил я.

— В том-то и дело, что ничего, — ответил полковник. — Они просто есть. Они иногда появляются и просто смотрят на тебя. И это страшнее всего. Ты не видишь их лиц, у них нет глаз, но ты прекрасно знаешь, что они прямо сейчас смотрят на тебя. Чувствуешь этот взгляд всем нутром. И это сводит с ума.

— Кажется, сейчас они не смотрели на нас, — сказал я.

Полковник кивнул.

— Да. И это тоже странно. Откуда они здесь...

Серега шикнулся, прижал палец к губам. Еще одна тень с красивым нимбом появилась на лестнице.

Спустившись в вестибюль, она медленно проплыла мимо нас и скрылась за выходом.

— Что-то произошло, — дрожащим голосом сказал один из бойцов. — Что-то, чего здесь еще никогда не происходило.

— Что-то, чего не должно быть, — сказал другой.

Полковник молча стоял, глядя то в конец коридора, то в сторону лестницы, а потом обернулся к нам и резким голосом сказал:

— Всё. Хватит ссать. Взяли себя в руки. Обыщем тут всё. Начнем с кабинетов здесь. Никому не отставать, всем держаться вместе. Всем быть предельно осторожными.

Первым мы обыскали кабинет Доценко. Он оказался пуст, только листы бумаги из пачки разлетелись по полу, а на столе стояла недопитая кружка с чаем. Я потрогал ее: чай уже остыл.

Остальные кабинеты на первом этаже тоже оказались пусты, в том числе и комната Катасонова. Ни людей, ни их тел, ни даже пятен крови или следов борьбы. Все вещи остались на своих местах — чашки, тарелки, бумаги, висящие на стульях халаты.

Будто все в один момент покинули здание, не думая больше ни о чем, кроме как о спасении.

Или нет.

— Что ж, — сказал полковник, закрывая дверь последнего кабинета. — Теперь в подвал. Там у них лаборатория с телом Харона Семеновича. Это меня беспокоит.

Медленно, по одному, стараясь не шуметь, мы спускались по лестнице в подвал. Полковник шел первым. Миновав последнюю ступеньку, он резко направил пистолет вправо по коридору, потом влево. Никого. Только лампа мерцала, освещая грязный кафельный пол мелкими бликами.

Мы миновали два кабинета, пока не увидели на следующей двери табличку с надписью: «Лаборатория по изучению биологического материала».

— Здесь, — нервно сказал полковник и повернул дверную ручку.

В ноздри ударил резкий запах мертвечины.

То, что мы увидели внутри, я никогда не забуду. До сих пор эта картина стоит перед глазами в мельчайших подробностях.

Это было отвратительно.

Посреди небольшой ярко освещенной комнаты стоял препарационный стол, а на нем, истекая густой черной жижей, лежала половина Харона Семеновича.

Верхняя половина. Человеческая.

Из его выпотрошенной и раскуроченной грудной клетки торчали обломки ребер, по бокам свисали бледно-желтые внутренности.

Стол, пол, лабораторное оборудование и даже стены — всё в черных брызгах. Стойка с хирургическими приборами опрокинута, скальпели и зажимы разлетелись по всей комнате.

Серегу стошило.

— Твою ж мать, — присвистнул полковник.

Осторожно, пытаясь преодолеть отвращение и жуткий запах, мы с полковником подошли ближе.

Лицо мертвого Харона Семеновича изменилось до неузнаваемости, искаленное отвратительной гримасой боли.

— Его разорвало что-то изнутри, — сказал я.

Полковник смотрел на тело завороженно, с широко раскрытыми глазами, он не мог поверить в то, что видит.

— Наше лекарство, — сказал он безучастно и спокойно.

Подошли остальные бойцы.

Мы стояли вокруг тела и молчали. Только Серега склонился в дальнем углу, что-то осматривая.

— Эй, подойдите-ка сюда, — сказал он нам.

И поднял с пола высокий штатив с закрепленной видеокамерой.

— Тут еще идет запись, — продолжил он. — Можно выключить, отмотать и посмотреть, если найдем где.

Это оказалась дорогая импортная Sony. Такую и в Москве сейчас мало где встретишь.

Полковник подошел к камере, снял ее со штатива, нажал на кнопку выключения записи.

— У Катасонова в кабинете видак с телевизором стоит, — вспомнил один из бойцов.

Полковник молча вернул камеру Сереге, а затем снова подошел к телу Харона Семеновича, глядя на него хмуро и злобно, и нижняя губа его затряслась от обиды.

— Сука! — закричал он вдруг, брызгая слюной.

И стал со всей силы колотить по мертвому лицу рукоятью пистолета.

— Сука! Тварь! Тварь! Сука!

Я тронул его за плечо.

— Хватит, ну, — сказал я ему. — Сам же просил держать себя в руках.

Каменев посмотрел на меня все тем же злобным взглядом и прошипел сквозь зубы:

— Мы теперь точно сдохнем.

Окинул взглядом остальных, выдохнул.

— Пошли наверх. Посмотрим, что тут наснимали.

* * *

ПРОПОВЕДЬ СТАРИКА

(расшифровка радиоэфира от 25.09.1993)

Привет, печальные жители Покрова-17. Я Старик, и это моя проповедь для вас.

Всего полдня прошло с моего прошлого обращения, и теперь я вынужден выступить в эфире экстренно и вне очереди.

Я говорил, что произойдет нечто ужасное, и я оказался прав.

Полковник Каменев! Если ты слышишь меня, знай: ты идиот.

Андрей Тихонов! Если ты слышишь этот эфир, знай: ты совершил чудовищную ошибку. Ты сделал это по незнанию. Так сложились обстоятельства. Но от этого ошибки не перестает быть ошибкой.

Прямо сейчас в Покрове-17 происходит то, чего ранее не случалось здесь никогда.

Всё, что создало это место и эту тьму, вновь обрело жизнь. Оно вырвалось на волю.

Это сама глубинная суть Покрова-17 выплеснулась на его поверхность, как фонтан раскаленной лавы из молчавшего тысячи лет вулкана.

Скоро вы все узнаете, что это значит.

Этого не должно было произойти, но это произошло.

Я призываю всех, кто меня слышит: немедленно приходите на железнодорожную станцию. Это ваш последний шанс спастись. Времени больше нет. Здесь нельзя оставаться. Мы пойдем на прорыв ровно через сутки, независимо от количества людей. Завтра, 26 сентября, в 20:00 мы покинем станцию со всем оружием и пойдем на кордон. Либо вы идете с нами, либо вас поглотит тьма. Мы хотели дать надежду всем вам. Но другого выбора нет. Ждать больше нельзя. Кто может — приходите.

Нас ждут другие дела. Мы нужны не здесь.

Полковник Каменев! Ты еще можешь сделать хорошее дело в своей жизни. Бери своих людей, бери Андрея Тихонова и приходи к нам. Вместе мы будем сильнее.

Завтра я выступлю с последним обращением к вам. Я не знаю, что будет дальше.

Это был я, Старик.

* * *

Серега включил телевизор, вставил кассету из камеры в видеомагнитофон и нажал кнопку обратной перемотки. Резво зажужжала пленка.

Я стоял перед экраном, рядом уселся на табурете Каменев. Остальные бойцы, повесив автоматы на грудь, сгрудились у входа в кабинет.

Когда пленка перемоталась к началу, Серега вдавил кнопку «PLAY».

На весь экран, сквозь цветные зернистые помехи — взволнованное лицо Доценко, глядящего прямо в камеру: видимо, он поправляет ее на штативе.

— Вот так... Вот, нормально! — говорит он кому-то в сторону и отходит.

Препарационный стол, на нем — мертвый и голый Харон Семенович. Его толстое паучье брюшко сильно вздулось, безвольно свисают со стола мохнатые лапки. Рядом стойка с инструментами. Катасонов в белом халате и маске выбирает скальпель, рядом еще двое лаборантов в халатах. Доценко подходит к Катасонову, что-то говорит ему на ухо, показывает в камеру. Катасонов кивает.

Доценко достает из кармана небольшой фотоаппарат, делает несколько снимков тела с разных ракурсов, затем записывает в блокнот пару слов.

Один из лаборантов включает лампу над столом. Тело Харона Семеновича освещается ярким белым светом.

Катасонов оглядывается по сторонам, крутит в руке скальпель, задумчиво глядит на тело, а затем аккуратным движением вытирает лезвие в живот.

Струя черной жидкости бьет фонтаном прямо в его лицо.

Резко вздымаются паучьи лапки. Сжимаются пальцы трупа, вздрагивают его руки.

И мертвый Харон Семенович поднимает голову, лицо его искажено гримасой ужаса и отвращения, он открывает рот и издает нечеловеческий вопль, и черная жижка вместе с пеной хлещет из его рта.

Катасонов, Доценко и лаборанты испуганно отшатываются.

Тело Харона Семеновича вытягивается в струнку и выгибается дугой в сильной судороге: лапы его дрожат, руки трясутся, все мышцы напряжены, рот и глаза раскрыты, он продолжает кричать и брызгать пеной.

Его живот взрывается.

Черная жижа брызжет в стороны.

С бульканьем, шипением и треском переломанных костей из разорванного живота появляется нечто.

Черное, бесформенное, упругое, мясистое, безглазое, вымазанное в блестящей слизи.

Резким движением оно выставляет в разные стороны длинные членистые конечности, которые были сложены раньше внутри тела. Задевает висящую над столом лампу, и она раскачивается, играя тенями на забрызганных стенах.

Приходят в движение паучьи лапки — да, теперь это его паучьи лапки, — и бесформенное чудовище отделяется от человеческой половины трупа.

И из этой отвратительной массы вытягиваются бесчисленные тонкие щупальца с присосками на концах.

Катасонов, Доценко и лаборанты стоят, как вкопанные. На их лицах ужас. Они не могут пошевелиться.

Существо выбрасывает вперед четыре щупальца. Они одновременно присасываются к лицам людей, накрывая их целиком.

Они стоят и не могут пошевелить даже пальцем. Их парализовало.

А затем их тела становятся чуть более блеклыми, обесцвеченными, еще через несколько секунд обретают прозрачность, и контуры их размываются по краям.

И чем более прозрачными становятся жертвы, тем больше растет плоть чудовища, вздымается горбами и наростами, жирнеет, раздается вширь.

Тела Катасонова, Доценко и лаборантов превращаются в призраков из воздуха и тумана.

Чудовище растет. Удлиняются его конечности. Отрастают новые горбинки и складки.

Потом его щупальца, присоединенные к лицам, начинают мелко дрожать, как под электрическим напряжением.

И призрачные тела его жертв начинают темнеть, а над головами их появляется тусклое бледно-розовое сияние.

Тела наливаются темнотой, становятся плотнее, превращаются в силуэты из черного тумана, и нимбы вспыхивают ярко-алым над их головами.

Чудовище отпускает щупальца. Оно насытилось. Или насытило их?

Четыре черные тени с красными нимбами стоят перед ним.

Создание встает в полный рост, расправляет конечности и сшибает щупальцем штатив с камерой.

Стена, забрызганная жижей, и лужа на кафельном полу.

Всё.

* * *

— Так. Всем успокоиться, — сказал полковник.

Но по нему было видно, что он сам почти в панике.

Серега выключил запись и без сил уселся на корточки, глядя в пол пустыми глазами.

— Кто-нибудь встречал что-то похожее? — спросил он, подумав пару секунд.

Все молчали.

— Эта херня вылезла у него из груди и превратила их в мертвых святых, — сказал боец, сидевший рядом со мной. — А значит, тени, которые мы видели...

— Да, — проговорил полковник.

Руки его дрожали.

И снова, как тогда, в вестибюле, что-то громыхнуло прямо над нами, будто упала на пол тяжелая гиря.

Все встрепенулись.

— Оно всё еще здесь, — сказал полковник.

— Что будем делать? — спросил Серега.

— Пристрелим ее нахер.

Бойцы глядели перепуганно то на полковника, то вверх, на потолок, откуда доносился грохот.

— Ну что? — продолжал полковник. — Только не говорите, что зассали. Нас шестеро, четыре автомата, два пистолета. Завалим ее как пить дать. Близко не подходить, стрелять издалека.

Бойцы молчали, растерянно переглядываясь.

— Хорошо, — усмехнулся полковник. — Тогда я иду один.

— Не-не, ты чего, Сергеич, — заговорил один из бойцов. — Просто, ну... Страшно.

— У этой черножопой херни только лапки и щупальца. А у нас оружие и патроны. Мы круче, — сказал полковник.

Бойцы проверили магазины в «калашах», сняли с предохранителей.

— Другое дело, — улыбнулся полковник. — Пошли.

Осторожно прошли в коридор, стали подниматься по лестнице: первым шел парень с автоматом и подствольным гранатометом, аккуратно водя стволом в разные стороны и глядываясь вдаль. За ним — полковник. Позади остальные.

На втором этаже было, как всегда, темно и грязно.

Шорох послышался вновь.

Полковник приложил палец к губам и указал в дальний конец коридора. Я помнил это место: там располагался кабинет Юферса с чуть приоткрытой дверью. Звук шел оттуда.

Очень медленно и осторожно стали приближаться к двери.

Подойдя вплотную, шедший первым боец с автоматом боязливо оглянулся на нас, дал понять, что сейчас откроет дверь. Одной рукой взял автомат наизготовку, другой схватился за ручку, вздохнул и резко рванул ее на себя. Сразу выставил дуло вперед и прицелился.

К нему в открытый дверной проем подбежал второй боец. За ним — остальные.

А потом опустили стволы, недоуменно глядя перед собой.

Мы с полковником бросились в кабинет.

— Ну наконец-то! Врываешься ко мне с автоматами было совершенно необязательно, но понимаю ваше волнение. Вы проходите, присаживайтесь. Как писал Алистер Кроули, в ногах правды нет. Правды вообще нет. Или это не он писал?..

Капитан в своем расстегнутом кителе сидел в кресле Юферса, вальяжно закинув ноги на стол, и курил, стряхивая пепел прямо на зеленое сукно.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Из книги Андрея Тихонова «На Калужский большак»

26 декабря 1941 года, поселок Недельное

Батареи 693-го полка, вступив на подмогу пехоте, били по немецким танкам с возвышенности в километре от Недельного. Поскольку огонь приходилось вести осторожно из-за тесных уличных боев, сильно задержать продвижение техники не удавалось.

Но если бы не огонь артиллерии, бойцов 837-го полка, занявших позиции у храма, смели бы в первые минуты.

— Молимся на богов войны! — прокричал сержант Громов, перезаряжая винтовку за укрытием.

Селиванов загнал новую обойму в магазин, передернул затвор, высунулся из-за полуразрушенной стены и пальнул почти не глядя туда, где шевелилось что-то серое. Снова залег.

Игнатюк лежал за низким укрытием, засыпанный снегом и битыми щепками, и с трудом мог даже поднять голову, чтобы прицелиться: палил почти вслепую, раз за разом щелкая затвором.

Пантелейев изо всех сил прижимался к развалинам стены и боялся лишний раз высунуться — над его головой постоянно свистели пули.

Лейтенант Старцев видел всё это, полусидя за развалившимся углом постройки, и понимал, что требовать от бойцов

героизма сейчас нельзя. Единственная задача сейчас — крепко держать оборону.

— Держимся, мужики, держимся! — кричал он солдатам, но его слова тонули в оглушающей пальбе. — Сейчас их наши пушки расхерачат, а потом и пехота к нам подойдет!

Но он не знал, что несколько подразделений 837-го полка и 19-й бригады, которые должны были двинуться в центр на подмогу, завязли в бою с танками на окраинах. 830-му же полку пришлось отойти на новый рубеж из-за угрозы окружения.

Старший лейтенант Кричевский и рота автоматчиков вели огонь из оборудованных на площади укрытий. Остальные бойцы засели в храме и безостановочно палили из разбитых окон. Кричевский, понимая, что вверенные ему силы не смогут долго держаться на площади, пытался продумать, как без лишних потерь отступить в здание храма. Пробежать всего-то с десяток метров, но как тут бежать, когда и не выглянуть без риска словить пулю в голову.

С колокольни без остановки трещал пулемет, с площади рвались ружейные залпы. Палили очередями немецкие автоматы, занявшие деревянный дом перед храмом.

Плотным огнем с трех сторон прижали гитлеровцы бойцов на площади. Били короткими очередями, пули высекали из стен каменную крошку прямо над залегшими солдатами — не подняться, не высунуться, не прыгнуть в другое укрытие.

Немецкий танк, почти выехавший на площадь и успевший пару раз выстрелить, подбило снарядом и завалило обломками кирпичного дома, по которому ударил следующий залп. Машина встала на месте с раскуроченной башней и лопнувшими гусеницами, образовав затор в узком переулке. Танкам, которые следовали за ним, пришлось отходить, чтобы пробраться на площадь в обход.

Одна из машин забралась с трудом на груду обломков и успела ударить снарядом по храму, но ее удалось закидать гранатами, повредив пушку и ходовую часть. Фрицам пришлось

спешно покидать танк, вставший на открытом месте. Один не успел соскочить с брони, его скосила пулеметная очередь — скатился мешком под гусеницы. Остальные поползли к своим.

Другой танк приподнялся следом по обломкам, пальнул из пушки и спешно отъехал назад. Снаряд прилетел по площади, поднял фонтан грязи и снега. Убило двоих, одного покалечило, и его крики доносились даже сквозь бесконечный грохот канонады.

Селиванов лежал в луже из подтаявшего грязного снега, прятал голову за кирпичной кладкой и слышал грохот пушек, рев танков и свист пуль над макушкой. Надо снова высунуться и выстрелить, нельзя прекращать огонь, но прерывается от страха дыхание, и колотится сердце, и сбивается каска на лоб, закрывая обзор, — но глаза боятся, а руки делают, так всегда происходит на войне, и вот Селиванов, стараясь ни о чем не думать, снова перегревывает затвор, выглядывает и стреляет. Снова и снова. И еще.

«Не думай, просто делай. Просто делай...» — Селиванов беззвучно говорил это себе, шевеля пересохшими губами, и вбивал в магазин новую обойму из пяти патронов, стараясь не высываться из укрытия. И снова стрелял.

Когда Селиванов повернулся набок, чтобы перезарядить винтовку, прострекотала автоматная очередь, и он увидел, как Пантелеев, приподнявшийся на локте для выстрела, рухнул ничком в снег, скорчился и замер на месте.

— Твою ж мать... — прошептал сквозь зубы Селиванов и осторожно пополз к Пантелееву с винтовкой в руке.

Дополз до него под свист пуль, тронул рукой за плечо. Тот не шевелился. Селиванов чуть приподнялся, перевернул Пантелеева и увидел, что каска его пробита, а лица не видно из-за крови, непрерывно хлещущей из дыры в голове.

— Пантелеева убили! — крикнул Селиванов, отползая обратно.

«Не думать ни о чем, не думать, просто не думать... Не думать. Делать», — говорил он себе.

Немцы, не ожидая плотного ответного огня, прекратили попытки взять площадь нахрапом и засели в ближайших постройках, непрерывно паля по обороняющимся. Они ждали, когда танки минуют руины и выйдут на площадь, но по машинам била артиллерия, и их продвижение замедлилось.

Кричевский, оценив ситуацию, понял, что это шанс отойти внутрь храма, пробежать те самые заветные десять метров. Только так можно будет дождаться помощи. Иначе — сметут на площади.

— Все в здание! — взревел он. — Отходим в храм! Всем укрыться внутри!

Автоматчики, засевшие с ним за прилавком, побежали, пригнувшись, ко входу в храм. Пули ударили по ступеням под их ногами: одного ранило, но подоспевшие бойцы втащили его за ремень внутрь.

Кричевский остался с пистолетом за укрытием — убедиться, что все смогли отойти. Еще пятеро с дальней огневой точки рванули ко входу. Одного скосила автоматная очередь, и он рухнул в землю, нелепо раскинув руки на бегу.

— Старцев! — крикнул он в сторону кирпичной пристройки, где засели бойцы взвода. — Гони бойцов внутрь!

Добраться до входа одним рывком было невозможно: слишком большое расстояние. Сначала добежать до укрытия Кричевского, а уже потом от него — в храм. Старцев прикинул на глаз обстановку, показал пистолетом в нужную сторону и закричал бойцам:

— Все туда, за прилавок, потом рывком в храм! Быстро!

Первым вскочил и добежал до груды мешков Игнатюк, за ним — Максимов. Селиванов резко выдохнул, зажмурился, снова открыл глаза и, не чувствуя ног, не думая ни о чем, вскочил и побежал под стрекот автоматов и винтовочные хлопки.

Упал лицом в снег рядом с укрытием и подумал сперва, что и сам словил пулю, только не чувствует этого. Но нет — живой. Живой...

За ним приткнулся сержант Громов, прижав винтовку к груди.

Сгрудились у прилавка с мешками, пригнули головы.

Опять ударили снаряд по центру площади.

Селиванов быстро обернулся на руины, где только что они сидели. Мертвый Пантелейев лежал у развалин стены в луже крови.

Засевшие в храме бойцы беспрестанно палили из окон по немцам, трещал пулемет с колокольни. Усилилась пальба со стороны дома, захваченного гитлеровцами. Показалось движение в пустом переулке.

— Давайте, мужики, тут всего ничего пробежать, — кричал Кричевский. — Я за вами. Там выживем, отобьемся! Зубы обломают, гады!

Старцев прислонился спиной к груде мешков, отышался, подмигнул Кричевскому бодро, а потом заметил, что тот держится рукой за пробитое пулей бедро и под ним натекла лужа крови.

— Сам-то как? — прокричал он. — Тебя ранило тут...

— Херня война, брат, пробьемся!.. — и высунулся, пальнув в сторону немцев из пистолета. — Я эту войну собираюсь в звании капитана закончить, не меньше. А пока рано помирать нам! Как писал один поэт...

Он не договорил, потому что в воздухе свистнул прилетающий снаряд, и пришлось залечь. Рвануло возле церкви, у кирпичной пристройки.

— Ну, бегите!.. — крикнул Кричевский.

Рывком поднялись бойцы с колен, пригнулись как могли и рванули ко входу в храм.

Десять метров.

Спрятавшиеся за выходом бойцы помогали забраться в укрытие, ухватив за руки. Вбежал в храм Игнатюк, следом — Старцев.

Селиванов даже не понял, как оказался под темным куполом здания, куда его втащили чьи-то сильные руки. Он не думал об этом. Перед его глазами стоял сержант Громов, запнувшийся на половине пути и свалившийся ничком на ступени.

Следом вбежал Максимов.

Селиванов осторожно высунулся из прохода. Громов лежал без движения, рядом — его винтовка. Убит.

Кричевский вскочил из-за укрытия и со всех сил рванул к выходу, стиснув зубы от боли в простреленном бедре.

Вдруг громыхнуло оглушающе, ослепило взрывом, ударило горячо в лицо, и Селиванова с остальными отбросило на пол сильной волной. Спустя секунду он увидел, что Кричевский лежит в стороне от ступеней, и тело его сложилось пополам, а лицо изуродовано взрывом.

— Командира убили! — крикнул кто-то из роты автоматчиков.

Слова эти отдавались эхом в ушах, и Селиванов всё равно не мог понять, что же произошло, хотя прекрасно всё видел. Опять замедлилось время, звуки сливались в протяжный гул, смазалось всё перед глазами в вязкий туман.

Немцы высакивали из укрытий и окружали перебежками площадь.

И медленно выезжали из переулка серые танки с черными крестами.

* * *

25 сентября 1993 года

*Закрытое административно-территориальное образование
«Покров-17», Калужская область*

— Вы могли бы не смотреть на меня так? — недовольно сказал Капитан и выпустил вверх струйку сигаретного дыма. —

У меня тоже сегодня плохое настроение. И да, я видел то же, что и вы. И в отличие от вас, я знаю, что это такое и что с этим делать. Так что будьте добры, присядьте. Тут удобный диван.

Полковник хмуро кивнул своим людям и указал им на диван. Они с недовольными лицами расселись и положили на колени автоматы.

Сам полковник отодвинул кресло, сел, жестом попросил Капитана всё же убрать со стола ноги. Он улыбнулся и убрал их.

Я присел рядом на табурет.

— Во-первых, что вы здесь делаете? — спросил полковник.

— Я искал некоторые документы товарища Юферса. Очень важные документы.

— И как, нашли? — спросил я.

— Да, Андрей Васильевич, прошу простить за то, что так не вовремя тогда ушел. Но я бы ничем не помог вам. Да, нашел. Но это мое дело. Заметьте, я не спрашиваю, что делали тут вы. Не спрашиваю, зачем вы, товарищ полковник, захватили со своими людьми этот несчастный Институт. Зачем вы вместе с товарищем Тихоновым убили Харона Семеновича и привезли его сюда. Вы действительно думали, что с его помощью можно сделать вакцину?

Каменев молчал, но по его глазам было видно, что он готов убить Капитана прямо сейчас.

— А выглядите вы оба, извините, очень плохо, — продолжал Капитан. — Вы заметили, что стали ниже ростом? Потолстели, кожа загрубела... Руки не показывайте, я знаю, что там. Вещество Кайдановского уже меняет вашу ДНК. Как себя чувствуете? Всё время тошнит, да? Голова болит? Через пару дней станете хуже соображать, а изменения внешности ускорятся...

— Я могу прямо сейчас выстрелить вам в лоб, — твердо сказал Каменев.

Капитан усмехнулся.

— А если я единственный в мире человек, который знает, что здесь происходит и как это остановить?

— Кончай свои шутки, — полковник от раздражения перешел на «ты».

— Я уже говорил, что никогда не шучу. Всё, что я говорю, — чистейшая правда, — серьезным тоном ответил Капитан.

Неожиданно для себя я почувствовал вдруг необъяснимую ненависть к нему. Отчего-то показалось, что во всем, что произошло со мной, виноват именно он. Я не мог понять почему.

Слишком много вопросов.

Я поднял глаза на Капитана и спросил:

— Тогда, может, объясните, как я здесь вообще оказался? И почему тогда утром я приехал на эту дорогу из Покрова-17?

— Конечно! Вы всё узнаете. Но немного попозже. Не думайте, что интригую почем зря. Если я расскажу вам это сейчас, вы, скорее всего, убьете меня, так и не узнав самого главного. А это будет плохо и для вас, и, очевидно, для меня. Так зачем мне выкладывать всю информацию сразу?

Мы с полковником непонимающе переглянулись. Капитан докурил сигарету, затушил бычок о край стола и щелчком пальцев кинул его в угол кабинета.

— Первое, — сказал он. — Я знаю, что за тварь вылезла из Харона Семеновича и превратила этих бедолаг в мертвых святых. Это боль.

— Какая еще боль? — недовольно переспросил Каменев. — Я бы назвал это «жуткая черная страхобина, от которой мы все обосрались». Причем тут боль?

Капитан вздохнул и ответил полковнику, глядя при этом почему-то в глаза мне.

— Покров-17 создан болью, страхом и смертью. Это — боль. И вы помогли ей вырваться наружу. Впервые за всю историю этого места. Да, вы совершили ошибку, но парадоксальным способом эта ошибка может спасти вас и весь мир от Покрова-17. Я не говорю, что точно спасет. Но может. Если вы сделаете всё правильно. Именно вы, товарищ Тихонов.

И посмотрел на меня так, что дрогнуло в груди сердце.

— Я?..

Капитан кивнул.

— Мужик, ты какую-то дичь втираешь, — сказал ему полковник.

— Наверное, вы лучше меня знаете, что здесь происходит. Тогда флаг вам в руки, — улыбнулся Капитан. — Но нет, вы ни черта не знаете, поэтому лучше внимательно слушайте, что я говорю.

Полковник замолчал.

— Эта тварь, — продолжил Капитан. — Точнее, ее стоит назвать именно Болью. Опять же, товарищ Тихонов, будете писать книгу — с большой буквы. Так вот, Боль не кровожадна, она не стремится превращать людей в этих теней с красными нимбами. Просто, скажем так, она их поглощает, оставляя взамен немного своей силы. Она делает это помимо своей воли. Точнее, у нее нет своей воли. Ее ведет животный инстинкт. Да, Боль будет уничтожать всех людей, которые встретятся ей на пути, но это не главная цель. Главная цель — попасть домой. А как вы думаете, где ее дом?

— В Объекте? — предположил я.

— Именно! Там она появилась, и там ее изначальное место. Она идет домой. Скорее всего, сейчас она где-то возле защитного сооружения, сожрав по пути несколько бедолаг и превратив их в тени. Ищет способ попасть внутрь. У нее получится. Она очень сильна и становится всё сильнее. Вы же когда-нибудь ощущали невероятную боль? Такую, что пожирает изнутри, и кажется, будто нет в мире ничего, кроме нее? Это она. Страшная, всесокрушающая боль... Но!

Он вскочил с кресла и зашагал кругами по кабинету, снова достал сигарету из пачки, закурил на ходу.

— Но! — снова заговорил он и повернулся к нам. — Вы освободили ее. Она отправилась туда, откуда появилась. В Объект. И там ее можно уничтожить. Я знаю, как это сделать, и расскажу.

— И что тогда произойдет? — спросил я.

— Не имею понятия, — признался Капитан. — Но...

Он втянул в легкие дым, задумался, повернулся к темному проему окна, заговорил тише и медленнее:

— Представьте себе, что Покров-17 — живой мир, родившийся в момент сильнейшего сопряжения боли, страха и смерти в одной конкретной точке времени и пространства, которое называют Объектом. Это подобно сплетению стихий, моментальному всплеску невероятной энергии, хоть и не люблю это слово. Это как Большой Взрыв, создавший Вселенную. В какой-то степени это и есть Большой Взрыв, и да, он создал Вселенную. Боль, страх и смерть — три сердца этого мира. Чтобы остановить то, что здесь происходит, все три сердца нужно убить. Я знаю, как уничтожить боль. А о том, как уничтожить страх... Об этом знает Старик.

— Из «Прорыва»? — спросил я.

Капитан кивнул.

— Он задумал завтра вечером прорываться с боем через кордон. Это безумие. Их попросту перестреляют. Он хвастается, что у них много людей и оружия, но это блеф. Я хорошо знаю Старика, он любит и умеет блефовать. Но он абсолютно бесстрашен. Потому что знает, как победить страх. Он уже победил его.

Он повернулся к нам, и лицо его выглядело встревоженным.

— Помогите спасти его. Надо добраться до железнодорожной станции, поговорить с ним и...

Полковник хлопнул рукой по столу.

— Надоело слушать этот бред! — крикнул он. — Спасти этого полуумного? Да пусть себе там пропадет вместе со всеми этими идиотами! Они с десяток моих людей в перестрелках положили! И теперь их спасать?

— Да, — резко ответил Капитан. — Я знаю, для вас это звучит по-идиотски, но Старик — единственный, кто знает, как победить страх. И он нужен нам, если мы хотим остановить всё это.

Это возможность остановить вашу болезнь, понимаете вы это или нет, ну неужели вы такой тупой?

Глаза полковника налились яростью.

— Ах ты сука... — злобно прошептал он. — Тупой, значит? Да, конечно, не то что ты. Втираешь тут нам херню!.. Боль, страх, смерть! Да пошел ты! Зубы только заговариваешь, урод. Развел тут болтовню о высоких материях... Большой взрыв, энергия, Вселенная...

Лицо полковника побагровело, задрожала нижняя губа.

— Слушай сюда, сука, — сказал он сквозь сжатые зубы. — Ты меня этой своей хуйней не запутаешь. Я не верю тебе. Я верю в то, что вижу. А я вижу, что по этому городу надо херануть атомной бомбой, а лучше двумя. А тебя — пристрелить к ебаной матери!

Он выхватил из кобуры пистолет и нацелился на Капитана: тот, мгновенно среагировав, сделал то же самое. Люди полковника резко вскочили с дивана и навели на Капитана стволы автоматов.

Они стояли, целясь друг в друга, и тревожно поглядывали по сторонам. В кабинете повисла напряженная тишина.

Тогда я медленно встал с табурета, поднял руки и тихо сказал:

— Успокойтесь. Мы поедем на станцию спасать Старика.

Я не знал, почему пришло в голову именно это решение. Но так было нужно. Именно так, а не иначе. Что-то глубоко внутри настойчиво шептало об этом.

Полковник повернулся ко мне удивленно и недоверчиво.

— Что? Ты веришь этому козлу, который нас всех за идиотов держит?

Я посмотрел полковнику в глаза и тихо ответил:

— Да.

Полковник глубоко вдохнул через сжатые зубы, вновь посмотрел с ненавистью на Капитана. Снова взглянул на меня, опять на Капитана, потом на своих людей.

А потом опустил ствол и кивнул бойцам, чтобы те убрали оружие.

Капитан спрятал пистолет за пояс.

— Поблагодари писателя за то, что ты жив, — язвительно сказал ему полковник. — Может, книгу подарит.

— Спасибо, Андрей Васильевич, — с иронией в голосе сказал Капитан.

Когда все окончательно успокоились, я осмотрел присутствующих и спросил Капитана:

— Сколько ехать до станции?

— Чуть меньше часа.

— Тогда отдохнем, поспим и завтра утром поедем к Старику. Все согласны?

Капитан с улыбкой кивнул. Полковник взглянул на меня как на сумасшедшего, развел руками и покачал головой.

— Как знаешь, — сказал он обессиленно. — Я хреново себя чувствую. В одном ты прав точно: надо поспать.

Когда мы выходили из вестибюля, на улице уже совсем стемнело, только фары милицейского пазика освещали грязным светом разбитый асфальт на дороге.

По пути до автобуса Каменев всё время молчал, шел медленно, сгорбившись. Кажется, ему действительно стало плохо.

Капитан выглядел грустным и уставшим.

— Слушайте, — спросил я его. — Вы одно не сказали.

— Да? — растерянно переспросил Капитан, видимо не сразу поняв, о чём я.

— Вы знаете, как победить боль. Старик знает, как победить страх. А смерть? Кто знает, как победить смерть?

Капитан остановился, заглянул мне в глаза, улыбнулся краем губ и ответил:

— Вы.

* * *

Я уснул в пустом кабинете на втором этаже отделения — свалился без сил на диван и тут же вырубился.

Снилась опять Москва, пустая редакция, и я засиделся над правками к тексту до трех часов ночи.

Окончив работу, я складываю бумаги в ящик, встаю из-за стола и иду к лифту. Но, проходя мимо кабинета Пискарева, слышу из-за двери ровное гудение телевизора. Наверное, он забыл выключить.

Открываю дверь. В темном кабинете — никого. Плотно задернуты красные шторы. Гудит телевизор, и на экране его разноцветной паутиной горит таблица настройки.

Я подхожу к телевизору, чтобы щелкнуть выключателем, и экран вдруг погружается в темноту, из нее вырастает белая полоса, а по ней катится маленький шарик. Подпрыгивает и падает в черную бездну.

И опять эта бледная нечеловеческая голова с наростом на макушке, приглушенные фанфары и голос:

— Телекомпания «ВИД» представляет.

И на экране — хмурая, дождливая Москва. Идут худые солдаты-срочники в шинелях и зеленых касках, на них висят мешками бронежилеты, в руках металлические щиты.

Темный зал Дома Советов. Усталые люди в мятых пиджаках зажигают свечи, рассматривают документы фонариками, с ними какие-то мужики в камуфляже и с автоматами.

Октябрьская площадь, забитая пестрой толпой с красными флагами, и снова худые солдаты с железными щитами, и вот красные флаги и железные щиты идут друг на друга. Бьются каски, грохочут дубинки. Люди бегут. Люди падают и кричат. Снова бегут. Снова грохочут дубинки.

Выстрелы.

Хрясь! — лихо врезается в стеклянные двери московской мэрии военный грузовик.

И снова выстрелы.

И высится над Москвой неприступной башней телецентр «Останкино».

Я выключаю телевизор. Но выстрелы не прекращаются.

Что-то гудит и шумит за окном, гудят моторы, и я понимаю, что где-то уже слышал этот звук.

Отдергиваю красные шторы и вижу, что по улице едут танки.

И просыпаюсь от невыносимого зуда: ужасно чешется правая пятка.

Недовольно встаю, потягиваюсь к пятке, чешу ее и понимаю: с ногой что-то не то. Она не должна так выглядеть.

Большой палец правой ноги сильно раздулся в размерах, а остальные срослись вместе.

Моя ступня превращается в копыто.

* * *

26 сентября 1993 года

*Закрытое административно-территориальное образование
«Покров-17», Калужская область*

Утром мы скучно позавтракали рисом с тушенкой. Полковник был хмур и немногословен: то ли он всё не мог смириться с необходимостью доверять Капитану, то ли тоже увидел ночью, что происходит с его телом. Спрашивать я не стал. Забавно, что сам Капитан даже не притронулся к еде. Может, он вообще не испытывает потребность в пище, а питается исключительно цитатами Алистера Кроули?

За главного Каменев оставил Серегу. В десять утра мы втроем — я, полковник и Капитан — сели в старый милицейский уазик и выехали с площади. На всякий случай захватили три автомата, кинули их на заднее сиденье.

С самого утра моросил легкий дождь, в воздухе пахло сыростью, в небе повисла унылая серая хмаря. Редкие прохожие — какая-то бабка в потасканном ватнике и сорокалетний мужик, похожий на наркомана, — при виде нашей машины предпочли скрыться в ближайшие заросли. Капитан попросил включить радио. Передавали «Черные крылья» Наутилуса.

Я молчал и смотрел в окно. Однообразные серые панельки с выбитыми окнами и заколоченными подъездами. Заросшие скверы. Автобусная остановка, где никто никого не ждет. Проржавевшие качели на детской площадке. Пустые магазины с разбитыми витринами, убитые временем вывески — «Электротехника», «Книги», «Продукты». Недостроенный ДК Энергетиков. Ресторан «Русалочка», в котором рухнула крыша. Кинотеатр «Звезда», которого даже не видно из-за разросшихся деревьев.

После музыки по радио стали передавать новости. Здание Белого дома по-прежнему блокировано, ночью людей в нем подняли по тревоге, раздавали противогазы. Руцкой выступил с требованием отменить указ о роспуске Верховного совета, немедленно отправить в отставку Ельцина, провести зимой и весной следующего года выборы президента и парламента. Призвал граждан к всероссийской политической стачке на следующий день.

Я вспоминал сон с танками и стрельбой. Тревожился.

Мы миновали центр города, пересекли главный проспект — конечно же, имени Ленина — и въехали в район, который уже частично контролируют боевики «Прорыва». По крайней мере, как пояснили Каменев и Капитан, здесь регулярно случались засады и перестрелки.

— И всё же очень хреновая идея, — говорил Каменев, аккуратно руля и тревожно поглядывая в стороны. — Эти идиоты откроют огонь, как только увидят нашу машину. Мы тут для них как мишень в тире.

— Вряд ли, — сказал Капитан с заднего сиденья. — Насолько я знаю, Старик приказал не стрелять. Они ждут нас. Особенно Тихонова. Да и смысл им теперь стрелять? Нас всего трое, одна машина, может, мы вообще к ним присоединиться собираемся...

Его слова прервала короткая автоматная очередь.

Машину резко занесло вправо, нас сильно тряхнуло, полковник пригнулся и выматерился.

Мы остановились.

— Приказ не стрелять, да?! — в сердцах крикнул Каменев.

Справа, из кустов, и слева, из магазина с разбитыми окнами, бежали в нашу сторону две небольшие группы парней в военном камуфляже и с автоматами.

— Приехали, — сказал Капитан.

Парни в камуфляже взяли машину в окружение, наставили на нас стволы.

— Выходи давай! Руки поднял, вышел из машины! — сказал мне громко один из них, видимо главный в этом отряде.

А потом присмотрелся к моему лицу, взглянул на Каменева, потом на Капитана, и присвистнул:

— Оп-па-а-а...

И повесил автомат на плечо.

— Вы всегда сначала стреляете, а потом говорите «оп-па-а»? — передразнил полковник.

— Жизнь такая, — философски ответил парень и пожал плечами.

А потом включил радио, висевшую на груди, и сказал:

— Белый, прием. Это Крюк. Скажи Старику, что гости приехали.

* * *

За двухэтажным зданием станции растянулся в зеленых зарослях проржавевший товарный состав с пустыми грузовыми контейнерами, за ним — еще один, из цистерн, на одной из которых оборудовали огневую точку с пулеметом. Над поездами стоял пешеходный переход, где засели снайперы и наблюдатели; даже пристроили деревянную башенку.

На площади стояли пять армейских грузовиков, мимо которых сновали туда-сюда бойцы в разномастном камуфляже, в старых советских касках, с «калашами». Закидывали в кузовы ящики, заливали бензин из канистр, копались в капотах. С интересом поглядывали на нас.

Нас привели ко входу на станцию: над облупившейся железной дверью висела покосившаяся надпись «Недельное Главная».

Парень, который назвал себя Крюком, сказал нам стоять и ждать, а сам пошел внутрь.

Спустя пару минут к нам вышел энергичной походкой крепкий, высокий, подтянутый мужчина в черной рубашке, с короткими седыми волосами и в стильных темных очках. Улыбнулся, протянул мне руку, пожал крепко и коротко.

— Я Стариk, — сказал он. — Хорошо, что вы пришли. Сегодня будет весело и страшно. Обещаю.

* * *

ПРОПОВЕДЬ СТАРИКА

(расшифровка радиоэфира от 26.09.1993)

Привет, печальные жители Покрова-17. Я Стариk, и это моя последняя проповедь вам.

Мы дождались всех, кого могли. Остальные — простите. Вы сами не захотели спастись. Больше мы никого не ждем.

Мы идем на прорыв сегодня по двум причинам.

Первое — в Покрове-17 более нельзя оставаться. Тьма, породившая это проклятое место, обрела волю и плоть. Она уничтожит здесь всё живое. Ждать и терпеть больше нельзя.

Второе — мы нужны нашей стране. Мы должны быть сейчас в Москве, среди защитников Дома Советов. Мы обязаны защитить нашу Родину от воров и убийц, которые собираются разграбить ее и распродать по кусочкам, обрекая наш народ на смерть и нищету. Если мы не сделаем это, в Покров-17 превратится вся страна и эта тьма будет страшнее, чем то, что происходит здесь.

Может быть, именно наша горстка отчаянных сумасшедших станет той каплей крови, которая склонит чашу весов Истории на правильную сторону.

Но мы не хотим лишнего кровопролития. Сначала мы мирно подойдем к блокпосту и попросим пропустить нас. Но мы готовы к столкновениям. Готовы ко всему.

Мы не убоимся. Мы казнили свой страх. И будь что будет — мы уже победили.

И когда сама Смерть взглянет на нас своими пустыми глазницами, когда ядовитое жало ее нависнет над головой, когда оскалит она гнилую свою усмешку, мы скажем ей: «Да».

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

*Из книги Андрея Тихонова «На Калужский большак»
26 декабря 1941 года, поселок Недельное*

Грохнуло прямо над головой, тряхнуло, посыпалась со сводов кирпичная крошка. Замолк на колокольне пулемет — его разнесло прямой наводкой. Осмевшие немцы подбирались всё ближе.

Храм, в котором засели бойцы, остался последним рубежом, связанным с остальными частями дивизии узкой пропстреливаемой улицей. Но пополнить силы было уже невозможно. Всё, что оставалось — оттягивать отход до последнего, чтобы основные силы могли передислоцироваться для контратаки.

Вместо Кричевского оборону церкви возглавил командир роты автоматчиков Ковтунов.

Еще один танковый снаряд проломил дыру в стене, и завалило кирпичами лейтенанта Старцева. Его вытащили из-под груды обломков с раздавленной грудной клеткой и окровавленной головой, он тяжело дышал.

Селиванов, Игнатюк и Максимов потащили Старцева за полы шинели к центру храма, навстречу солдатам с носилками. Но еще один танковый залп, ударив по стене, сбил их с ног, поднял столб пыли, засыпал крошкой.

Когда развеялся дым и пришли в себя, Старцев уже не дышал.

— Твою мать! — в сердцах заорал Максимов. — Нас всех тут положат, что ли?

Селиванов не ответил. Его тошнило, сильно кружилась голова. Он попытался встать в полный рост, но тут же пошатнулся и сел на пол, чтобы не упасть. Бессмысленно посмотрел перед собой: всё смазывалось вязким туманом, кружилось и мельтешило. Рядом что-то орал Игнатюк — кажется, ему, Селиванову, да, точно, ему.

Не дождавшись ответа, Игнатюк подхватил Селиванова под руку, подобрав его винтовку, и потащил в глубь храма.

Снова удар снаряда. Оба упали на пол.

Когда вернулась способность слышать, Селиванов понял, что немцы уже подобрались к церкви: совсем рядом трещат их автоматы, сухим лающим голосом звучат команды на немецком.

Селиванов и Игнатюк залегли за рухнувшей колонной, выставили вперед винтовки. Рядом засели еще трое бойцов.

— Максимов где? — вспомнил вдруг Селиванов.

Ведь только что был рядом.

Снова громыхнул снаряд, стены пошли ходуном.

— Не знаю... — запыхавшись, сказал Игнатюк. — Да черт!

И показал пальцем вперед.

Максимов, раскинув в стороны руки, лежал лицом вверх в пяти шагах от того места, где бросили мертвого Старцева.

Только Селиванов и Игнатюк остались из всего отделения.

Немцы подошли вплотную к разбитым окнам. Крепко прижали огнем, заставили бойцов сгруппироваться в глубине храма.

— Приказ отходить!.. Отходить! — ревел кто-то сзади.

Наконец-то, подумал Селиванов.

Но немцы поливали огнем со стороны окон так, что даже не поднять голову. Селиванов обернулся: остальные бойцы уже

отходили в дальний конец храма, где через двор и узкую улицу можно было добраться до основных сил.

— Ну давай-давай! — крикнул ему Игнатюк. — Отходим!

Высунулся, встал на колено, пальнул из винтовки в сторону немцев, а потом вдруг согнулся пополам и завалился на пол.

Селиванов подполз к нему.

Игнатюк выл от боли, с силой скав зубы. Винтовка выпала из его рук, он крепко держался окровавленными ладонями за живот.

— Ох ты ж... — сказал Селиванов. — Как они тебя... Давай, сейчас дотащу до остальных, ты, главное, не отключайся.

Стараясь не поднимать голову, повесил винтовку на плечо и ползком потащил Игнатюка к своим. Над головой свистели пули, ударялись о стены, совсем близко лаяла немецкая речь.

Игнатюк стонал и бредил.

— Я ж помру тут, братец, совсем помру, господи, крышка мне, совсем крышка, кранты, понимаешь?.. — бормотал он, а потом опять приглушенно стонал.

— Не ссы, боец, — говорил Селиванов. — Сейчас до медсанбата дотянем, будешь как новенький, понял? Мы всех потеряли, не хватало еще чтобы и ты тут... Прорвемся!

Опять громыхнул снаряд по стене, присыпало крошкой и штукатуркой.

— А-а-а-а! — взревел Игнатюк. — Как больно, твою ж мать, как больно!

Еще сильнее затошило Селиванова, кружилась голова, и всё вокруг сливалось в туманный калейдоскоп, и темнело в глазах. Значит, контузия, подумал он, точно контузия. Ничего, добраться бы и Игнатюка дотащить...

Игнатюк кричал от боли. Еще бы, думал Селиванов, пуля в животе...

Опять потемнело в глазах.

Совсем низко над головой засвистели пули, и вдруг резкой болью ударило в руку, которую он выставил, чтобы проползти вперед, прошлое насквозь запястье, раздробило кость.

Селиванов вскрикнул и инстинктивно прижался к Игнатюку, не зная зачем, и понял, что обе его кисти в крови и сам он ползет по полу, вымазанному кровью.

Стало ясно, что так они никуда не доползут.

Селиванов, скав зубы от боли, заполз за груду обвалившихся кирпичей и затащил следом Игнатюка. Расстегнул ремешки каски и снял, потому что сползала на лоб и мешала видеть. Привалился головой к развалинам, посмотрел на Игнатюка. Его лицо исказилось от боли, он мелко дрожал и хныкал.

— Как больно, — стонал он.

— Ничего, — запыхавшись, говорил Селиванов. — Прорвемся. Прорвемся обязательно, куда ж денемся. Прорвемся...

Реже звучали выстрелы. Немцы осторожно входили в храм.

— На стены глянь, — слабеющим голосом прошептал вдруг Игнатюк.

— Что? — переспросил Селиванов, не рассышав.

— Посмотри.

Лицо Игнатюка, белое как снег, покрылось каплями пота, и еле заметно шевелились губы.

— На стены, говорю, — повторил он чуть слышно. — Помнишь, стояли тут тогда... Говорили еще, немцев из божьего дома прогнали.

Селиванов с трудом приподнял голову и увидел святых на облупленных, обожженных, оцарапанных пульми фресках.

Да, он вспомнил их.

— Нарисовать бы их, — шептал Игнатюк. — Я до войны художником хотел стать... Да рисовать не умею.

Силуэты казались абсолютно черными, они пропадали прозрачными тенями сквозь стены, и их головы окружали красные нимбы.

Они двигались.

26 сентября 1993 года

*Закрытое административно-территориальное образование
«Покров-17», Калужская область*

— А я вас иначе представлял, — сказал мне Стариk, заводя нас в свой кабинет на втором этаже.

Впрочем, это место походило скорее на тусовочную квартиру, где собирались пьяные панки и художники, я видел такие в Ленинграде: плакат Sex Pistols на стене, заваленный окурками подоконник, гитара в углу, десяток пустых бутылок под столом...

Выбивались из общего ряда только карта местности на столе и пара автоматов на потрепанном кожаном диване.

У подоконника курил, сгорбившись на табурете, худощавый парень в очках, с пышными волосами до плеч и короткой бородкой, в залихватской куртке-косухе. Увидев нас, он лениво махнул рукой и приветливо улыбнулся Капитану. Тот кивнул ему в ответ. Кажется, они были знакомы.

Полковник неодобрительно осмотрел кабинет и вздохнул.

— Я тоже представлял вас иначе, — сказал я. — Думал, вы и правда старик.

— Что поделать, — ответил он. — Я в жизни столько уже по-видал, что можно и стариком себя считать. Так что, вы с нами на прорыв? Решились-таки?

И замолчал, склонился над картой, погрузился в свои мысли.

— Прорыва не будет, — сказал Капитан.

Стариk не отвечал. Он рассматривал карту. Потом, будто не расслышав, переспросил у Капитана:

— Что-что?

— Прорыва не будет, — повторил он.

— Ты сюда для этого пришел? — улыбнулся Стариk, и глаза заблестели под его очками. — Я-то думал... Извини, но ре-

шение окончательное. Сам видишь, что творится. Или сейчас, или никогда.

— Вас всех перестреляют, — сказал я.

Старик пожал плечами:

— Может, перестреляют. А может, и нет. Жизнь такая.

Полковник деловито кашлянул, без разрешения уселся на табурет возле стола и сказал Старику:

— Крутой ты вояка. Готов просто так положить своих людей? Себя не жалко, хотя бы их пожалей. Они в тебя поверили. А ты? Сам же знаешь, чем всё закончится.

— Вас, кстати, надо было пристрелить, — сказал Старик, не обращая внимания на его слова. — Почему не пристрелили? Ах да, я же сказал не стрелять...

Капитан подошел к Старику почти вплотную, положил руку ему на плечо и сказал тихо:

— Послушай. Прорыва не будет.

— Да что ты заладил? — Старик недовольно скривил лицо.

Тогда Капитан показал пальцем на меня и сказал:

— Он действительно тот, о ком мы думали.

Старик посмотрел на меня ошалевшими глазами, будто только что увидел мое лицо впервые. Поправил очки на носу, взгляделся в лицо, недоверчиво приоткрыл рот.

— Ты серьезно? — спросил он Капитана, не отводя взгляда от меня.

— Абсолютно.

Я ничего не понимал.

— Что? — спросил я. — Кто еще... О ком вы думали?

Старик по-прежнему смотрел на меня и явно не верил своим глазам.

Тощий волосатый парень в косухе, куривший у подоконника, тоже не отрывал от меня взгляд.

Капитан достал из внутреннего кармана кителя несколько сложенных листов бумаги, дал Старику: тот расправил их и принялся читать. Капитан сразу указал ему пальцем в нужные места.

— Вот тут. Видишь? Всё совпадает по времени. Он исчез там и спустя полтора часа был у кордона. Катасонов в институте о чём-то догадывался, но у него не было информации, которой владел я, он просто не мог сложить два и два...

Старик тяжело вздохнул, сложил бумаги, опять взглянул на меня, и взгляд его был ярким и колючим.

— Игорь, спустись к ребятам, — сказал он длинноволосому парню. — Пусть притормозят.

А потом уселся на диван, закинул ногу на ногу, усмехнулся и сказал мне:

— Вот я и увидел человека, который создал Покров-17.

* * *

Я никогда не сомневался в своем существовании.

Да и с чего бы вдруг? Нет, конечно, в последние годы стали модными разнообразные квазирелигиозные течения, отрицающие бытие, приобрел популярность буддизм и особенно дзэн, Гребенщиков распевает мантры, книжные полки завалены Кастанедой... Появился недавно, к слову, еще один модный русский писатель, вдохновляющийся буддизмом и Кастанедой, забыл его фамилию, но не суть.

А суть в том, что меня зовут Андрей Васильевич Тихонов, я родился 26 декабря 1941 года в Москве, и я существую.

Военные годы я совсем не помню. В сорок пятом отцу дали хорошую должность в Метрострое, он работал там инженером, строил столичную подземку.

В послевоенные годы, бывало, голодали, отцовской зарплаты иногда не хватало на базовые потребности, мать устроилась работать поварихой в общепит.

В школе учился не то чтобы на отлично. По математике, геометрии, физике и химии — тройки. По русскому, литературе и истории — пятерки. От физкультуры освободили из-за астмы,

по этой же причине не попал в армию. Забавно: астма практически прошла, когда в двадцать лет начал много и обильно курить. А «белый билет» остался.

После школы поступил на журфак МГУ. Матери это не нравилось: говорила, что лучше бы нашел «нормальную мужскую профессию». Отец возражал, вспоминая военкоров «с лейкой и блокнотом». Потом он до самой смерти выписывал все газеты, где я работал, и был одним из первых моих читателей.

На студенческой практике работал в разных газетах подмосковных городков, писал про высокие надои и уборку озимых. Потом выпустился и устроился в «Науку и технику».

Шестидесятые — моя молодость, моя жизнь, моя надежда. Я летал с геологами в Заполярье, писал о космосе, общался с молодыми учеными. Взял интервью у Германа Титова. А в шестьдесят седьмом увидел живого Гагарина. Это был самый счастливый день в моей жизни.

Мы были поколением свидетелей чуда. Мы видели волшебство, которое наша страна подарила миру.

В шестьдесят восьмом удалось устроиться в «Советскую Россию». Стал меньше писать о науке, больше — о культуре. Дружил с актером театра на Таганке, который знал Высоцкого. Всё обещал познакомить. Не срослось.

В семьдесят пятом умер отец. Спустя три года — мать.

Я嘗試edся жениться и завести семью. Не вышло.

Решил, что это не для меня, и занялся литературой. Пару рассказов опубликовали в «Новом мире», еще один в «Октябре».

В 1980 году я начал работать в «Комсомольской правде» и параллельно писать роман. Я даже называл его с большой буквы — Роман. Назывался он «Чудовище внутри», и это была фантастика в духе какого-нибудь Шекли или Азимова — по крайней мере, мне нравилось так думать. Сейчас понятно, что это называется модным нынче словом «трэш».

А спустя пару месяцев после выхода романа в свет (о, как я был горд!) вдруг увидел в гостях фильм на заграничном видеомагнитофоне. Он назывался «Чужой» и в общих чертах почти повторял основную идею моей книги...

Что-то ударило в голову, и решил уйти от фантастики. Захотелось написать роман о войне.

И почему-то понравилась идея написать книгу о боях за поселок Недельное, чтобы главный герой погиб именно 26 декабря 1941 года — в день моего рождения.

Зачем я так решил?

Не знаю.

Но я стоял перед Стариком в его кабинете на железнодорожной станции Покрова-17 и не понимал, что происходит.

Нет, я не усомнился в своем существовании, это было бы слишком глупо, да и, в конце концов, вот он — я, и я есть, у меня есть мысли и воспоминания; я существую *в любом случае*.

Вот это «*в любом случае*» вдруг и ударило по голове ярким осознанием.

Стало отчетливо ясно одно: я не принадлежу себе.

И никогда не принадлежал.

* * *

— Чтобы победить страх, нужно узнать, кто ты есть на самом деле, — сказал Старик, закуривая сигарету.

Я тоже закурил. Мысли роились в голове, клубились туманом, сталкивались друг с другом и разлетались в разные стороны. Закружила голова. Я отложил в сторону автомат и присел на диван рядом со Стариком.

Капитан взглянул в окно: на площади перед станцией болтали о чем-то бойцы «Прорыва» рядом с грузовиками.

— Эта похоронка, — сказал мне Капитан. — Извещение о гибели красноармейца Селиванова 1921 года рождения. Это я ее

вам тогда принес. В институте есть специальные очки ночного видения, они называют их «темновизоры». Я использовал их, чтобы немного, скажем так, подготовить вас...

— Вы были уверены, что придумали красноармейца Селиванова, — продолжил за него Стариk. — А он существовал в реальности.

— И погиб в день вашего рождения в бою за храм, — Капитан указал на меня пальцем. — Здесь, в Недельном. В Покрове-17. Вы уже поняли, что на самом деле спрятано под защитным куполом Объекта?

— И что такое «Объект-1Б»? — добавил Стариk.

— Точнее *кто*, — сказал Капитан с улыбкой.

Полковник слушал их, глядя то на Старика, то на Капитана, то на меня.

— Ни хрена не пойму, — сказал он. — Как всё это связано? Ладно, тут было село Недельное, были бои за этот храм, в котором погиб Селиванов. Наш писака придумал об этом книгу. Он был уверен, что выдумал Селиванова, а тот существовал в реальности. Как из этого следует, что он создал Покров-17?

Стариk встал с дивана, затушил окурок в банке, открыл шкафчик, достал из него толстенную папку с бумагами, завязанную тесемками. Положил ее на стол, размотал, покопался в бумагах и выудил маленькую, сильно потертую временем красноармейскую книжку.

— Вот, — сказал он, вручая ее мне. — Посмотрите.

Я открыл книжицу.

Это была красноармейская книжка Селиванова Василия Георгиевича, уроженца Ленинграда, ул. Моховая, д. 32.

238-я стрелковая дивизия, 2-й батальон 837-го полка...

А на помутневшей темно-желтой фотографии — я в двадцать лет.

На улице протяжно взвыли сирены. Сильный запах дегтя ударил в нос.

Полковник встревоженно обернулся. Но Стариk даже носом не повел. Он и Капитан всё так же смотрели на меня. Они чего-то ждали.

Меня затрясло мелкой дрожью. Фотография перед глазами стала темнеть, а потом начали расплыватьсь буквы в документе.

— Хватит, Андрей Васильевич, — сказал вдруг ровным голосом Стариk. — Прекратите это.

Я непонимающе поднял на него глаза.

Сирены не смолкали, звук их был невыносим, и густо темнел кусок неба за окном.

— Ч-что прекратить? — спросил я заплетающимся языком.

— Это, — сказал Капитан.

Я не понимал. Он захотел, чтобы я прекратил темноту? Да как я могу...

— Вы можете это сделать, — сказал Стариk, точно услышав мои мысли. — Надо просто победить страх. Вы знаете, кто вы. Вы сможете победить его.

— Темнота — это страх смерти, — сказал Капитан. — Это еще одно сердце Покрова-17.

Я снова взглянул на фотографию. Она чернела, покрываясь густой тенью, но это всё еще был я в двадцать лет.

Двадцатилетний я. Студент журфака МГУ.

Невозможно.

— Не могу! — крикнул я.

Страх заползал скользкой многоножкой под затылок, опутывал щупальцами позвоночник, и дрожало сердце от его холодного дыхания. Ревели сирены, и мир вокруг покружился в темноту.

— Господи...

Я тяжело дышал. Пересохло во рту.

— Не могу! — кричал я, не узнавая собственный голос.

По лицу текли слезы.

Окрасилось густой чернотой небо за окном, померк свет в кабинете, и от лиц людей вокруг оставались только смазанные очертания.

Старик в два шага оказался возле дивана, встал передо мной и со всей силы ударили меня кулаком в лицо.

— А ну не ссать! — проревел он над моим ухом. — Встать! Встать и сражаться!

И стал хлестать меня ладонью по щекам.

— Не ссать! — повторил он резким криком. — Вставай! На позиции! Приказа отступать не было!

Присел передо мной — так, что я не видел уже ничего, кроме его искаженного злобой лица и темноты в его очках. И крикнул:

— А ну-ка встать, боец Селиванов!

Я резко поднял голову и вдохнул воздух, как тонущий, которого вытащили из воды. Широко открыл глаза.

Весь мир на секунду остановился.

И всё закончилось.

Перестали реветь сирены. Исчезли тени на лице Старика. Так же, как раньше, ровно горел свет в кабинете.

И за окном — светлое, слегка пасмурное осеннее небо.

Старик встал, сунул руки в карманы, посмотрел в окно.

Капитан обеспокоенно оглядел всех присутствующих и тихо сказал Старику:

— Ему совсем плохо. Выдели ему комнату, пусть отдохнет несколько дней. Придет в себя, осознает всё, почтает документы. А потом поедем на Объект и закончим все это.

* * *

ИЗ ПИСЬМА СТАРШЕГО НАУЧНОГО СОТРУДНИКА НИИ
АНОМАЛЬНЫХ СВЕТОВЫХ ЯВЛЕНИЙ КАТАСОНОВА А. Е.
ДИРЕКТОРУ ИНСТИТУТА Юферсу Е. Г.

Товарищ Юферс! Я неоднократно просил, чтобы вы обратили внимание на итоги моих исследований, но вы отказывались. Я вынужден зафиксировать это в письме, чтобы при

случае отправить дубликат в вышестоящие инстанции. Не забывайте, перед кем отвечает Институт за результаты изучения Покрова-17.

Да, я прилюдно обвинил вас в узколобости, в непонимании назревшей необходимости расширить границы научного познания. Вы цепляетесь за устаревшие догмы, как церковник. Вы думаете, что в мире есть только то, что вы можете представить с точки зрения существующей науки; но разве же само существование Покрова-17 не говорит об обратном? Или вы привыкли к тому, что всё здесь само собой разумеется? Тогда вы не ученый, вы партийный функционер, вот какой вы ученый.

Вы раскритиковали мою теорию о множественности миров как основополагающего механизма существования этой аномалии. Меж тем теорию Мультивселенной сейчас активно изучают ведущие западные специалисты, и закрываться от этих идей бессмысленно. Веками, тысячелетиями развитие науки строилось именно на том, что люди пытались смотреть дальше, чем могут. Заглянуть в неизведанное, представить себе: а что там, за горизонтом нашего познания?

А вы даже и не пытаетесь. Вы назвали мою теорию бредом, не ознакомившись с аргументами.

И если бы дело было только в том, что это какие-то совсем новые теории! Но ведь о том, что любой возможный мир может быть реализован, писал еще Лейбниц.

«Каждая ветвь растения, каждый член животного, каждая капля его соков есть опять такой же сад и такой же пруд».

Что является возможностью, а что действительностью? Это зависит только от того, в каком мире находимся сейчас мы. То, что является действительностью для нас, может быть возможной вероятностью для другого мира. Ровно так же обстоит дело и наоборот.

И факты говорят нам: единственно разумное объяснение аномалии Покрова-17 — в том, что Объект-1 расположен ме-

жду возможностью и действительностью. На стыке миров, если хотите.

Как это возможно? У меня нет научного обоснования, признаю. Но всё складывается один к одному. Покров-17 создан Объектом-1Б.

Но когда я изложил вам эту теорию, вы запретили мне проводить какие-либо дальнейшие эксперименты с Объектом-1Б.

Я всё равно постараюсь убедить вас. Прошу принять меня в ближайшие дни в вашем кабинете. У меня есть небольшой подарок — бутылка доброго армянского коньяка, который мне привезли по большой дружбе с Большой земли.

*Ст. научный сотрудник
КАТАСОНОВ А. Е.
20 июля 1993 г.*

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

4 октября 1993 года

*Закрытое административно-территориальное образование
«Покров-17», Калужская область*

Шел солдат, упал солдат
В желтую траву,
В бесконечный звездопад,
В сказку наяву.

И тогда пришел за ним,
Бел и шестикрыл,
Многоокий серафим
И заговорил.

Говорит: «Ты будешь сном,
Будешь тишиной,
Будешь ночью, будешь днем,
Небом и луной,

И глаза твои чисты,
И лицо черно.
Я принес тебе цветы —
Так заведено.

Спи, солдат, как спят в ночи
Горы и холмы,
Спи спокойно и молчи,
Стань таким, как мы.

Спи, солдат, как спит река,
Спи, как тень и прах,
Спи, как лодка рыбака
Дремлет на волнах,

Уподобившись нулю,
Станешь нам, как брат».«Я не сплю, не сплю, не сплю», —
Говорит солдат.

Эти стихи я перечитываю, когда еду в автобусе до Покрова-17. На базе «Прорыва» я провел неделю. За это время я перечитал все документы в толстенной папке, которую дал мне Старик. Среди них были и эти стихи, написанные от руки на по желтевшем листке, вырванном из тетради. Это стихи, которые начинал писать в своем блокноте боец Селиванов, а потом они обнаружились в ходе одной из экспедиций под купол Объекта. Будто сам Покров-17 дописал их за него.

Первые дни проходили в полубреду. Я пытался осознать происходящее, почти не ел, много спал, много курил. Видел тяжелые, злые, муторные сны.

Потом стало немного легче. Я вчитывался в документы и понимал всё больше.

Мое прошлое, мое сознание, мой разум — я всё никак не мог отпустить это. Всё существовало в реальности, но сама эта реальность оказалась чем-то другим.

Утром 4 октября на базу пришел Капитан. Он раздобыл в институте прибор ночного видения и костюм защиты для меня. И сказал, что пора.

Старик и Полковник поехали с нами.

Наш автобус — ржавый трясущийся УАЗ-«буханка». За рулем небритый сорокалетний мужик в потасканном камуфляже, на его коленях укороченный автомат Калашникова. Водитель нервничает и покусывает нижнюю губу, потому что хочет курить, но отвлекаться от дороги нельзя.

Кроме меня и водителя в автобусе еще трое. Это Старик, Полковник и Капитан. Они тоже в камуфляже и с автоматами, в черных вязаных шапках. У них уставшие лица. Они не смотрят на меня. Я не смотрю на них.

У меня тоже автомат. Я научился им пользоваться. Это оказалось очень просто.

По радио, прорываясь через скрипучие помехи, играет Анжелика Варум. Ах, как хочется вернуться, ах, как хочется ворваться в городок...

Водителю, видимо, не нравится эта песня, и он поворачивает ручку приемника. Гнусавый диктор говорит, что возле Дома Советов возобновилась стрельба. Прямо сейчас танки ведут прицельный огонь по верхним этажам здания. Внутри продолжается пожар. Слышны автоматные очереди. Счет раненых идет на десятки.

Водитель хмурится и выключает радио. Теперь ему хочется курить еще больше.

Кажется, в Москве всё идет к концу.

По окну автобуса стекают капли дождя, за стеклом серое небо и грязно-желтое поле. Впереди город. Я укутываюсь в шарф, потому что из окна дует прямо в шею. На распоротой кожаной обшивке сиденья прямо передо мной нарисованы черным фломастером серп, молот и звезда.

Я надвигаю на лоб шапку, чтобы никто не видел, во что я превращаюсь. Это не самое приятное зрелище. Хотя всем, конечно, плевать, потому что все уже давно это знают. Даже мне наплевать. Просто я не хочу лишний раз думать об этом.

Мои глаза скрывают темные очки, чтобы никто не видел, что с ними происходит. На мне грязная солдатская куртка

с длинными рукавами, в которых можно прятать кисти рук. Я потолстел, хотя почти не ем. Мне удалось сохранить рассудок, но можно ли это назвать рассудком?

Я закрываю глаза и вспоминаю, как выходили из утреннего тумана черные тени с красными нимбами, как приближались ко мне, не переставляя ног, будто картонные силуэты, влекомые ветром. Они обступают меня со всех сторон. У них нет лиц, но я знаю, что они смотрят на меня.

Я знаю, что со мной происходит, и делаю только то, что теперь имеет смысл.

За эти дни я узнал о Покрове-17 почти всё, что хотел. Почти всё. Теперь надо узнать самое главное.

Поэтому я еду из Покрова-17 в Покров-17 и перечитываю стихи.

Я понял одну важную вещь о моей книге. Всегда казалось, что в этой героической сказке о великой войне нет ни слова правды. Это не так.

Эта книга — самое правдивое, что я когда-либо писал.

Кажется, благодаря ей начинаю понимать, кто я на самом деле.

Я еду из Покрова-17 в Покров-17, чтобы добраться до Объекта и поставить точку.

Я знаю, как победить смерть.

Меня зовут Василий Селиванов.

* * *

Из книги Андрея Тихонова «На Калужский большак»

26 декабря 1941 года, поселок Недельное

— Ну что, помирать так с музыкой, да? — сказал Селиванов Игнатюку.

Игнатюк не отвечал. Он прикрыл глаза и тяжело, хрипло дышал, время от времени всхлипывая от боли. Он умирал.

Селиванов проверил магазин винтовки — пусто. Глянул в подсумки. Патроны кончились.

С дальнего конца храма всё еще стреляли наши автоматы: немцев не хотели просто так пускать в отвоеванное здание. Фрицы входили в храм осторожно, простреливая дальние углы, укрываясь за обломками стен. Шаг за шагом.

Селиванов осмотрелся по сторонам, и опять зашумело в ушах, потемнело перед глазами. Весь мир вокруг проваливался в непроглядную черноту, и с трудом шевелились мысли в голове.

Как же так угораздило контузиться, мать его, подумал он.

А когда темнота рассеялась, он увидел, что в сторону их укрытия, пригнувшись, бежит высокий немец в серой шинели, с MP-40 наперевес. И из-под его каски выбиваются белокурые локоны.

Пока он не видит их. Пока...

Еще пятеро продвигались гуськом за ним, время от времени постреливая вдаль и по сторонам.

Перебрасывались короткими фразами на немецком.

Значит, помирать так с музыкой, подумал Селиванов, и правда. Вот он, момент истины. Вот он, значит...

Вздохнул тяжело, вытащил финский нож из сапога, прижался всем телом к груде камней, выжидал.

И когда немец с автоматом поравнялся с укрытием, Селиванов резко подскочил к нему, схватил его за ногу, дернул на себя: от неожиданности тот потерял равновесие и с криком рухнул навзничь, ударившись каской о пол.

И в последнем рывке, крепко скав зубы, рыча и хрюпя, Селиванов с силой всадил финку ему в грудь.

Увидел его светло-голубые глаза прямо перед собой.

Перехватил его автомат из слабеющих рук и, не глядя, пустил очередь по немцам.

И заорал страшным, истошным, животным воплем.

Прострекотало грохочущим ливнем, ударило прямо в грудь, отбросило на пол, отдалось жгучей болью под сердцем.

Кровь пошла горлом, потемнело перед глазами, и сошли со стен черные тени с красными нимбами.

И мысль мелькнула в голове, непонятно откуда, непонятно почему, непонятно как: *спаси и сохрани*.

* * *

ПРИКАЗ

*временно и. о. директора НИИ аномальных световых явлений
КАТАСОНОВА А. Е.*

Согласно поступающим сведениям, А. Т. этой ночью подъедет к территории Покрова-17 со стороны блокпоста № 3. Исследовательской группе безотлагательно приступить к финальной стадии эксперимента с Объектом-1Б и А. Т.

Со стороны вооруженных сил руководство группой захвата возложено на полковника ТРОИЦКОГО И. Г.

А. Т. должен оказаться под куполом Объекта-1 как можно быстрее. В качестве триггера, запускающего механизм перехода (см. приложение), использовать майора милиции, старшего оперуполномоченного ДЕНИСОВА И. В. Ему будет дано указание от Троицкого сопроводить А. Т. на территорию Объекта, где произойдет эксперимент. Всё должно быть подстроено идеально: А. Т. должен самостоятельно нанести удар, в противном случае триггер не сработает.

После этого отвезти А. Т. в район блокпоста № 3, развернуть автомобиль, покинуть место проведения операции и ждать дальнейших указаний.

Полковник Троицкий в курсе операции. РАЗУМЕЕТСЯ, Денисов ни в коем случае не должен знать о ее деталях. Непосредственное руководство Денисова в лице полковника КАМЕНЕВА тоже не должно ничего знать.

Приписка от руки: дорогой тов. Доценко, ваши возражения по поводу аморальности этой операции не принимаются.

Иногда приходится идти на жертвы, и другого выхода нет: переход Объекта-1Б в А. Т. возможен ТОЛЬКО при воздействии мощнейшего психоэмоционального триггера, повторяющего последние секунды жизни Объекта-1Б. Денисов — единственный кандидат в силу своего внешнего сходства с погибшим. Другого шанса НЕ БУДЕТ. Не рефлексируйте, приступайте.

КАТАСОНОВ

20.09.1993

* * *

4 октября 1993 года

*Закрытое административно-территориальное образование
«Покров-17», Калужская область*

Чем дальше мы заезжали в центр Покрова-17, тем больше было на улицах ширликов, как в тот раз, когда мы ехали с Полковником в Институт. Вели они себя нагло и самоуверенно, кидались под колеса, прыгали на крышу, бегали за автобусом, рыча, урча и улюлюкая. За всю поездку мы не увидели ни одного человека — видимо, все попрятались.

Проехали отделение милиции, выехали к институту, вырулили на дорогу к Объекту.

— Совсем взбесились, — сказал Полковник, поглядывая на скачущих по тротуару ширликов.

— Чуют что-то, — ответил Старик. — Чувствуют, что скоро всё кончится. Они всё чувствуют. Придется пострелять.

Капитан сидел и молчал, погруженный в свои мысли.

Я глядел в окно и думал обо всем, что произошло со мной за эти дни.

— Я тут подумал, — сказал вдруг Старик, глядя в пол. — А вдруг Покров-17 — это не только посмертие бойца Селива-

нова. А посмертие целой страны. Ад, в который попала наша эпоха. И мы в этом аду. И мы сами ад.

— В каком-то роде, может быть, — пожал плечами Капитан. — Наверное, в каком-то метафизическом смысле так и есть.

— Тут нет ничего не метафизического, — усмехнулся Старики.

Полковник улыбался, слушая их диалог. А потом снял перчатку со своей руки, и я увидел, что кисть его превратилась в перепончатую лапку рептилии, покрытую блестящими чешуйками, с длинными желтыми когтями.

Каменев осмотрел ее, показал остальным.

— Мне даже нравится, — сказал он. — Чесаться удобно.

Мы подъезжали.

Бетонное укрытие Объекта выглядело огромным серым монолитом — грязным, в пыли, со ржавыми кусками арматуры, торчащими из наспех сделанных швов, с черными следами от дождей.

Чтобы проехать к Объекту, пришлось протаранить автобусом ворота в высокой железной стене с колючей проволокой.

Проехав еще пару десятков метров, мы остановились и вышли из автобуса перед огромной железной дверью с кодовым замком.

Мы в самом центре Покрова-17. Вот он, Объект.

Тот самый. Место, где всё это началось.

Капитан огляделся по сторонам. Недовольно нахмурился.

— Ширлики, — сказал он. — Много их тут. Вон, в траве прятутся, ждут всё чего-то...

Действительно, вокруг нас медленно, боязливо собирались уродливые ширлики, прячась в высокой траве. Наверное, они думали, что их не видно. Тупые уродцы. С огромными свиными пятаками, с жиденькими бородками, жирные, худые, с тараканьими усиками, с ослиными ушами и бараньими рогами...

Капитан, Старики и Полковник оттеснили меня ко входу, встали вокруг, передернули затворы автоматов.

Я стоял перед воротами, держа в руке чемодан с темновизором и защитным костюмом.

— Давай, — сказал полковник. — Не ссы. Всё получится.

Старики подмигнули мне и усмехнулся в бороду.

— Если ты всё сделаешь правильно, мы исчезнем, — сказал он. — И ширлики исчезнут, и тени, и институт. Всё это исчезнет к чертовой матери. Сделай это.

— Вы всё помните, — сказал Капитан. — Вперед. Закончите это всё.

Я подошел к кодовому замку, набрал: 26121941.

Медленно, с лязгом и громыханием отворилась проржавевшая дверь.

Я вошел внутрь.

Зашевелились в траве ширлики, злобно зашипели, стали быстро ползти в нашу сторону.

Капитан дал очередь в воздух. Ширлики на секунду замерли, а потом снова поползли.

— Закрывай! — крикнул мне Старики.

Я дернул рычаг, закрывающий дверь.

Последнее, что я видел — как Старики, Полковник и Капитан прицельно палят по ширликам, окружающим их со всех сторон.

Дверь закрылась.

Снаружи приглушенно доносились выстрелы.

Что ж.

Пора.

Сейчас надо сделать всё по порядку.

И вот я открываю чемодан, накидываю общевойсковой защитный плащ, опоясываюсь, застегиваю обвес.

Достаю темновизор, совмещенный с защитным респиратором, надеваю его на голову, проверяя, не осталось ли зазоров.

Плотно подгоняю к лицу маску, поправляю окуляры.

Натягиваю резиновые перчатки.

Плотно застегиваю капюшон.

Вешаю автомат на плечо.

Нажимаю кнопку дезинфекции.

Спустя несколько минут дергаю рычаг, открывающий внутреннюю дверь шлюза. Она огромная и круглая, похожа на здоровенную шестеренку: она открывается медленно, со скрипом и лязгом.

Передо мной — сплошная чернота.

Поворачиваю ручку на темновизоре.

Щелчок, слабое жужжание — и теперь я могу видеть в этой тьме через окуляры. Всё выглядит смутно-зеленоватым, дрожащим в помехах, расплывчатым, нечетким; но я вижу, теперь я всё вижу, и я наконец-то здесь, под куполом Объекта.

Я вижу Объект.

Это разрушенный храм Покрова Пресвятой Богородицы. Стены его разбиты и наполовину обвалены, колокольня снесена ударом снаряда, под черными окнами — груды камней и кирпичной крошки.

А под ногами хрустит снег.

И сверху падает снег, появляясь из ниоткуда прямо под сводом укрытия.

Земля возле храма изрыта воронками, усыпана гильзами и осколками снарядов.

И лежат в развалинах мертвые тела. В советской и немецкой военной форме.

Вот в разбитой пристройке — красноармеец Пантелейев. Вот в сугробе у входа — старший лейтенант Кричевский, который так хотел стать капитаном. Вот сержант Громов на ступенях храма.

Медленно иду вперед.

Стелется под ногами черная дымка: это тела мертвцев, теперь я знаю: это убитые на войне вырабатывают вещество Кайдановского, которое струится из ран вместо крови и мгновенно испаряется.

Шаг за шагом приближаюсь к храму.

Страшно ли мне?

Нет.

Я делаю то, что должен.

Делаю шаг по разбитым ступеням. Еще один. И еще.

И на входе в храм вдруг вырастает передо мной страшная, бесформенная, истекающая черной слизью туша со щупальцами и паучьими ножками.

Раскрывает бездонный рот, выпускает смертоносное жало, и распутывается в его отвратительном брюхе тугой клубок щупальца.

Я поднимаю автомат и целись прямо в его рот.

И спускаю курок.

Чудовище дергается, брызгая слизью в разные стороны, щупальца его вздрагивают, оно кричит и рычит.

Я выпускаю в него весь магазин.

Тварь падает на ступени храма, теряет очертания и стекает жидким студнем под мои ноги.

Она сдохла.

Я иду по ее останкам и поднимаюсь в храм.

Вот он.

Здесь всё и произошло.

Вот лежит красноармеец Максимов, вот лейтенант Старцев, вот убитые немцы, вот еще несколько ребят.

Я иду под разбитым куполом, перешагиваю через обломки стен и груды кирпичей, через обвалившиеся колонны, через тела убитых.

И встают передо мной ровным строем черные тени с красными нимбами.

У них нет лиц, но я знаю, что они смотрят на меня. Они сошли с храмовых фресок и хранят тайну красноармейца Селиванова.

Мою тайну.

Я всё равно иду вперед.

И тени расступаются, пропуская меня к Объекту-1Б.

Пропуская меня ко мне.

В бледном луче света из пробитой снарядом дыры в куполе храма, в кирпичной крошке, в пыли и осколках снарядов лежит лицом вверх Василий Селиванов, крепко скав в руке MP-40, который он вырвал перед смертью у убитого немца.

От него поднимается в воздух черная дымка.

И в воздухе перед ним висит ружейная пуля.

Фриц валяется рядом, скорчившись, и из его груди торчит рукоять ножа.

И чуть поодаль — Игнатюк, умерший от болевого шока: лицо его искалено ужасной гримасой, открыты глаза, и он держится окоченевшими руками за живот, нелепо расставив ноги. Перед смертью Селиванов видел его боль. И эту боль я только что убил.

Я встаю перед мертвым Селивановым, перед пулей, зависшей над его телом: она летит прямо в его лицо.

Смотрю ему в глаза.

И теперь я знаю, что надо сделать, чтобы победить смерть.

Старик сказал, что если я сделаю это, всё исчезнет. Пропадет пропадом Покров-17, будто и не было его никогда; и не станет этой темноты, не станет заброшенного города, поросшего дикой травой, не станет пустых витрин и ржавых автобусных остановок; блокпостов, колючей проволоки и сторожевых вышек; не станет института, отделения милиции, базы «Прорыва»; не станет и самого «Прорыва», и Старика, и Полковника, и Капитана, которые отстреливаются сейчас там от ширликов, да и ширликов тоже не станет. Они просто во мгновение прекратят существовать.

До свидания, Капитан. Пока, полковник Каменев. Прощай, злой и упрямый Старик. Спасибо вам.

Исчезну и я: всё, чем я был и что я помнил, растворится в неизвестности. Так надо. Это и не было моим никогда. Я был

частью замысла, породившего Покров-17, и теперь сделаю то, что должно.

До свидания, писатель Андрей Тихонов. Спасибо тебе.

Я беру пальцами зависшую в воздухе пулью. Она сдвигается с трудом, будто выковыриваю ее из промерзшей земли.

Разворачиваю острым концом к себе.

И снимаю с лица темновизор.

Теперь я всё вижу.

Лучше, чем раньше.

Вижу, как разрывается огнем передо мной дуло винтовки, и это самое последнее, что видит солдат перед тем, как накроет его, уже окончательно, бесконечная всепоглощающая темнота — но нет больше никакой темноты, и хоть мне чертовски больно, господи, как же мне больно, но я кричу окровавленными губами, в последнем рывке, вытягиваясь всем телом, дожимая до конца спусковой крючок немецкого автомата.

Спи, солдат, как спит река. Спи, как тень и прак.

Свистят над головой пули.

И, сгорбившись, вдруг падает передо мной немец, готовый выстрелить прямо мне в лицо.

И те, кто шел за ним, с криками рассыпаются, прячась за укрытия.

Я делаю последний рывок и перекатываюсь за груду кирпичей, где лежит мертвый Игнатюк.

Снова пальба из глубины храма. Отстреливаются немцы из укрытий, трещат автоматные очереди, гремят винтовки, содрогаются стены от пушечной канонады.

Я уже ничего не вижу: кровь заливает глаза.

Спи, как лодка рыбака дремлет на волнах.

Больно, ужасно больно, кровь хлещет горлом, разрывается грудь.

Выстрелы. Крики. Топот ног.

И чья-то рука крепко хватает меня за ворот шинели.

*Уподобившись нулю, станешь нам как брат.
Я ничего не вижу.
Закрываю глаза.
Разницы нет.
«Я не сплю. Не сплю. Не сплю», — говорит солдат.*

ЭПИЛОГ

Санкт-Петербург

9 мая 2019 года

— Саш, ну ты там долго? Скоро пускать уже перестанут!

— Да, да, я уже подхожу, пришлось машину бросить...

Светлый и жаркий май, солнце играет бликами на стеклах Эрмитажа, огромная толпа человеческая, многоликая, разношерстная, и все такие разные — кто уткнулся в смартфон, кто делает селфи на фоне Александрийской колонны, кто нацепил советскую пилотку, кто посадил ребенка на плечи...

Саша с телефоном у уха пробирается через толпу и идет к трибунам, где уже собирались все. Пришлось бросить машину и натурально бежать к Дворцовой, поэтому он запыхался, ему трудно дышать, и пот заливает глаза.

Но надо успеть. Прямо сейчас начнут.

Здоровенная очередь перед металлоискателями.

Саша бежит к началу очереди, где стоят два милиционера в белых парадных рубашках.

— Молодой человек, вы...

Размахивает пропуском.

— Там дед мой! Вот, спецпропуск... Пятый канал. Опаздываю, товарищ лейтенант.

Полицейские смотрят недоверчиво на усталое, взрослое, небритое Сашиного лица.

— Ладно...

Так, трибуна под номером 2Б. Они должны быть там.

Господи, какая толпа!

Саша пробирается сквозь тесное скопление людей. Случайно кого-то толкнул, извинился. Услышал «извините» в ответ.

Даже никто не хамит.

Он очень любит этот праздник.

Но есть кое-кто, кто любит его еще больше.

Саша торопливо поднимается по ступеням, прорывается на навес трибуны.

Смотрит на площадь.

Всё уже готово к параду. Сейчас вот-вот загремит оркестр...

Черт, да где же они?

И вот он видит, как торчит из толпы лысая макушка отца, а рядом усаживается на скамейку дед. Улыбается во все зубы. На нем парадная форма, блестят ордена, совсем высохли руки — и, кажется, еще больше морщин прибавилось за эти полгода, что они не виделись.

— Дед! — кричит Саша.

Дед радостно узнает его. Кидается было со скамейки, но отец ласково придерживает за плечо.

Обнимаются крепко.

— С праздником тебя, дед! — говорит Саша.

— И тебя, и тебя... Устраивайся, тут на скамейке место, я подвинусь...

— Да ты что, сиди ты спокойно, постою.

— Что ж, ног у него нет, что ли, — усмехается отец, который успел уже приговорить с утра пару бутылок пива.

Сегодня можно.

Саша смотрит в телефон: 9:59.

— Всё, минута осталась. Дед, тебе видно? Всё норм?

Дед кивает, улыбается, вытягивает шею и оглядывает залитую солнцем площадь. В эту минуту он похож на счастливого ребенка в ожидании праздника.

Это его день. Этот парад — для него.

Подходят две чиновницы комитета по культуре с бирками организаторов, у них смешные пышные прически и строгие костюмы. Улыбаются.

— Так, вы на месте, а вы... Вам удобно?

Оглядываются. Приближаются к деду, Саше и его отцу.

— Так, а вы... Простите, напомните?

Дед с улыбкой щурится на солнце, поправляет фуражку и четко, по-военному отвечает:

— Селиванов Василий Георгиевич.

И гремит оркестр.

Июнь 2019 — август 2020

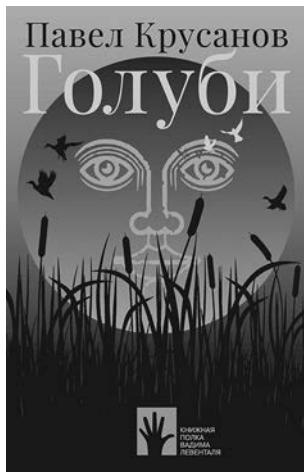
Санкт-Петербург

Оглавление

Пролог	7
Глава первая	11
Глава вторая	41
Глава третья	73
Глава четвертая	100
Глава пятая	121
Глава шестая	144
Глава седьмая	166
Глава восьмая	187
Глава девятая	211
Глава десятая	231
Глава одиннадцатая	250
Глава двенадцатая	268
Глава тринадцатая	282
Эпилог	296

Еще в серии «Книжная полка Вадима Левенталя»

ПАВЕЛ КРУСАНОВ
«Голуби»

Новая книга Павла Крусанова населена крохалями и пиздриками, катеньками и трехзенками, голавлями и лысухами, апионами и рамфусами, морфо и фринами, кого здесь только нет — вплоть до таких тварей, которым человеческий язык и вовсе не повернулся дать имен. А вот голубями здесь называют себя люди — люди, которые живут на данной им Богом земле, будто птицы, которых питает Отец их Небесный.

Еще в серии «Книжная полка Вадима Левенталя»

КИРИЛЛ РЯБОВ
«Никто не вернется»

Новый роман Кирилла Рябова посвящен тяжелой судьбе русской женщины: среди бытовой неустроенности, всеобщей энтропии и общего абсурда русской жизни главная героиня этой книги ищет личное счастье — ищет и находит. Но это не точно.

Интернет-магазин gorodets.ru

Еще в серии «Книжная полка Вадима Левенталя»

ВЛАДИСЛАВ ГОРОДЕЦКИЙ
«Инверсия Господа моего»

Действие рассказов Владислава Городецкого разворачивается в ближайшем будущем, но так, что читатель, немного приглядевшись, узнает в этом черном зеркале все, что его окружает в настоящем времени, — а потом, приглядевшись еще чуть-чуть, возможно, узнает себя. И содрогнется от ужаса.

Еще в серии «Книжная полка Вадима Левенталя»

СЕРГЕЙ ГРЕБНЕВ

«Бестиарий»

Хронотоп рассказов Сергея Гребнева — Петербург девяностых; тот самый город «Улиц разбитых фонарей», «Бандитского Петербурга», «Окна в Париж» и балабановского «Брата».

Герои этих рассказов — подростки, юноши; в другое время они сели бы за штурвалы самолетов, отправились бы в полярную экспедицию или строили бы новые города. Но на дворе девяностые — поэтому они пьют дешевый спирт, принимают наркотики и состоят в запрещенной на территории РФ партии.

Литературно-художественное издание

Александр Пелевин

Покров-17

*В тексте сохранены особенности авторской орфографии
и пунктуации*

(18+)

Художественный редактор *Павел Лосев*

Редактор *Аглай Топорова*

Корректор *Антонина Семенова*

Компьютерная верстка *Наталии Ремизовой*

Подписано в печать 30.10.2020. Формат 60 × 90/16

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл. печ. л. 19. Тираж 3000 экз. Заказ

ООО «ИД „Городец“»

105082, г. Москва, Переведеновский пер., д. 17, кор. 1

тел.: (985) 8000 366

www.gorodets.ru

e-mail: info@gorodets.ru, levental.bookshelf@gmail.com

Интернет-магазин: gorodets.ru

Хитро устроенная, перенасыщенная цитатами химерическая конструкция не просто равномерно движется вперед, но уверенно вовлекает в свое движение читателя. Сложная система культурных отсылок не только не вступает в конфликт с сюжетной динамикой, но, напротив, органично ее подпитывает. Веский повод выучить фамилию «Пелевин» в новом значении.

Галина Юзефович

Для меня очевидно, что теперь я буду следить за творчеством Александра Пелевина и не спутаю его с однофамильцем.

Владислав Толстов

Александр Пелевин идет от авангардной поэзии и русского реализма (подчас социалистического) к остросюжетной прозе, кино и метафизике.

Алексей Колобродов

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

ISBN 978-5-907220-84-3

9 785907 220843